И. Д. БѢЛЯЕВЪ.

О ДОХОДАХЪ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

ИЗДАНІЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
Типографія Штаба Московскаго военнаго Округа
Остоженка, д. военнаго вѣдомства.
1885.

Изданіе прерывается на стр. 168-й.

HJ247

ISS
37

О ДОХОДАХЪ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

Чтобы вѣрнѣе судить о Государственныхъ доходахъ, необходимо сперва дать понятіе объ отношеніи Государства къ другимъ сосѣднимъ Государствамъ, о его устройствѣ, объ образѣ жизни народа и слѣдовательно о его способахъ и нуждахъ.

Москва вступила на поприще исторической дѣятельности въ то время, когда Россія, подавляемая игомъ Монголовъ, почти совершенно распалась на части. Владимірское княженіе, и прежде въ самомъ цвѣтущемъ своемъ состояніи, никогда не имѣвшее полнаго права на всю Русь, а съ вторженіемъ Монголовъ еще болѣе утратившее свое могущество, вскорѣ по смерти Александра Ярославича Невскаго среди междоусобій его дѣтей совершенно потеряло значеніе великаго княженія. Удѣльные Князья, какъ не принадлежавшіе къ роду Всеволода Большаго Гнѣзда, такъ и происходившіе отъ его племени, скоро увидали, что старшинство данное Батыемъ Владиміру легко можетъ быть передано и другимъ городамъ, и вслѣдствіе этого не замедлили воспользоваться тѣми средствами, у кого какія были подъ рукой: кто собственными силами, кто подарками и происками при Ханскомъ дворѣ, начали присвоивать себѣ велико-княжское достоинство. Сему безъ сомнѣнія немало способствовало могущество вновь образовавшейся полу-русской Литвы. Литовскіе Великіе Князья съ самаго Гедимина, привлекши на свою сторону многихъ сосѣднихъ Русскихъ Князей, постоянно простирали свои виды и на остальную Русь, какъ юго-западную, такъ и сѣверо-восточную, и для этого какъ можно сильнѣе старались поддерживать раздробленіе сѣверо-во-

сточной Руси, покровительствуя ослабѣвшимъ Князьямъ противъ сильныхъ. Такъ Гедиминовъ сынъ Олгердъ три раза подступалъ къ Москвѣ, защищая Тверскаго Великаго Князя Михаила Александровича противъ Дмитрія Ивановича Донскаго, а въ договорѣ съ симъ послѣднимъ, заключенномъ въ 1371 году, не только признаетъ право Велико-Княжской власти за Тверскимъ и Смоленскимъ князьями, но требуетъ, чтобы и Москва признавала неприкосновенность сихъ правъ: причемъ и Дмитрій Ивановичъ съ своей стороны требуетъ признанія неприкосновенности велико-княжескихъ правъ за Князьями Рязанскимъ, Пронскимъ и Нижегородскимъ. [1] Таже политика продолжалась и при В. К. Василіѣ Васильевичѣ Темномъ, какъ видно изъ договорной его грамоты съ Казимиромъ Королемъ Польскимъ и В. К. Литовскимъ, заключенной въ 1449 году, гдѣ Казимиръ требуетъ признанія велико-княжескихъ правъ Князя Тверскаго, а Василій защищаетъ тѣже права Князя Рязанскаго. Самые Монголы кажется держались тойже политики, покрайней мѣрѣ благоразумнѣйшіе изъ ихъ Хановъ поддерживали раздробленіе Руси и охотно давали свои ярлыки на велико княжеское достоинство любому искателю, лишь бы онъ происходилъ изъ Княжеской фамиліи. И какъ бы то ни было съ самаго начала XIV столѣтія раздробленіе Сѣверо-восточной Руси было въ полномъ разгарѣ, и почти каждый княжескій родъ имѣлъ уже своего Великаго Князя и составлялъ что-то независимое и самостоятельное, такъ что Русь представлялась не государствомъ, а группою государствъ независимыхъ другъ отъ друга и часто враждебныхъ, которыя имѣли общимъ между собою только языкъ, вѣру и подданство еще грознымъ Монголамъ. Таковыми княжествами въ это время является Владимірское, пользовавшееся какимъ-то номинальнымъ старѣйшинствомъ, но вовсе незначительное, потомъ Тверское, Московское, Рязанское, Пронское, Смоленское, Ярославское, Суздальское, Переяславское, Галицкое (Соль-Галичь) и Нижегородское. [2] Таковое жалкое раздробленіе Государства почиталось даже

---

[1] Собр. Госуд. грам. и догов. т. I, № 31.

[2] Такъ еще въ концѣ XIII вѣка наши лѣтописи упоминаютъ о нѣсколькихъ великихъ княженіяхъ. Напримѣръ подъ 1283 годомъ Софійскій Временникъ говоритъ: «Поидоша Новгородцы на В. Князя Дмитрія Александровича; а В. Князь Святославъ Тверскій со Тверичи, а В. Князь Даніилъ Александровичъ съ Москвичи», или тамъ же подъ 1296 годомъ перечисляются Великіе Князья съѣхавшіеся во Владиміръ, Владимирскій Андрей Александровичъ, Ярославскій Ѳеодоръ, Ро-

закономъ и священнымъ обычаемъ вѣковъ. Такъ Великій Князь Тверской Михаилъ Ярославичъ въ судѣ передъ Узбекомъ въ 1319 году прямо говоритъ: что раздробленіе Руси и независимость разныхъ княженій составляетъ обычай Русскихъ: «а братъ мой Юрьи Даниловичь воста на мя, и вся хотя владѣти, не такъ по нашему обычаю, и по семъ намъ вражду сотвори». [3]

Каждое Великое Княжество въ сѣверо-восточной Руси составляло что-то отдѣльное цѣлое и независимое отъ другихъ, имѣло свое устройство, свой образъ правленія, отношеніе подданныхъ къ Князю, свою политику и свою внутреннюю жизнь, свои удѣлы и свои отношенія удѣльныхъ Князей къ Великимъ. Впрочемъ все это въ настоящее время еще мало извѣстно; но конечно при бо́льшихъ открытіяхъ и изслѣдованіяхъ оставшихся памятниковъ современемъ можно будетъ приступить къ отдѣльной исторіи каждаго Великаго Княжества, и прослѣдить внутреннюю жизнь и устройство этихъ особныхъ представителей минувшей жизни Русскаго народа. Въ настоящее же время въ этомъ отношеніи можно ограничиться только общими указаніями договорныхъ грамотъ Вели-

---

стовскій Константинъ Борисовичъ, и Московскій Даніилъ Александровичъ и Михаилъ Ярославичъ Тверскій. А въ XIV вѣкѣ Никоновская лѣтопись упоминаетъ: подъ 1309 годомъ о Великомъ Князѣ Суздальскомъ: «Того же лѣта преставись Князь Великій Василій Михаиловичъ Суздальскій.» Подъ 1388 годомъ о Великомъ Княженіи Галичьскомъ: «Второму жь сыну своему Юрью даде Звѣнигородъ, да своего дѣда куплю Галичь со всемь, а прежъ было Галичское княженіе великое. Тоже говорятъ всѣ договорныя грамоты между Князьями въ XIV и XV вѣкахъ. Такъ въ договорной грамотѣ 1368 года между В. К. Дмитріемъ Ивановичемъ Донскимъ и Михаиломъ Александровичемъ Тверскимъ говорится о Великихъ Князьяхъ Ярославскомъ и Смоленскомъ. (Собр. Гос гр. и дог. т. I.) Или договорная грамота между Димитріемъ Донскимъ и Олгердомъ Литовскимъ, заключенная въ 1371 году, упоминаетъ о Великихъ Князьяхъ Святославѣ Ивановичѣ Смоленскомъ, Олегѣ Рязанскомъ и Владимирѣ Пронскомъ. (Собр. Г. г. и д. т. I.) Перемирный же листъ Князя Ѳедора Новосильскаго и Одоевскаго съ Королемъ Казимиромъ, писанный въ 1447 году, между прочимъ, говоритъ: «А Великимъ Княземъ Московскому хто будетъ Московское великое княженіе держати съ Великимъ Княземъ Переяславскимъ, хто будетъ Переяславское великое княженіе держаги и съ Великимъ Княземъ Пронскимъ, хто будетъ Пронское великое княженіе держати; имъ межи собѣ судъ по старинѣ, и чого межи себе неисправятъ, ино положити на Великаго Князя Казимира воли.» (Сбор. Мухан. № 4.) Также въ числѣ княжескихъ жалованныхъ грамотъ есть грамоты Великаго Князя Нижегородскаго Даніила Борисовича. (Ап. Ар. Эк., т. I, №№ 12 и 18.)

[3] Никон. лѣтоп. подъ годомъ 1319.

кихъ Князей другъ съ другомъ и съ удѣльными Князьями, а также нѣкоторыми намеками другихъ офиціальныхъ документовъ относящихся до внутренняго устройства разныхъ княжествъ. Изъ нихъ видно:

1-е. Великіе Князья сами сносились съ Ордою и платили ей дань; удѣльные же князья не имѣли права отъ своего лица сноситься съ Ханскимъ дворомъ, и отсылали условленную дань къ Великимъ Князьямъ, а не прямо въ Орду. При началѣ Монгольскаго ига таковаго разграниченія правъ между удѣльными и Великими Князьями не существовало, и удѣльные Князья ѣздили въ Орду и проживали тамъ по нѣскольку лѣтъ, не только безъ согласія, но даже и безъ вѣдома Великихъ Князей. [4] Такъ въ 1244 году ѣздили въ Орду удѣльные князья Владиміръ Константиновичь, Бор. Дмитрія Александровича и чрезъ происки и дары при Ханскомъ дворѣ получившаго ханскій ярлыкъ и войско для утвержденія въ велико-княжескомъ достоинствѣ, и подобныя удачныя попытки Михаила Тверскаго, Даніила Московскаго и Іоанна Переяславскаго вскорѣ навели Великихъ Князей на мысль отстранить удѣльныхъ князей отъ непосредственныхъ сношеній съ Ордою и присвоить это право себѣ. Когда именно образовалось это право, мы не знаемъ; но какъ бы то ни было при самомъ началѣ XIV столѣтія Великіе Князья во всѣхъ договорныхъ грамотахъ постоянно отстаивали его, и удѣльныхъ князей осмѣливавшихся прямо сноситься съ Ордою признавали измѣнниками. Доказательствомъ сему служатъ всѣ договорныя грамоты того времени дошедшія до насъ. [5]

---

[4] Такъ въ 1244 году ѣздили въ Орду удѣльные князья Владиміръ Константиновичъ, Борисъ и Глѣбъ Васильковичи и Василій Всеволодовичъ, ходатайствовать объ утвержденіи за ними удѣловъ; а въ слѣдующемъ году Ярославъ былъ у Батыя со всѣми своими братьями и племянниками; въ 1247 году ѣздилъ въ Орду Александръ Невскій, когда Великимъ Княземъ былъ еще Андрей Ярославичъ, и получилъ отъ Хана Кіевъ; а въ 1257 году Глѣбъ Васильковичъ даже женился въ Ордѣ. (Лавр. лѣт., стр. 201—203.)

[5] Такъ въ договорной грамотѣ В. К. Василья Дмитріевича Московскаго съ В. К. Ѳеодоромъ Ольговичемъ Рязанскимъ 1402 года: «А будетъ ти Каличея послати въ Орду, и что съ нимъ пошлешь, или къ тобѣ посолъ Татарскій придетъ, и тебѣ того почтити Христіанскаго дѣла добра, а тобѣ не въ измѣну.» (Соб. Гос. гр. и дог., т. I, № 36.) Или въ договорной грамотѣ В. К. Ивана Васильевича Московскаго съ В. К. Михаиломъ Борисовичемъ Тверскимъ 1462 года: «А къ Ордѣ ти, брате, ко царю путь чистъ и твоимъ людемъ.» (Тамъ же.)

2-е Великіе Князья, какъ самостоятельные Государи, имѣли право безъ всякаго посторонняго посредства вести войну и заключать миръ; въ чемъ удѣльные Князья должны были прибѣгать къ посредничеству своихъ Великихъ Князей. Такъ это видно въ договорной грамотѣ Великихъ Князей Димитрія Донскаго и Олега Рязанскаго въ 1381 году. «А что Татарская мѣста отоималъ Великій Князь Дмитрій Ивановичь за себя отъ Татаръ до сего до нашего докончанья, та мѣста Великому Князю Дмитрію; а что В. Князь Олегъ отоималъ Татарская мѣста отъ Татаръ дотолѣ же, а то В. Князю Олегу та мѣста. [6] Здѣсь оба Князя договариваются какъ равный съ равнымъ и не даютъ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Напротивъ того, удѣльные князья всегда принимали на себя обязанность сообразоваться съ волею и распоряженіями своего Великаго Князя. «А быти мнѣ по Великаго Князя Казимировѣ волѣ: съ кимъ Великій Князь Казимиръ миренъ ино и я съ нимъ миренъ; а съ кимъ В. Князь Казимиръ не миренъ, съ тымъ и я не миренъ; а В. Князю Казимиру боронити меня отъ всякого, какъ и своего. А безъ В. Князя Казимировы воли, мнѣ ни съ кимъ же доканчивати, а ни пособляти никому никоторыми дѣлы.» [7] Сказано въ договорной грамотѣ Князя Ѳеодора Львовича Новосиль-

---

Здѣсь въ обоихъ случаяхъ Великіе Князья взаимно признаютъ право на непосредственное сношеніе съ Ордою. Но относительно удѣльныхъ князей во всѣхъ договорахъ сношеніе съ Ордою предоставляется Великимъ Князьямъ. Такъ въ договорной грамотѣ В. К. Василья Васильевича Моск. съ Васильемъ Ярославичемъ Княземъ Боровскимъ, 1433 года, прямо сказано: «А Орда знати тебѣ Великому Князю, а мнѣ Орды незнати.» Тоже въ договорѣ того же В. К. Василья Васильевича съ К. Юрьемъ Дмитріевичемъ въ томъ же году: «А Орда знати мнѣ В. Князю, а тобѣ Орды незнати никакоже.» Или въ договорѣ его же съ Михайломъ Андреевичемъ княземъ Можайскимъ 1447 года: «а коли, господине, Князь Великій, придетъ посолъ Татарскій въ Ярославль, и мнѣ, господине, съ тое отчины заозерья давати Ярославскимъ Князьямъ въ выходъ и во всѣ пошлины, какъ давали Заозерскіе Князи Ярославскимъ Княземъ.» Или въ грамотѣ Ивана Васильевича Великаго Князя Рязанскаго съ роднымъ его братомъ Ѳеодоромъ Васильевичемъ: «А Орды знати и вѣдати мнѣ В. Князю, и Царевичевъ ясакъ Сатылгановъ; а имати ми у тобя въ выходъ и Царевичевъ ясакъ съ твоей вотчины треть по старымъ дефтеремъ и по крестному цѣлованью.» (Соб. Гос. гр. и дог., т. I.) Два послѣдніе случая показываютъ, что недопущеніе удѣльныхъ князей сноситься съ Ордою непосредственно въ XV вѣкѣ было уже старинымъ закономъ,—*по старинѣ, по старымъ дефтеремъ.*

[6] Собр. Гос. гр. и дог., т. I, № 32.

[7] Ак. Ист. Запад. Рос., т. I, № 41.

скаго и Одревскаго съ Литовскимъ В. Княземъ Казимиромъ 1442 года. Та же форма и въ другихъ современныхъ позднѣйшихъ и древнѣйшихъ договорахъ. Напримѣръ въ договорной грамотѣ В К. Ивана Васильевича Рязанскаго съ братомъ его Княземъ Ѳеодоромъ 1496 года. «А хто будетъ мнѣ В. Князю другъ, то и тобѣ другъ, а хто будетъ мнѣ В Князю недругъ, то и тобѣ недругъ; а съ кѣмъ будешъ ты въ цѣлованьи, и тобѣ къ тому цѣлованье сложити. А гдѣ ми В. Князю самому всѣсти на конь, и тобѣ со мною самому пойти; а гдѣ ми тобя послати, и тобѣ пойти безъ ослушанья; а гдѣ пошлю своихъ воеводъ, и тобѣ послати съ моими воеводами своего воеводу съ людми.» [8] Эта послѣдняя грамота слагаетъ съ удѣльнаго Князя даже всякую присягу, еслибы онъ кому ее далъ мимо своего Великаго Князя: «*А съ кѣмъ будешъ ты въ цѣлованьи, и тобѣ къ тому цѣлованье сложити.*» По всѣмъ симъ и по другимъ грамотамъ удѣльные князья являются совершенными подручниками Великихъ Князей, и обязываются безпрекословно исполнять ихъ волю.

3-е Безъ нарушенія права и безъ объявленія войны одинъ Великій Князь не могъ отнимать областей у другаго Великаго Князя, тогда какъ удѣльные Князья въ этомъ совершенно зависѣли отъ Великаго Князя: онъ могъ перемѣщать ихъ изъ одной области въ другую, уменьшать и увеличивать ихъ удѣлы безъ нарушенія права. [9] Удѣльные Князья совершенно зависѣли отъ своихъ Великихъ Князей и не могли имѣть суда и управы противъ ихъ распоряженій. Великіе же Князья всѣ дѣла между собою рѣшали или взаимными переговорами черезъ бояръ, или судомъ третьяго Великаго Князя добровольно избраннаго въ посредники, а иногда судомъ Епископа или Митрополита. [11] Право неприкосновенности владѣній

---

[8] Собр. Гос. гр. и дог., т. I.

[9] Договорная грамота В. Кн. Василья Васильевича съ Васильемъ Ярославичемъ Княземъ Боровскимъ 1451 года: «Язъ (Вас. Вас.) противу тѣхъ городовъ и волостей твоее дѣдины пожаловалъ тебѣ, отступилъ ти ся есмь своее вотчины Бѣжецкаго Верха въ удѣлъ и въ вотчину.» (Собр. Гос. гр. и дог., т. I.)

[10] Такъ въ договорной грамотѣ Димитрія Донскаго съ В. Кн. Михаиломъ Александровичемъ Тверскимъ 1368 г.: «А что ся учинить межи насъ Князей каково дѣло, ино съѣдутся бояре наши на рубежъ, да межи насъ поговорятъ, а неуговорятся ино ѣдутъ на третіи на Князя Великого Ольга (Рязанскаго).» (Собр. Гос. гр. и дог., т. I.) А договорная грамота В. К. Василья Васильевича съ В. К. Казимиромъ Литовскимъ 1449 г. называетъ таковыя отношенія уже старинными;

между Великими Князьями соблюдалось даже въ то время, когда Московскій дворъ очень уже усилился противъ другихъ Велико-княжескихъ дворовъ. Такъ еще въ договорной грамотѣ Василья Васильевича Темнаго съ Иваномъ Ѳеодоровичемъ Рязанскимъ въ 1447 году говорится: «и мнѣ въ землю Рязанскую невступатися и въ Князи Рязанскіе.» [11] Здѣсь сильный Московскій Великій Князь торжественно еще признаетъ гегемонію слабаго уже Великаго Князя Рязанскаго, и не рѣшается нарушать правъ его относительно земли и удѣльныхъ князей. Но совсѣмъ не такъ поступали даже съ сильными удѣльными Князьями. Напримѣръ въ договорной грамотѣ В. Князя Василія Дмитріевича съ Владимиромъ Андреевичемъ Храбрымъ 1405 года молодой Великій Князь съ своимъ знаменитымъ дядею говоритъ почти какъ съ подданнымъ, а что ся есмь былъ отступилъ брату своему молодшему Князю Володимиру Андреевичу Волока съ волостьми и Ржевы съ волостьми, и язъ брату своему молодщему Володимиру Андреевичу и его дѣтямъ противу того отступился въ удѣлъ и въ вотчину, противу Волока Городца съ волостьми. А чѣмъ есмь пожаловалъ князя Ивана Борисовича, а въ то ся князю Володимиру и его дѣтямъ невступати. А противу Ржевы отступился семь Князю Володимиру и его дѣтемъ въ вудѣлъ и въ вотчину Углича съ пути и съ пошлинами и съ селомъ Золоторусскымъ; а къ тому пожаловалъ есмь брата своего молодшаго Князя Володимира и его дѣтей въ вудѣлъ и въ вотчину далъ есмь имъ Козлескъ, какъ было за мною за Великимъ Княземъ, да Голичь, да Олексинъ. А что есмь пожаловалъ Князя Ивана Людимльскомъ, какъ есмь ему далъ, и что къ нему потягло, въ то ся князю Володимеру и его дѣтемъ невступати.» [12] Замѣчательно, что удѣльные князья были въ такой зависимости отъ своихъ Великихъ Князей, что должны были просить Велико-княжескаго утвержденія даже въ своихъ родовыхъ владѣніяхъ полученныхъ отъ отцовъ, и принимали ихъ какъ милость Велико-княжескую. О чемъ очень ясно

«А Князь Великій Борисъ Александровичъ Тверскій и со своею братьею и съ братаничи своими со мною съ В. Княземъ Василіемъ въ любви и въдокончаньи а судъ о земли и о водѣ мнѣ съ нимъ держати во всихъ обидныхъ дѣлѣхъ по старынѣ; а о чемъ ся судьи наши сопрутъ, ино положатъ на третей, хто будетъ обѣима сторонамъ любъ (Ак. Зап. Рос., т. I № 50.).»

[11] Собр. Гос. гр. и дог., т. I.

[12] Собр. Гос. гр. и дог., т. I.

свидѣтельствуютъ записи Шемяки и Князя Можайскаго съ В. Княземъ Васильемъ Васильевичемъ, данныя въ 1448 году. [13]

4-е Великіе Князья сносились другъ съ другомъ, какъ равный съ равнымъ; и если когда посылали другъ другу войска, то тотъ, кто получалъ помощь, обязанъ былъ содержать на свой счетъ присланныхъ [14]. Тогда какъ удѣльные Князья относились къ Великимъ Князьямъ какъ низшій къ высшему, называя ихъ господами, а себя слугами [15], и даже не могли располагать сво-

---

[13] «И пожаловати ему Великому Князю насъ нашими вотчинами; чѣмъ меня Князя Дмитріа Юрьевича благословилъ отецъ мой Князь Юрій Дмитріевичъ, опроче Звенигорода съ волостьми да Вятки; а мене Князя Ивана Андрѣевича моею вотчиною, чѣмъ меня благословилъ отецъ мой Князь Андрей Дмитріевичъ.» (Собр. Гос. гр. и дог., т. I, №№ 43 и 67.)

Гегемонію однихъ Великихъ Князей противъ другихъ, кажется, защищали и сами Монголы; по крайней мѣрѣ при ихъ послахъ или чиновникахъ сильные Великіе Князья не осмѣливались самоуправствовать противъ слабыхъ. Такъ въ 1368 г. при внезапномъ пріѣздѣ въ Москву Татарскихъ мурзъ Карача, Оандара и Тютекаша, В. Князь Дмитрій Ивановичъ Московскій немедленно вывелъ изъ-подъ стражи, и обязавъ клятвою отпустилъ изъ Москвы В. К. Михаила Александровича Тверскаго, котораго незадолго предъ тѣмъ измѣнически заманилъ въ Москву, и хотѣлъ подвергнуть своему суду.» (Арцыб. т. II, стр. 116.)

[14]) Договорныя грамоты: а) Олега Рязанскаго съ Дмитріемъ Донскимъ и Владимиромъ Андреевичемъ Храбрымъ. «А добра вы мнѣ хотели во всѣмъ въ Ордѣ и на Руси отъ чистосердья, а что вы слышавъ о моемъ добрѣ или о мнѣ отъ христіанина или отъ поганина, то вы мнѣ повѣдати въ правду безъ примышленья. А вотчины вы моея блюсти, а необидѣти; а мнѣ ваше вотчины блюсти, а необидѣти.» б) В. К. Бориса Александровича Тверскаго съ В. К. Васильемъ Васильевичемъ Московскимъ. «На семъ на всемъ, брате Князь Великій Василей Васильевичъ, цѣлуй ко мнѣ крестъ къ своему брату къ В. К. Борису Александровичу.» (Собр. Гос. гр. и дог., т. I, № 32 и Ак. Ар. Эк., т. I, № 33.) Эта форма сношеній была одинакова и съ чужеродными Государями. Вотъ слова договорной грамоты В. К. Василья Васильевича съ Казимиромъ Королемъ Польскимъ 1449 года: «Есмо взяли съ нимъ братство и любовь и вѣчное докончанье. Жити намъ съ нимъ въ любви по сей грамотѣ, а быти намъ съ нимъ вездѣ за одинъ, а добра намъ ему хотети и его земли, вездѣ, гдѣ бы ни было; а ему намъ добра хотѣти и нашей земли, вездѣ, гдѣ бы ни было. А хто будетъ ему другъ, то и мнѣ другъ; а хто будетъ ему недругъ, то и мнѣ недругъ.» (Ак. Ист. Зап. Рос. т, I, № 50.)

[15] Догов. грам. Князя Василья Ярославича Боровскаго съ В. К. Васильемъ Васильевичемъ Московскимъ. «На семъ, господине, брате старѣйшій Князь Великій Василій Васильевичь, цѣлуй, господине, ко мнѣ крестъ къ своему брату молодшему ко Князю Василью Ярославичу.» Или еще униженнѣе въ договорѣ Князя Суздальскаго Ивана Васильевича съ тѣмъ же Василемъ Васильевичемъ. «На

ими войсками безъ разрѣшенія Великихъ Князей, которые, какъ полные владыки, даже имѣли право наказывать бояръ, состоящихъ на службѣ у удѣльныхъ Князей. Вотъ какъ объ этомъ писано въ договорной грамотѣ Димитрія Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ 1362 года: «А коли ми будетъ отпущати своихъ воеводъ изъ великаго княженія, а кто будетъ.... твоихъ бояръ и слугъ, тобѣ послати своихъ воеводъ съ моими воеводами вмѣстѣ безъ ослушанья; а кто ся ослушаетъ, того ми казнити, а тобѣ, брату моему, со мною. А кого коли оставити у тобѣ бояръ, про то ти ми доложити; то ны учинити по згадцѣ; кому будетъ слично ся оставити, тому остатися, а кому ѣхати, тому ѣхати. А тобѣ брату моему молодшему мнѣ служити безъ ослушанія по згадцѣ» [16]. Напротивъ того, когда требовалась помощь однимъ Великимъ Княземъ отъ другаго Великаго Князя, то условія сношеній были совсѣмъ другія. Напримѣръ В. К. Иванъ Васильевичъ III въ договорѣ съ В. Княземъ Михайломъ Борисовичемъ Тверскимъ говоритъ: «А пойдутъ, брате, на насъ Литва, или Ляхи, или Нѣмцы, и тобѣ, брате, къ намъ на помощь самому на конь всѣсти и съ своею братьею молодшею въ правду безъ хитрости, а кормъ взяти не корыстоватися» [17]. Такъ писалъ Иванъ Васильевичъ, сильнѣйшій изъ Князей, почти уже самодержецъ всей Руси, и при томъ къ слабѣйшему современному Князю; Великіе же Князья, равные въ силахъ, въ случаѣ требованія помощи, поступали еще осторожнѣе. Такъ Василій Васильевичъ въ 1452 году, ища помощи у Бориса Александровича Тверскаго, избралъ для сего въ посредники Митрополита Іону, который такъ писалъ къ Тверскому Епископу Иліѣ: «Благословляю тобя о Святомъ Дусѣ своего сына, чгобы

семъ на всемъ, господине. Господарь Князь Великій Василій Васильевичъ, цѣлуй, господине, крестъ ко мнѣ ко Князю Ивану Васильевичу.» (Собр. Гос. гр. и дог., т. I.) Или еще въ дѣлѣ о Шемякинѣ Князѣ Васильѣ Ивановичѣ 1517—1523 г. въ памяти Шигонѣ и Телешеву велѣно было говорить: «Что ихъ послалъ Князь Великій къ слугамъ своимъ, къ двѣма Княземъ Василіемъ»..... а Шемякинъ пишетъ къ Великому Князю: «Холопъ твой Государевъ Василей Ивановъ челомъ бьетъ.» (Ак. Ист., т. I, № 124.) Тоже почти находимъ въ Актахъ Западной Россіи. Такъ Одоевскій Князь Ѳеодоръ въ договорѣ съ Казимиромъ Литовскимъ 1442 года говоритъ: «Былъ есми челомъ Великому Князю Казимиру Королевичу, ижъбы мене прынялъ у службу.» (Ак. Зап. Рос., т. I, № 41.)

[16] Собр. Гос. гр. и дог., т. I.

[17] Тамъ же.

еси о томъ сыну моему Великому Князю Борису Александровичу говорилъ и билъ челомъ, и докучалъ твердо по своему святительскому долгу, чтобы сынъ мой Великій Князь Борисъ Александровичъ къ Великому Князю Василью Васильевичу своихъ воеводъ послалъ на тѣхъ безбожныхъ (Казанцевъ) съ своими многими людьми за Святыя Божіи церкви и за все православное христіанство. Занеже сыну вѣдомо тобѣ, что тамо учинится великимъ Божіимъ милосердіемъ, тому Великому Государю Великому Князю которое что добро къ строенію христіанскому и истиннѣ, и то обѣихъ тѣхъ Великихъ Государей и всего нашего православнаго христіанства общее добро.» [18] Это митрополичье посланіе указываетъ прямо на совершенное равенство обоихъ Великихъ Князей: тутъ нѣтъ и намеку на зависимость одного отъ другаго, или старшинство одного передъ другимъ. Митрополитъ не ссылается ни на какія условія, и убѣждаетъ общею и взаимною пользою цѣлаго христіанства: «*И то обѣихъ тѣхъ Великихъ Государей и всего нашего православнаго христіанства общее добро.*»

5-е. Каждое великое княжество имѣло свое внутреннее устройство, не всегда сходное съ другими великими княжествами, свою іерархію чиновъ, свои отношенія между князьями, чиновниками и народомъ. Такъ въ Рязанской іерархіи встрѣчаются, между прочими чинами, *баскаки* [19], *поѣздовые* и *боровники*, [20] которыхъ въ другихъ княжествахъ мы не находимъ. Рязанскіе Великіе Князья кажется, были довольно ограничены своею многочисленною [21] и крамольною аристократіею, которую наши лѣтописи описываютъ одинакими красками съ аристократіею Галицкою [22] и вообще

---

[18] Ак. Ист., т. I, № 51.

[19] Грамота Митрополита Алексѣя на Чермныи Яръ о подсудимости Епископу Рязанскому 1360 года: «Благословеніе Алексѣя Митрополита всея Руси, ко всѣмъ крестьяномъ, обретающимся въ предѣлѣ Чермного Яру, и по карауломъ возлѣ Хопоръ до Дону попомъ и діакономъ, и къ баскакомъ, и къ сотникомъ и къ бояромъ.» (А. И., т. I, № 3.)

[20] Жал. гр. В. К. Рязанскаго Олега Ивановича Солотчинскому монастырю 402 года: «По толѣ волостели мои невъѣзжаютъ, ни чашники мои, ни клюшницы, ни поѣздове, ни ямщикъ, ни боровникъ.» (А. И., т. I, № 14).

[21] Такъ въ жалованной грамотѣ Олгову монастырю 1356—1387 г. сказано: «Коли ставили по первыхъ прадѣди наши Святую Богородицу, Князь Великіи Ингварь, Князь Олегъ, Князь Юрьи, а съ ними бояръ 300, а мужіи 600; тогды дали Св. Богородицы дому 9 земель бортныхъ.» (А. И., т. I, № 2.)

[22] «А Князя ихъ Константина Романовича Рязанскаго цѣкоею хитростію

всѣхъ Рязанцевъ преимущественно называютъ гордыми и высокомѣрными. Такъ обыкновенно грамоты Рязанскихъ Князей или начинались согласіемъ ихъ съ боярами, или оканчивались посредничествомъ бояръ и разныхъ чиновниковъ [23], точно также какъ и грамоты князей Галицкихъ [24]; напротивъ того во Владимірскомъ и Нижегородскомъ княжествахъ замѣтны слѣды народнаго вѣча [25], которое сопоставляло свое вліяніе на дѣла Княжеской власти. А можетъ быть въ этомъ отношеніи найдется много и другихъ отличій между разными княжествами при большемъ открытіи древнихъ памятниковъ, которые должны пролить большой свѣтъ на отношенія между разными княжествами и вообще на исторію Руси.

6-е. Каждое великое княжество имѣло свои виды податей и

изъ (Данилъ Александровичъ Московскій) кромолою ихъ же бояръ Рязанскихъ, и приведе его съ собою къ Москвѣ.» (Лѣт. Никон. подъ годомъ 1301.)

[23] Жал. гр. Ряз. В. К. Олега Ивановича 1402 года: «А пожаловалъ есмь стольникомъ своимъ Александромъ Глѣбовичемъ и чашникомъ своимъ Григорьемъ Яковлевичемъ». Или въ жалованной грамотѣ Рязанскаго В. К. Ѳеодора Ѳедоровича Солотчинскому монастырю 1430—1456.... «А пожаловалъ есмь его боляриномъ своимъ Прокофьемъ Ѳедоровичемъ, стольникомъ Яковомъ Ивановичемъ, чашникомъ своимъ Семеномъ Глѣбовичемъ, чашникомъ же Ѳедоромъ Юрьевичемъ». (Ак. Ист. т. I, №№ 13 и 36).

[24] Въ договорной грамотѣ Юрья Львовича Князя Галицкаго съ нѣмецкимъ орденомъ 1335 года, «Георгій Божіею милостію природный Князь всей Малой Россіи, совокупно съ нашими любезными и вѣрными боярами, а именно съ Дмигріемъ нашимъ дядькою, Михаиломъ Елеазаровичемъ воеводою Бѣльскимъ, Васильемъ Кудрановичемъ тіуномъ двора нашего, Григорьемъ Косаковичемъ воеводою Перемышльскимъ, Борисомъ Кракулою воеводою Львовскимъ, Ходоромъ Ошеколѣ воеводою Луцкимъ, и Хотькомъ Еромировичемъ возобновляемъ, одобряемъ, утверждаемъ силою сей грамоты всѣ ненарушимые договоры.... (Истор. Гос. Рос. т. IX, примѣч. 252). Или опять къ Рязанскимъ Князьямъ въ грамотѣ Олега Ивановича 1356—1387 г. «Язъ Князь Великій Олегъ Ивановичъ згадавъ есмь съ своимъ отцемъ съ владыкою Васильемъ и съ своими бояры (а бояре со мною были: Софоній Алтыкулачевичъ, Семенъ Ѳедоровичъ, Микита Андреевичъ, Тимошъ Олександровичъ, Манасѣя дядько, Юрьи окольничій, Юрьи чашникъ, Семенъ Никитичъ съ братьею, Павелъ Соробичъ), далъ есмь отцу своему Арсенію». (А. И. т. I, № 2).

[25] Такъ Никоновская лѣтопись говоритъ, что Александръ Васильевичъ Суздальскій перевезъ было изъ Владимира древній вѣчевый колоколъ, когда сталъ управлять Владимиромъ изъ Суздаля. (Ник. лѣт т.). Тамъ же подъ годомъ 1305-мъ говорится о вѣчѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ. «А Князь Михайло Ондреевичъ пріиде изъ Орды въ Нижній Новгородъ изби всѣхъ вѣчниковъ, иже избиша бояръ».

сборовъ [26]. Хотя безспорно во всѣхъ много было общаго въ этомъ отношеніи, и нѣкоторыя изъ сборовъ даже опредѣлялись взаимными договорами Великихъ князей; но тѣмъ не менѣе самая эта предосторожность князей много уже говоритъ о неимѣніи общихъ формъ и можетъ быть о произволѣ владѣтелей или администраторовъ. Вмѣстѣ съ неодинаковостію податей и сборовъ рѣзко бросается въ глаза большое различіе въ вѣсахъ, мѣрахъ, деньгахъ и даже въ способѣ народоизчисленія [27] въ каждомъ великомъ кня-

---

[26] Такъ въ Рязанскихъ грамотахъ встрѣчаемъ виды сборовъ, о которыхъ вовсе не упоминаютъ грамоты другихъ княжествъ, таковы: *вины*, *рязанка*, *шестьюдесять*, *поземъ*, *безатшина и татинный рубль*. Жал. грамота Олега Рязанскаго Солодчинскому монастырю. «А придахъ есмь Савицкой острогъ, и съ поземъ, и съ рѣзанкою, и шестьдесятъ, и съ виною, и съ поличнымъ и съ безатшинами». Или въ жалов. грам. тому же монастырю В. К. Ивана Ѳедоровича: (1430—1456). «А рѣзанью и съ шестьдесятъ, вина, поличное, и татинъ рубль съ его села и уѣзда волостемо моему нейдетъ». (Ак. Ист. т. I, №№ 14 и 36).

[27] Такъ въ лѣтописяхъ и грамотахъ мы находимъ Московскій вѣсъ, Новгородскій и Низовскій вѣсъ, также Рязанскій пудъ. Напр. въ жалов. грам. В. К. Рязанской Анны Васильевны сказано: «а шло дѣи съ тое вотчины къ зачатью по пяти пудъ Рязанскихъ». (А. И. т. I, № 80). Или въ договорн. грамотѣ Михаила Тверскаго съ Великимъ Новгородомъ 1317. «А срокъ тремъ тысячамъ и двѣма стома взяти Князю на сборъ въ Низовскый вѣсъ». (Соб. Г. гр. и дог. т.). Относительно мѣръ въ Московскихъ владѣніяхъ земля измѣрялась четвертями и десятинами, а въ Новгородскихъ коробьями; даже общая по названію мѣра земли—соха, въ разныхъ владѣніяхъ была неодинакова, напр. Новгородская соха была въ десять разъ меньше Московской, чему служатъ яснымъ и вѣрнымъ свидѣтельствомъ дошедшія до насъ писцовыя Новгородскія книги; и вѣроятно мы тоже найдемъ и въ книгахъ другихъ княженій, если они когда будутъ отысканы; въ чемъ увѣряютъ различные намеки дошедшихъ до насъ древнихъ грамотъ и другихъ оффиціальныхъ актовъ.

Относительно народосчисленія въ Рязанскихъ владѣніяхъ принимались за единицу семьи. Напримѣръ въ грамотѣ Олега Солотчинскому монастырю сказано: «Тогды дали Святыя Богородицы дому 9 земель бортныхъ, а пять погостовъ, Песочна а въ ней 300 семій, Холохолна а въ ней полтораста семій, Заличны а въ неи 200 семій» и проч. (А. И. т. I, № 2), тогда какъ въ Московскихъ владѣніяхъ за единицу вездѣ принималось тягло и дворъ.

О неодинаковости денегъ въ различныхъ княженіяхъ лучшимъ свидѣтельствомъ служатъ дошедшія до насъ собранія древнихъ монетъ, хранящихся въ различныхъ минц-кабинетахъ, которыя представляютъ изумительное разнообразіе не только по штемпелямъ, но и по вѣсу монетъ, и по формамъ. Да и въ самыхъ грамотахъ монеты разныхъ княженій имѣютъ свои особыя названія, напр. Московскій рубль, Тверской, Новгородскій рубль и проч.

жествѣ; тогда какъ удѣльные Князья во всемъ этомъ должны были сообразоваться съ своимъ Великимъ Княземъ, выключая денегъ, которыя каждый удѣльный Князь клеймилъ своею печатью; впрочемъ и тутъ величина и названіе монетъ были болѣе или менѣе одинаковы въ каждомъ великомъ княжествѣ.

Вотъ нѣкоторыя характеристическія черты различныхъ великихъ княжествъ Руси, конечно, они еще далеко не всѣ, но и изъ того уже что здѣсь собрано, можно видѣть ясно, что каждое великое княжество имѣло свой отдѣльный и самостоятельный бытъ, болѣе или менѣе отличный отъ быта другихъ княжествъ. А посему предположивши говорить о доходахъ Московскаго Государства, прежде всего должно опредѣлить значеніе Москвы въ отношеніи къ другимъ княжествамъ Руси, слѣдовательно, указать на политику ея государей и съ тѣмъ вмѣстѣ отдѣлить Московскія учрежденія отъ учрежденій и устройства другихъ княжествъ, дабы послѣ, при самомъ изслѣдованіи о доходахъ Московскаго Государства, каждый ясно могъ видѣть, на какихъ началахъ основывались различные сборы, въ какихъ формахъ и изъ какихъ источниковъ получались различные виды податей и повинностей, и чтобы формъ и видовъ Московскихъ не смѣшивать съ таковыми же въ другихъ княжествахъ независѣвшихъ отъ Москвы.

Москва.

Московскіе Князья, еще не простирая своихъ видовъ на Владиміръ, уже заботились о доставленіи значенія своему княжеству наравнѣ съ великимъ княженіемъ, и старались показать свою самостоятельность. Такъ въ 1283 году Даніилъ Александровичъ, называвшійся уже Великимъ Княземъ [28], вмѣстѣ съ Святославомъ Тверскимъ, носившимъ тоже титло [29], защищалъ Новгородъ противъ Великаго Князя Дмитрія Александровича Владимірскаго: потомъ въ 1298 году онъ же вмѣстѣ съ Михаиломъ Ярославичемъ Великимъ Княземъ Тверскимъ защищалъ Переяславль противъ Великаго Князя Владимірскаго Андрея Александровича; въ 1300 году занялъ силою Коломну, принадлежавшую Князю Рязанскому; а въ 1302 году по смерти Переяславскаго Князя Ивана Дмитріевича

[28] Соф. Врем. подъ год. 1283, 1296, 1298 и 1302.

[29] Тамъ же подъ год. 1283, 1296 и 1318.

причислилъ его область къ Московскому княженію, и выгналъ оттуда намѣстниковъ Андреевыхъ, а сынъ его Юрій въ томъ же году завоевалъ Можайскъ. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ о Новгородѣ Юрій Даниловичъ вступилъ въ жестокую борьбу съ Михаиломъ Ярославичемъ Тверскимъ за Владимірское княженіе, и при помощи происковъ и подкуповъ при Ханскомъ дворѣ окончилъ сію борьбу совершенно въ свою пользу, такъ что съ сего времени Москва получаетъ рѣшительный перевѣсъ надъ другими княжествами, и начиная съ Юріева брата, Ивана Даниловича, котораго лѣтописи называютъ собирателемъ Русской земли [30] постоянно стремится къ одной цѣли къ постепенному усиленію и присоединенію другихъ княжествъ къ своимъ владѣніямъ, что продолжается до самаго Василія Ивановича, при которомъ поглощаетъ въ себѣ всѣ отдѣльныя Русскія княженія, и при Іоаннѣ IV является уже полнымъ Московскимъ государствомъ, стремящимся уничтожить Монгольскія царства, и отнять у своихъ сосѣдей все то, что когда либо принадлежало Руси.

Москва достигла своей цѣли не столько оружіемъ, сколько политикою. Силою завоеваны были только Новгородъ, Тверь, Вятка, Казань и нѣкоторыя другія земли, и то такъ ловко, что здѣсь оружіе довершало только то, что уже было приготовлено политикою. Вообще большая часть владѣній были пріобрѣтены Москвою или черезъ покупку [31], или по произвольному и невольному дару, или по завѣщанію [32], или происками въ Ордѣ [33], или наконецъ, по какому-то темному праву утягиванья въ переговорахъ на съѣздахъ [34], гдѣ среди споровъ и недоразумѣнія другихъ Князей Мо-

---

[30] Тамъ же подъ 1389 годомъ сказано: «В. К. Дмитрей внукъ бьетъ Князя Великого Ивана Даниловича собрателя Русской земли».

[31] Такъ въ духовной грамотѣ Донскаго, писанной въ 1389 году, мы встрѣчаемъ три владѣнія пріобрѣтенныхъ покупкою его дѣда Калиты. «А сына моего Юрья благословляю своего дѣда куплею Галичемъ со всѣми волостьми. А сына моего К. Андрея благословляю куплею же дѣда моего Бѣлымъ озеромъ, а сына моего Петра благословляю куплею же дѣда своего Угличимъ полемъ»: (Собр. Гос. гр. и дог. т. I, № 34).

[32] Такъ Князь Переяславскій Иванъ Дмитріевичъ по духовному завѣщанію своему отказалъ Даніилу Александровичу Переяславль со всѣми владѣніями.

[33] Василій Дмитріевичъ сынъ Донскаго по происками въ Ордѣ получилъ Нижній Новгородъ.

[34] Въ духовной Донскаго сказано: «А Калуга и Роща сыну моему Князю

сковскіе бояре всегда умѣли выигрывать въ пользу своего Князя. Вообще ловкость, деньги, умѣнье пользоваться обстоятельствами и неуклонная воля были главными пружинами Московской политики, открытая сила выступала или уже по крайности, или только для поддержанія того, что дѣлала политика. Москва въ продолженіи трехъ сотъ лѣтъ твердо и постоянно шла къ одной цѣли—завладѣть всею Русью; ея успѣхи большею частію были не блестящи и не громки, но за то всегда прочны и надежны; Москва не одержала почти ни одной блестящей и рѣшительной побѣды, но за то ни одинъ врагъ ее не остался независимымъ, всѣ онѣ слились съ Москвою и такъ плотно, что единодушіе, съ которымъ все время самозванщины и междуцарствія всѣ страны покоренныя Москвою принимали въ ней горячее участіе, приводитъ въ изумленіе, такъ что читая тогдашнія отписки изъ разныхъ городовъ, почти невѣришь тому, чтобы всѣ эти печальные дѣти сиротѣющей безъ царя Москвы были когда-либо отдѣльными государствами даже враждебными Москвѣ и совершенно покоренные ею не болѣе какъ семьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Внутреннее устройство Московскаго Государства.

Отношеніе Князей къ аристократіи.

Верховная власть въ Московскомъ государствѣ до Бориса Ѳеодоровича Годунова принадлежала Князьямъ изъ племени Даніила Александровича; но до самаго Царя Ивана Васильевича она была довольно ограничена Московскою аристократіею; ибо съ одной стороны во всѣхъ важныхъ случаяхъ Князья должны были прибѣгать къ совѣту бояръ. Такъ самъ Димитрій Донской въ своемъ духовномъ завѣщаніи говоритъ дѣтямъ: «Бояръ же своихъ любите и честь имъ достойную воздавайте противу дѣлу кождо, безъ ихъ думы ничтоже творите.» А съ другой стороны большая часть важнѣйшихъ общественныхъ должностей принадлежала извѣстнымъ боярскимъ родамъ, и должности сіи были не только пожизненными, но и нѣкоторымъ образомъ наслѣдственными, [17] такъ что Ве-

---

Андрею; и что выгналъ боярин мой Ѳедоръ Андреевичь на обчемъ рѣтѣ Тов и Медынь у Смолнянъ, а то сыну жъ моему Князю Андрею». (С. Г. г. и д. т. I, № 34).

[35] Такъ по смерти тысяцкаго Василья Васильевича немедленно захватилъ

ликій Князь въ назначеніи и смѣнѣ важнѣйшихъ должностныхъ лицъ не имѣлъ большой власти, и часто долженъ былъ терпѣть подлѣ себя сановниковъ не только нелюбимыхъ, но даже непокорныхъ и завѣдомо опасныхъ для себя. Такъ, напримѣръ В. К. Симеонъ Ивановичъ хотя и успѣлъ какими то средствами удалить крамольнаго Московскаго тысячскаго Алексѣя Петровича и даже въ договорной грамотѣ обязалъ своихъ братьевъ не вступать съ нимъ ни въ какія сношенія, [36] не смотря на то мятежный бояринъ опять занялъ свою должность, и только насильственная смерть избавила отъ него Симеонова преемника В. К. Ивана Ивановича, причемъ дѣло не обошлось безъ возмущенія въ народѣ, (хотя убійцы тысячскаго и не были извѣстны), важнѣйшіе же изъ бояръ бѣжали въ Рязань съ своими семействами; [37] Притомъ нельзя упускать изъ виду,

---

этотъ санъ сынъ его Иванъ, и когда Донской объявилъ званіе Московскаго тысячьскаго уничтоженнымъ, то онъ бѣжалъ въ Тверь и началъ возбуждать тамошняго Князя, и при помощи своихъ сообщниковъ даже успѣлъ ему выхлопотать Ханскій ярлыкъ на Владимірскій престолъ, и Донской только хитростію успѣлъ завлечь его въ Москву и казнить, причемъ сбѣжавшійся народъ плакалъ объ измѣнникѣ. Вотъ слова лѣтописи: «на Москвѣ преставися послѣдній тысяцкій Василій Васильевичъ; а о великомъ заговѣньи побѣжалъ съ Москвы въ Тверь Иванъ Васильевичъ сынъ тысяцкаго, внукъ Васильевъ, правнукъ Вельяминовъ, да съ нимъ Некоматъ Сурожанинъ со многою лжею и льстивыми словами къ В. Князю Михаилу Александровичу Тверскому.... и мало послѣ того, мѣсяца Іюля въ 14 день, пріиде Некоматъ Сурожанинъ изъ Мамаевы Орды, отъ Мамая съ посломъ Ачихослею въ Тверь къ В. К. Михаилу Александровичу Тверскому съ ярлыки на Великое княженіе Владимірское»..... и потомъ «того же лѣта пойде изъ Орды Иванъ Васильевичъ тысяцкой, и обольстивше его и прехитривше изымаше его въ Серпуховѣ, и приведоша его на Москву, и мѣсяца августа въ 30 день до обѣда въ 4 часъ дни убіенъ бысть Иванъ Васильевичъ тысяцкій, мечемъ потятъ бысть на Кучковѣ полѣ у города Москвы повелѣніемъ В. Князя Дмитрія Ивановича. И бѣ множество народа предстояще, и мнози прослезищась о немъ и печалишись о благородствѣ его и о величествѣ его». (Ник. лѣт. т. IV).

[36] Договор. грам. В. К. Симеона Ивановича съ братьями 1341 г. «А что Олексѣй Петровичъ вшелъ въ кромолу къ Вел. Князю, намъ Князю Ивану и Князю Андрею, къ собѣ его не пріимати, ни его дѣтій, и не надѣятись ны его до Олексѣева живота; воленъ въ немъ Князь Великій, и въ его женѣ, и въ его дѣтехъ. А тобѣ, господине, Князь Великій къ собѣ его не пріимати же въ бояре: а мнѣ Князю Ивану, что далъ Князь Великіи изъ Олексѣева живота, того ми Олексѣю не давати, ни его женѣ ни его дѣтемъ, ни инымъ ничимъ не подмогати ихъ». (С. Г. г. и д. т. I, № 23)

[37] «Тое же зимы мѣсяца Февраля въ 3 день сотворись на Москвѣ въ нощи егда заутреню благовѣстятъ, убіенъ бысть тысяцкій Московскій Алексѣй Петро-

что Московскіе бояре особенно такъ называемые большіе пользовались большимъ уваженіемъ и преданностію народа, который былъ съ ними въ тѣсныхъ связяхъ, и видѣлъ въ нихъ исконныхъ земскихъ начальниковъ и покровителей, и вездѣ стоялъ за нихъ: такъ онъ возмутился узнавши объ убіеніи Алексѣя Петровича, и смерть его сравнивалъ со смертію В. Князя Андрея Георгіевича Боголюбскаго; а приказные тысяцкаго Ивана Васильевича явнаго мятежника плакали о его благородствѣ и величествѣ, не смѣя уже возмущаться противъ сильнаго и пользовавшагося любовію В. Князя Дмитрія Ивановича. Кромѣ того родовые исконные Московскіе бояре имѣли большія владѣнія, и обладали огромными богатствами; такъ что сами князья покупали у нихъ вотчины и занимали деньги, въ чемъ служатъ явными свидѣтельствами многія духовныя завѣщанія князей и другіе офиціальные документы. Все это поставляло Великихъ Князей въ какую то неопредѣленную зависимость отъ земской аристократіи, и съ ихъ стороны много нужно было благоразумія, осторожности и ловкости, чтобы отстранить всѣ препятствія къ полному развитію велико-княжеской власти. Собственно велико-княжескіе бояре и дружина первоначально были очень слабы и малочисленны чтобы Великій Князь могъ свободно дѣйствовать опираясь на однѣ ихъ силы; а по сему Князья должны были поступать съ большою осторожностію и умѣньемъ пользоваться обстоятельствами, всего ожидать отъ времени и приготовлять нужныя на случай средства. Первою и настоятельною потребностію Московскихъ Князей было увеличеніе своей дружины, и усиленіе собственно княжихъ бояръ въ болѣе выгодную параллель съ городовыми; и по этому они не щадили ничего для привлеченія знаменитыхъ мужей изъ другихъ княженій и изъ иныхъ земель, они окружали себя потомками Рюрикова дома, [38] знаменитыми

вичъ. Убіеніе же его страшно и незпаемо и невѣдомо ни отъ кого же; точію обретеся убіенъ лежа на площади егда завтреню благовѣстятъ..... И тако убіенъ бысть, якоже Князь Великій Андрей Боголюбскій отъ Кучковичей; и бысть мятежъ великій на Москвѣ того ради убивства. И тако тое же зимы по послѣднемъ пути большіи бояре Московстіи отъѣхаша на Рязань съ женами и съ дѣтьми». (Никонов. лѣт. т. IV).

[38] Такъ еще въ XIV вѣкѣ поступилъ въ службу Московскаго В. Князя Смоленскій Князь Александръ Глѣбовичъ Всеволожъ, бывшій родоначальникомъ многихъ боярскихъ родовъ въ Москвѣ.

выходцами изъ Литвы [39] и западной Европы, [40] Ордынскими Князьями и Мурзами [41] и сильными и богатыми боярами изъ При-днѣпровской Руси [42] и сосѣднихъ княженій, [43] честили каждаго знаменитаго пришельца, и смотря по его личнымъ достоинствамъ или по другимъ отношеніямъ иногда давали предпочтеніе новопришедшему передъ старыми дружинниками. Такъ одному знаменитому Кіевскому выходцу Родіону Несторовичу, который привелъ въ Москву до тысячи семисотъ княжатъ и дѣтей боярскихъ и своего двора, Вел. Князь Иванъ Даниловичъ далъ предпочтеніе передъ всѣми своими боярами, какъ говоритъ Ростовская лѣтопись: «и устави ему надо всѣми большинство.» а В. К. Дмитрій Ивановичъ Донской за Князя Дмитрія Михайловича Волынскаго выдалъ сестру свою княжну Анну. Второю важною заботою для Князей было то, чтобы ослабить вліяніе бояръ на народъ, и кажется частію съ этою цѣлію между князьями было общимъ правиломъ, подтверждаемымъ всѣми договорными грамотами, не препятствовать свободному переходу бояръ отъ одного Князя къ другому: Эта свобода съ одной стороны льстила самолюбію и гордости бояръ, съ другой сильно дѣйствовала на народъ, который въ боярскихъ отъѣздахъ отвыкалъ считать бояръ своими постоянными защитками и предводителями, а съ тѣмъ вмѣстѣ время отъ времени болѣе и болѣе привязывался къ Князю, и свыкался съ мыслію что онъ только единственный и неизмѣнный покровитель и отецъ народа. Наконецъ послѣдняя и сильнѣйшая мѣра князей въ отношеніи къ земской аристократіи состояла въ томъ, чтобы

---

[39] Къ Димитрію Ивановичу Донскому пришелъ Князь Дмитрій Михайловичъ Волынскій, и многіе другіе Князья Гедиминова и Рюрикова дома.

[40] Къ Калитѣ же пришелъ изъ нѣмцевъ Андрей Кобыла, который былъ родоначальникомъ Кошкиныхъ, Голтяевыхъ, Дурныхъ и другихъ.

[41] Въ 1330 году къ В. Князю Ивану Калитѣ пріѣхалъ изъ большой Орды Князь именемъ Четъ, отъ котораго произошли боярскіе роды Зерновыхъ, Шеиныхъ и другихъ.

[42] Въ Архивской Ростовской лѣтописи сказано: «Того же лѣта (1332) по званію В Князя Иванна пріиде къ нему нѣкто отъ Кіевскихъ благоплеменныхъ вельможъ служити, Родіонъ Нест ровичъ, а съ нимъ сынъ его Иванъ, и съ нимъ же княжата и дѣти боярскія, и двора его до тысячи и до семисотъ. Князь же Великій пріятъ его съ радостію, даде ему боляpство на Москвѣ и устави ему надо всѣми большинство». (Карам. IV, пр. 524).

[43] 1337 г. Отъѣхаша боляре многіи отъ Князя Александра Михайловича Тверскаго на Москву къ В. К. Ивану Даниловичу. (Никон., т. III, 164).

привязать къ себѣ земскихъ бояръ и по возможности уничтожить всякое различіе между ими и важными дружинниками. Съ этою цѣлію Князья во всѣхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ старались избѣгать даже намековъ о существованіи земской аристократіи: такъ изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ договорныхъ грамотъ, мы только въ одной находимъ указаніе на существованіе особой Московской рати, которая имѣла своихъ бояръ и воеводъ и въ которую не вступались князья. [44] Но тѣмъ не менѣе различіе между боярами княжими и земскими существовало довольно долго, и слѣды или память объ немъ въ административныхъ актахъ Московскаго Государства сохранялись до позднѣйшаго времени: такъ во всѣхъ разрядныхъ книгахъ дворяне и дѣти борскіе служащіе по дворовому или по княжескому списку составляютъ отдѣльный разрядъ отъ дворянъ и дѣтей боярскихъ служащихъ съ городомъ или городовыхъ земскихъ. Хотя стараніе Князей сблизить земскую племенную аристократію съ своими дружинниками послѣ многихъ усилій увѣнчалось полнымъ и скорымъ успѣхомъ. Но это сближеніе земщины съ дружиною принесло не совсѣмъ удовлетворительные плоды для княжеской власти; конечно земская аристократія сблизясь съ дружинниками и составя съ ними одно цѣлое необходимо должна была сблизиться и съ Княземъ, отъ чего интересы аристократіи и интересы Князя до того перепутались между собою, что для Московскихъ бояръ защищать Князя и стоять за его интересы сдѣлалось почти столько же необходимымъ, какъ необходимо защищать самихъ себя и стоять за собственные интересы. Но тѣмъ не менѣе соединеніе земскихъ бояръ съ княжими до того усилило аристократію, что Князья не иначе могли дѣйствовать какъ чрезъ ея посредство и при ея согласіи, аристократія стала между Княземъ и народомъ, и получила такое сильное значеніе, что даже по смерти Іоанна Грознаго, сильно поколебавшаго ее, при коронаціи Ѳеодора Ивановича митрополитъ Діонисій еще напоминалъ въ своей рѣчи Царю, какъ о главной обязанности вѣнценосца, уважать бояръ и ихъ родовое старѣйшинство, и самъ Грозный, при всемъ своемъ гоненіи на аристократію, не смѣлъ касаться многихъ ея правъ и терпѣливо

---

[44] Договор. грам. В. К. Дмитрія Ивановича Донскаго съ К. Владиміромъ Андреевичемъ, заключенная въ 1388 году, говоритъ: «а московская рать, кто ходилъ съ воеводами, тѣ и нонѣча съ воеводами, а намъ ихъ не пріимати» (Соб. Г. г. и д. т. I, № 33).

выслушивалъ родовые счеты бояръ по мѣстничеству; онъ по подозрительности своего характера до того опасался нераздѣльности аристократіи, что даже рѣшился прибѣгнуть къ старому дружинному устройству, и раздѣлилъ государство на земщину и опричину, но это значило сдѣлать шагъ назадъ, вызвать безжизненный призракъ давно минувшаго, и потому опричина Іоаннова чистый сколокъ съ древней дружины рѣшительно неудалась, и онъ самъ несмотря на свою желѣзную волю принужденъ былъ отступиться отъ нее, но несмотря на это попытка возобновить дружину служитъ яснымъ свидѣтельствомъ, что еще при Іоаннѣ аристократія имѣла большую силу.

Соединеніе земской аристократіи съ княжими боярами, связавшее интересы съ интересами аристократіи и Князя, сдѣлало Московскихъ бояръ самыми надежными стражами государства, и вѣрными и ревностными защитниками княжескаго дома Калиты, что очень рѣзко отличаетъ ихъ отъ аристократіи другихъ княжествъ. Московскіе бояре постоянно слѣдовали одному правилу,— не допускать въ Москву чужой власти. Начиная съ Даніила Александровича они твердо держались только тѣхъ Великихъ Князей, которые родились и воспитались въ Москвѣ; ни одинъ Князь, изъ чьего бы племени онъ ни происходилъ, не могъ ужиться съ Московскими боярами, если онъ не родился въ Москвѣ, и даже изъ Московскихъ, если онъ жилъ внѣ Москвы и правилъ особымъ удѣломъ; и поэтому они всегда крѣпко стояли за своихъ природныхъ чисто-Московскихъ Князей: такъ Димитрій Ивановичъ Донской въ малолѣтствѣ своемъ рѣшительно былъ обязанъ усердію Московскихъ бояръ въ опасной борьбѣ съ Дмитріемъ Константиновичемъ Суздальскимъ; точно также бояре же защищали малолѣтнаго Василья Васильевича Темнаго въ жестокой борьбѣ съ дядею его Юрьемъ Дмитріевичемъ и съ его сыновьями, и во время этой борьбы хотя иногда и уступали силѣ и обстоятельствамъ, но не надолго, и при первомъ удобномъ случаѣ они опять возвращали В. Князя въ Москву, а противниковъ его изгоняли. Стараніе бояръ не допускать въ Москву чужой власти было такъ сильно, что даже не было примѣра, чтобы когда-либо посторонній Князь допускался къ временному управленію Москвою; ибо опека надъ малолѣтнимъ Княземъ всегда оставалась за Московскими боярами, удѣльные же князья родственники малолѣтняго къ ней не допускались; они даже были въ нѣкоторой зависимости отъ Московскихъ бояръ, такъ Князь Владиміръ Андреевичъ въ своей третьей

записи Царю Ивану Васильевичу, данной въ 1551 году, пишетъ: «А безъ бояръ ми сына твоего, никотораго дѣла не дѣлати, которые бояре въ твоей Государевой душевной грамотѣ писаны [45]. Тогда какъ въ другихъ княжествахъ не только допускалась чуждая опека, но даже бывали случаи, что сами малолѣтніе Князья воспитывались на чужой сторонѣ.

Отношеніе Московскихъ Великихъ Князей къ своимъ удѣльнымъ Князьямъ.

Кромѣ замѣченныхъ выше общихъ отношеній Великихъ Князей къ удѣльнымъ во всѣхъ княжествахъ Руси въ Московскомъ Великомъ Княжествѣ представляются многія важныя особенности рѣзко отличающія удѣльную систему Москвы отъ удѣльной системы въ другихъ княженіяхъ и обличающія въ Московскомъ велико-княжескомъ домѣ отчетливое и сознательное стремленіе къ единодержавію, начавшееся чуть ли не съ Даніила Александровича. Московскіе Великіе Князья ясно понимали всю выгоду единодержавія, но въ то же время видѣли, что явное гласное уничтоженіе удѣльной системы въ однихъ въ Московскихъ владѣніяхъ невозможно; ибо она еще царила во всей прочей Руси, и всякая неосторожная и рѣзкая попытка противъ нея не могла обойтись безъ шуму и неудовольствій, которыя бы обратили на Москву всю Русь и даже страшныхъ еще въ то время Монголовъ, съ которыми борьба была бы еще слишкомъ рановременна и ненадежна для Москвы. Калита первый собиратель Руси и его ближайшіе преемники хорошо еще помнили Михаилову жалобу передъ Узбекомъ: «А братъ мой Юрьи Даниловичъ воста на мя, и вся хотя владѣти не такъ по нашему обычаю». А потому они не рѣшались на прямое отмѣненіе удѣловъ, дѣйствовали тайно и незамѣтно, преслѣдовали свою высокую цѣль не возбуждая всеобщаго вниманія и развивали новыя идеи въ прежнихъ привычныхъ формахъ: по ихъ распоряженіямъ въ Московскихъ владѣніяхъ существовали удѣлы, но они уже носили въ себѣ зародыши уничтоженія и безразличнаго слитія съ Москвою, и со смертію каждаго Московскаго Великаго Князя въ его духовной слабѣли болѣе и болѣе и поступали въ совершенную зависимость отъ Москвы. Для этого обыкновенно

[45] (Соб. Г. г. и д. т. I, № 169).

Московскіе Великіе Князья, написавши или предоставивши все великое княженіе главному наслѣднику, остальнымъ никакъ не отдѣляли удѣловъ, которые бы могли составлять одно цѣлое, а напротивъ дробили ихъ на мелкія части, такъ что не только города принадлежавшіе къ одному удѣлу являлись разсыпанными на большомъ пространствѣ и между княж-княжескими городами, но даже иногда одинъ городъ отдавался нѣсколькимъ Князьямъ по половинамъ и по третямъ, а иными городами удѣльные Князья владѣли погодно. [46]

Чтобы вѣрнѣе и ближе объяснить постепенное развитіе таковаго устройства Московскихъ удѣловъ, мы прослѣдимъ его по всѣмъ дошедшимъ до насъ духовнымъ завѣщаніямъ Московскихъ Великихъ Князей начиная съ Ивана Даниловича Калиты. Въ духовной грамотѣ, писанной Калитою въ 1328 году, [47] Москва достается въ раздѣлъ всѣмъ сыновьямъ, какъ гласитъ грамота: «приказываю сыномъ своимъ отчину свою Москву». Сверхъ того старшій получаетъ еще 18 городовъ и волостей и 9 селъ; второму только 13 городовъ и волостей и 10 селъ, третьему 11 городовъ и волостей и 13 селъ, вдовствующей княгинѣ съ меньшими дѣтьми 16 городовъ и волостей и 14 селъ. Притомъ старшему сыну, какъ главѣ семейства, поручаются всѣ младшіе и даже сама мать. «А приказываю тобѣ сыну своему Семену братью твою молодшую и княгиню свою съ меньшими дѣтьми, по Бозѣ ты имъ будешь печальникъ». Въ этой грамотѣ старшему дается только большее число городовъ, но права младшихъ еще не стѣсняются, они только подлежатъ надзору старшаго и его защитѣ; въ слѣдующей же между наслѣдниками въ договорной грамотѣ, заключенной въ 1341 году, доходы оставленные Калитою на полюбовный раздѣлъ сыновей, были раздѣлены такъ, что одна половина доходовъ доставалась одному старшему сыну, а другая была раздѣлена между всѣми младшими. [48] По смерти Симеона доля Великаго Князя еще

---

[46] Очевидно, что здѣсь руководили Великихъ Князей бояре, съ которыми Князья должны были совѣтоваться во всѣхъ дѣлахъ, ибо мудрено предположить, чтобы Князья будучи разныхъ характеровъ неуклонно слѣдовали однимъ правиламъ, не всегда согласнымъ съ чувствами отца семейства, для этого необходима нужна была опора въ какомъ-либо моральномъ лицѣ, которое бы находило здѣсь свои постоянныя выгоды.

[47] Собр. Гос. гр. и дог., ч. I, № 23.

[48] Тамъ же, № 24.

болѣе увеличилась, ибо къ ней присоединился удѣлъ Симеонова брата Ивана Ивановича, сдѣлавшагося Великимъ Княземъ по смерти бездѣтнаго предшественника. Въ духовной В. К. Ивана Ивановича въ 1356 году старшему сыну дано 20 городовъ и волостей, а младшему только одиннадцать. Въ духовной В. К. Дмитрія Ивановича Донскаго, писанной въ 1389 году, великое княжество, навсегда утвержденное за Московскимъ княжескимъ домомъ, всецѣло переходитъ къ старшему сыну: «а се благословляю сына моего Князя Василія своею отчиною великимъ княженіемъ», который притомъ получаетъ удѣлъ наравнѣ съ прочими братьями и сверхъ того пользуется изъ городскихъ доходовъ Москвы цѣлою половиною, тогда какъ другая половина дѣлится на остальныхъ братьевъ; но что всего важнѣе волости и города удѣльныхъ князей въ этой грамотѣ являются перемѣшанными съ волостьми и городами великокняжескими и не составляютъ собою отдѣльнаго цѣлаго. [49] Стоитъ только взглянуть на карту, чтобы убѣдиться въ этой хитрой мѣрѣ Московскаго двора въ пользу единодержавія. Духовная грамота Князя Владиміра Андреевича писанная въ 1410 году, свидѣтельствуетъ, что онъ владѣлъ третью Москвы, и завѣщалъ своимъ пятерымъ сыновьямъ владѣть ею погодно. Изъ этой же грамоты видно, что всѣ владѣнія Владиміра Андреевича, который былъ одинъ изъ сильнѣйшихъ Московскихъ удѣльныхъ Князей, составляли менѣе пятнадцатой доли велико-княжескихъ владѣній, какъ можно заключать изъ того, что когда въ Ордынскій выходъ съ владѣній Великаго Князя бралось 5000 рублей, то съ Владиміровыхъ владѣній шло только 320 рублей. [50] По смерти В. К. Василья Дмитріевича малолѣтній сынъ его Василій Васильевичъ одинъ остается полнымъ наслѣдникомъ всѣхъ отцовскихъ владѣній за исключеніемъ немногихъ городовъ, оставленныхъ въ пожизненномъ владѣніи матери. Наконецъ Вел. Князь Василій Васильевичъ Темный, покоривъ большую часть Московскихъ удѣловъ, развилъ идею уничтоженія удѣльной системы самымъ полнымъ образомъ. Еще въ договорной грамотѣ его съ Шемякою, писанной въ 1434 году, онъ уже присвояетъ себѣ наслѣдство послѣ удѣльныхъ Князей безъ участія со стороны другихъ. «А подо мною В. Княземъ держати честно и грозно все мое в. княженіе, также и что былъ

---

[49] Собр. Гос. гр. и дог., т I, № 34.

[50] Тамъ же № 40.

удѣлъ дяди нашего Княжь Петровь Дмитріевича Дмитровь со всѣми волостьми; или што язъ Князь Великій взялъ себѣ удѣлъ брата вашего Князь Васильевъ Юрьевича Звенигородъ со всѣми волостьми, чѣмъ его благословилъ отецъ вашъ Князь Юрьи Дмитріевичъ по своей душевной грамотѣ». [51] Въ завѣщаніи же Темнаго писанномъ въ 1462 году, старшій сынъ получаетъ цѣлую треть Москвы и кромѣ великаго княженія 16 городовъ самыхъ богатыхъ и значительныхъ, каковы: Коломна, Переяславль, Владиміръ, Кострома, Галичь, Устюгъ, Вятка, Суздаль, Нижній, Муромъ и другіе; тогда какъ Юрій и Андрей Большой получили только по три города и одну треть Москвы обоимъ погодно, и сверхъ того нѣсколько селъ во владѣніяхъ старшаго брата, который тѣмъ же завѣщаніемъ уполномочивался мѣнять ихъ, когда захочетъ: Борисъ и Андрей Меньшой также получили по три города и нѣсколько селъ во владѣніяхъ старшихъ братьевъ, и чрезъ три года треть Московскихъ доходовъ. [52] Такимъ образомъ Московскіе удѣльные Князья сдѣлались въ совершенной зависимости отъ Великаго Князя и не имѣли никакихъ средствъ къ сколько-нибудь надежному сопротивленію, они были совершенно слабы, даже и въ такомъ случаѣ еслибы всѣ четверо соединились противъ старшаго брата. А по сему В. К. Іоанну III-му по смерти отца было уже свободно распоряжаться Московскими удѣлами мѣнять не только села но и города удѣльныхъ Князей, заточать братьевъ въ темницу, и по смерти бездѣтныхъ Князей отбирать удѣлы не дѣлясь съ остальными братьями. По пути проложенному Василіемъ Васильевичемъ Темнымъ Іоаннъ III болѣе и болѣе началъ стѣснять удѣлы. Въ его завѣщаніи писанномъ въ 1504 году [53] сказано: «благословляю сына своего старѣйшаго Василія своею отчиною великими княжествами, чѣмъ мя благословилъ отецъ мой, и что ми далъ Богъ. А даю ему городъ Москву съ волостьми и съ путьми и съ станы, и съ селы, и съ дворы съ загородцкими со всѣми и съ слободами». Сверхъ того тутъ же отдаетъ ему до ста городовъ; тогда какъ остальнымъ четверымъ сыновьямъ назначаетъ удѣлы самые ничтожные и разсыпанные на дальнее разстояніе между великокняжескими городами, и даже въ данныхъ городахъ выдѣляетъ

---

[51] Собр. Гос. гр. и дог., т. I, № 52.

[52] Тамъ же, № 86.

[53] Тамъ же, № 144.

разныя волости, или для старшаго брата, или для своей супруги, и для другихъ братьевъ. Такъ въ завѣщаніи старшему сыну Юрію написаны только шесть городовъ: Дмитровъ, Звенигородъ, Кашинъ, Руза, Брянскъ, Серпѣйскъ; причемъ отъ Дмитрова были отняты въ пользу главнаго наслѣдника за Московскія волости, изъ коихъ пять даны Андрею пятому сыну, Переяславскія же промѣнены на одну. Третьему сыну Дмитрію дано 8 городовъ: Углеча поле, Молога, Хлепенъ, Зубцовъ, Опоки, половина Ржева, Мещевскъ и Опаковъ; четвертому сыну Семену только три города: Бѣжецкій Верхъ, Калуга и Козельскъ; и пятому Андрею шесть городовъ: Верея, Вышгородъ, Олексинъ, Любутескъ, Старица и Холмъ. При томъ удѣльные Князья лишаются права бить монету и участвовать въ откупахъ: «А откупъ вѣдаетъ сынъ мой Василей, а въ откупъ у него мои дѣти Юрьи съ братьями не вступаются». И тутъ же сказано что въ подмосковныхъ селахъ они не имѣютъ права заводить торговъ: «А что если подавалъ дѣтемъ моимъ сельца у Москвы зъ дворы зъ городцкими на посадѣхъ; и дѣти мои въ тѣхъ дворѣхъ торговъ не держатъ, ни житомъ не велятъ торговати, ни лавокъ не ставятъ, ни гостей съ товаромъ иноземцевъ, и изъ Московскіе земли, и изъ своихъ удѣловъ въ своихъ дворехъ не велятъ ставити; а становятся на гостиныхъ дворехъ какъ было при мнѣ; а дѣти мои у моего сына у Василья въ тѣ дворы въ гостинные и въ тѣ пошлины не вступаются.» Сверхъ того старшій сынъ былъ назначенъ полнымъ наслѣдникомъ удѣловъ послѣ братьевъ умершихъ бездѣтными: «а котораго сына моего не станетъ, а не останется у него ни сына, ни внука, ино его удѣлъ весь въ Московской землѣ и въ Тверской землѣ, что есми ему ни далъ, то все сыну моему Василью; а братья его у него въ тотъ удѣлъ не вступаются; а останутся у него дочери, и сынъ мой Василей тѣ его дочери надѣливъ выдаютъ замужъ». Замѣчательно еще въ томъ завѣщаніи то, что изъ предосторожности, чтобы не давно покоренная Тверь не вздумала отложиться, Іоаннъ III-й, поручивши все Тверское великое княжество старшему сыну, далъ въ немъ по удѣлу и прочимъ дѣтямъ, дабы такимъ образомъ всѣ братья имѣли свои выгоды общими силами удерживать это важное пріобрѣтеніе. Относительно же Московскихъ доходовъ, въ которыхъ всѣ прежніе Великіе Князья дозволяли участвовать своимъ меньшимъ дѣтямъ, Іоаннъ не дозволилъ меньшимъ сыновьямъ вступаться, но въ вознагражденіе приказалъ старшему сыну ежегодно выдавать по сту рублей каждому меньшому брату. Послѣ тако-

выхъ распоряженій удѣльные Князья были доведены до такой незначительности и бѣдности, что многіе изъ нихъ при отправленіи въ походъ, или при поѣздѣ въ Москву, дабы прилично вооружиться и одѣть свиту, должны были занимать деньги у частныхъ лицъ подъ разные залоги. Такъ въ духовной грамотѣ Князя Ѳедора Борисовича Волоцкаго, писанной въ 1523 году, значится, что этотъ Князь былъ долженъ разнымъ лицамъ до 800 рублей съ залогами и безъ залоговъ. [54] Наконецъ при Іоаннѣ IV-мъ владѣтельныя права удѣльныхъ Князей потеряли совершенно свое значеніе: такъ по указу 7070 года 15 генваря они даже лишились права продавать свои вотчины. «И тѣмъ княземъ вотчинъ своихъ не продавати, и не мѣняти, и за дочерми своими, и за сестрами въ приданыя не давати; а котораго князя бездѣтна нестанетъ, и тѣ вотчины имати на Государя». [55]

Отношенія Московскихъ Князей къ Ордѣ.

Первымъ дѣломъ Московскихъ Великихъ Князей въ отношеніи къ Монголамъ было стараніе, чтобы удѣльные Князья были исключены отъ сношеній съ Ордою. Это, кажется, началось съ Іоанна Даниловича Калиты, по крайней мѣрѣ съ этого времени мы встрѣчаемъ во всѣхъ договорныхъ грамотахъ непремѣнное условіе, чтобы Ордынскій выходъ доставлялся удѣльными Князьями Великимъ Князьямъ, а не прямо въ Орду. Вторымъ важнымъ попеченіемъ для Московскихъ Великихъ Князей было пріобрѣтеніе благосклонности Хана и его вельможъ. Вѣрнымъ къ тому средствомъ были подарки Ордынскимъ вельможамъ и исправный платежъ дани самому Хану. Еще въ 1319 году Князья Татарскіе говорили Юрію Даниловичу: «Оже ты даси выходъ больши Михайлы Тферьскаго, мы тебѣ великое княженіе дадимъ.» [56] Для умныхъ Московскихъ Князей Юрія и Калиты не нужно было повторять подобныхъ наставленій: они обратили все свое вниманіе на удовлетвореніе корыстолюбію Ханскаго двора; Монголамъ уже не за чѣмъ было посылать въ Москву своихъ сборщиковъ и переписчиковъ, дань и всѣ запросы Ханскіе съ Московскихъ владѣній до-

---

[54] Собр. Гос. гр. и дог., т. I, № 151.

[55] Ак. Ист., т. I, № 154.

[56] Софійск. Времен.

ставлялись самымъ исправнымъ образомъ, всѣ послы Ханскіе, бывавшіе въ Москвѣ по разнымъ дѣламъ, получали огромные подарки, которые Московскими Князьями обращены были въ народную подать, строго собираемую и утверждаемую всѣми договорами съ удѣльными Князьями. [57] Къ исправному платежу дани, Ивану Даниловичу Калитѣ счастіе доставило случай еще болѣе войти въ довѣренность къ Хану. Узбекъ поручилъ ему усмирить бунтовавшихъ Тверитянъ и прислалъ для этого пятьдесятъ тысячъ своего войска. Калита, вооруживъ тѣхъ удѣльныхъ Князей, повиновавшихся Москвѣ, взялъ и опустошилъ Тверь со всѣми ея городами. Узбекъ, довольный службою, отдалъ Калитѣ Владиміръ съ его удѣлами; потомъ снова нѣсколько разъ поручалъ ему преслѣдовать бѣжавшаго изъ Твери В. К. Александра Михайловича, и всегда довольный службою Московскаго Князя, а также часто видая его въ Ордѣ съ богатыми подарками и съ готовностію на новыя службы, такую возъимѣлъ довѣренность къ его роду, что по смерти его, несмотря на происки другихъ Князей, отдалъ Владимірское княженіе его сыну Симеону. Этотъ новый Великій Князь еще болѣе утвердилъ довѣренность Ханскую къ Московскому дому, онъ смѣло тѣснилъ всѣхъ Князей, желая собрать болѣе дани и удовлетворить корыстолюбію ордынцевъ, онъ сталъ уже называться Великимъ Княземъ всея Руси, и до того усилился при Узбековомъ сынѣ Чанибекѣ, что успѣлъ отклонить его отъ опаснаго для Руси союза съ Олгердомъ Литовскимъ, и даже упросилъ его выдать Литовскихъ пословъ и Олгердова брата Каріяда, и исходатайствовалъ для разореннаго Тверскаго княженія свободу не платить дани Монголамъ за прошедшее время; онъ пять разъ ѣздилъ въ Орду. По смерти Симеона, не оставившаго послѣ себя дѣтей, наперекоръ всѣмъ Русскимъ Князьямъ, Чанибекъ отдалъ Владимірскій престолъ опять Московскому Князю Симеонову брату Іоанну; Московскіе Князья такъ понравились Узбекову дому, что всѣ происки другихъ Князей не дѣйствовали на Хановъ. При Симеоновомъ преемникѣ продолжалось благоволеніе

---

[57] Договорная грамота В. К. Василія Дмитріевича съ Владиміромъ Андреевичемъ 1389 года: «А что Ордынская тягость и Коломенскій посолъ, коли еси былъ въ своей отчинѣ, а то намъ по ращету; а Володимерскіе послы, какъ ты выѣхалъ изъ своѣ отчины, а тотъ ми проторъ ненадобѣ. А выйдетъ Юрьи съ посломъ и намъ то подняти по разчету по выходу.» (Собр. Гос. грам. и догов., т. I, № 35.)

Хановъ къ Москвѣ. Между тѣмъ Москва не чувствительно росла въ своихъ силахъ и пріобрѣтала разными средствами разныя области; а напротивъ того Орда слабѣла; тамъ быстро смѣнялись ханъ за ханомъ; Сарай, ханская столица, представлялъ зрѣлище ужасныхъ жестокостей и кровопролитій, единовластіе рушилось; по нѣскольку хановъ начали являться вдругъ; междуусобіямъ не было конца. Пользуясь такими безпорядками въ Ордѣ, Московскіе бояре, по смерти Іоанна, успѣли выходить у безсильнаго Хана Мурута ярлыкъ на Владимірское княженіе двѣнадцатилѣтнему Іоаннову сыну Димитрію и поддержали оружіемъ опредѣленіе ханское противъ Димитрія Константиновича Суздальскаго. Дмитрій Ивановичъ, руководимый опытными боярами, благими совѣтниками дяди и отца, пришедши въ совершенный возрастъ, уже смѣло утѣснялъ прочихъ Князей, надѣясь на слабость Орды; Князья Ростовскіе, Нижегородскіе, Стародубскіе, Галичскіе и многіе другіе, должны были признать его своимъ главою: только Тверь, Рязань и Новгородъ удерживали свою независимость. Дмитрій хотя еще ласкалъ ордынцевъ, но уже неоднократно раздражалъ хановъ своею непокорностію и даже не иначе согласился платить дань, какъ по особому договору съ Мамаемъ, чего прежде никогда не бывало, [58] и когда Мамай собравшись съ силами началъ требовать прежней дани и грозилъ войною, то Московскій Князь успѣлъ уже собрать до 200 т. воиновъ [59] и въ жестокой битвѣ на берегахъ Непрядвы поразилъ Монголовъ. Эта битва не освободила Руси отъ монгольскаго ига, но тѣмъ не менѣе во многомъ перемѣнила отношенія Москвы къ Ордѣ. Московскіе Князья стали уже надзирать за Монголами; съ этою цѣлію вопервыхъ была устроена линія сторожей и станичныхъ разъѣздовъ, которые далеко проникали въ Ордынскія степи по извѣстнымъ степнымъ дорогамъ, называемымъ

---

[58] «И нача Мамай слати къ В. Князю Дмитрію Іоанновичу выхода просити какъ было при Занбекѣ цари, а не по своему докончанью; боголюбивый же Князь Дмитрій Іоанновичь, не хотя кровопролитія, и хотѣ ему выходъ дати по христіанской силѣ и по своему докончанью, какъ съ нимъ кончалъ.» (Софійск. Времен. подъ годомъ 1380.)

[59] «Исовокупися со всѣми Князи Рускими и со всею силою и пойде противу ихъ в борзѣ съ Москвы, хотя боронити свою отчину, и пріиде на Коломну и собравъ вои своихъ сто тысящь, и сто и проче Князей Рускихъ и воеводъ мѣстныхъ; отъ начала міру такова небывала сила Руськихъ князей и воеводъ мѣстныхъ.» (Соф. Врем. подъ 1380 г.)

шляхами и сакмами, слѣдили за всѣми движеніями Татаръ и увѣдомляли Московское правительство о всѣхъ покушеніяхъ неугомонныхъ сосѣдей-грабителей; учрежденіе сторожъ и разъѣздовъ, кажется, должно отнести къ 1360 году, о чемъ мною подробно изложено въ статьѣ о сторожевой и станичной службѣ на Польской украйнѣ Московскаго государства. [60] Вовторыхъ, для подобной же цѣли Московскіе Государи имѣли особыхъ тайныхъ доброхотовъ Москвы, которые проживали или въ Ордѣ или на границахъ Руси, были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Татарами и тайно увѣдомляли нашихъ Князей о всѣхъ перемѣнахъ и замыслахъ ханскаго двора. [61] Такъ несмотря на всю осторожность Тохтамыша напасть на Москву нечаянно, Димитрій, хотя уже поздно, но все-таки былъ увѣдомленъ о его походѣ; а о нападеніи Тамерлана, преемникъ Дмитріевъ, Василій, получилъ извѣстіе довольно благовременно и успѣлъ приготовиться къ встрѣчѣ грознаго завоевателя. Вообще послѣ знаменитой битвы съ Мамаемъ, Москва хотя продолжала платить дань Монголамъ, но уже не такъ исправно, какъ прежде, и такъ сказать, съ часу на часъ ждала рѣшительнаго низверженія татарскаго ига [62] и хотя наши Князья ласкали еще хановъ, и даже смотря по обстоятельствамъ, иногда сами ѣздили въ Орду, но уже всегда были готовы къ отпору, [63] и не смѣя еще вновь пускаться въ открытый бой, искали случая истреблять враговъ другими средствами: ссорили Монголовъ съ Литвою, поддерживали раздоры въ самой Ордѣ, принимали тамошнихъ бѣглецовъ, давали средства имъ усилиться, чтобы ослаблять тѣхъ, которые одерживали верхъ, принимали къ себѣ въ службу обиженныхъ въ Ордѣ тамошнихъ царевичей и князей, давали имъ въ управленіе украинскіе города, съ цѣлію, чтобы Монголы же защищали Москву отъ Монголовъ, въ чемъ вполнѣ и

---

[60] Чтенія Москов. Общ. Исторіи и Древн. Росс., № 4, 1846 г.

[61] «А въ то время нѣколи си едва пріиде вѣсть В. Князю Дмитрію Ивановичу възвѣщающе рать Татарьскую; аще бо нехотяше Тохтамышь, дабы кто пренесъ вѣсти на Рускую землю о его приходѣ, но обаче нѣцыи доброхоты на предѣлехъ Ордынскихъ на то устроени, поборници суще земли Руськой.» (Соф. Врем. подъ 1382 г.)

[62] Духовн. грам. Донскаго, писанная въ 1389 году: «А коли дѣтемъ моимъ взяти дань на своей отчинѣ..... А перемѣнитъ Богъ Орду, дѣти мои неимутъ давати выхода въ Орду, и который сынъ мой возметъ дань на своемъ удѣлѣ, то тому и есть.» (Собр. Гос. гр. и дог., т. I, № 34.)

[63] Такъ напримѣръ Василій Васильевичъ ѣздилъ къ Хану Махмету на судъ съ своимъ дядею Юріемъ Дмитріевичемъ.

успѣвали, ибо ордынскіе выходцы были злѣйшими и опаснѣйшими врагами тамошнихъ властителей, слѣдовательно, вѣрнѣйшими надежнѣйшими союзниками Москвы. Такимъ образомъ шли дѣла до самаго Іоанна III; Ордынскій выходъ сбирался еще очень исправно, но большею частію оставался въ казнѣ велико-княжеской, въ Орду посылали только въ такомъ случаѣ, когда опасались сильнаго нападенія, когда приходили вѣсти о движеніи самого Хана или объ обширныхъ приготовленіяхъ къ походу; набѣги же татарскихъ удальцовъ всегда находили московское войско готовое ихъ встрѣтить на границѣ и проводить обратно въ степи; и только развѣ украдкой иногда удавалось имъ грабить Московскіе пограничные города, но и тутъ они рѣдко ускользали отъ погони. Послѣ битвы съ Мамаемъ, Руси можетъ быть стало тяжелѣе, но она уже тратилась не для удовлетворенія корыстолюбія ордынцевъ, а для приготовленія благовременныхъ средствъ къ сверженію постыднаго ига. Іоаннъ III, пока еще не вся Русь соединилась съ Москвою, ласкалъ Хановъ и иногда давалъ выходъ; но покоривъ Новгородъ и сыскавъ вѣрнаго союзника въ Крымскомъ Ханѣ Менгли-Гиреѣ, онъ совершенно отказался отъ ордынской дани, и въ 1481 году, не вступая въ рѣшительную битву, одною только своею политикою разрушилъ Золотую Орду, и такимъ образомъ освободилъ Русь отъ ига Монголовъ. Послѣ чего онъ и его преемники обратили свое вниманіе на искорененіе царствъ, образовавшихся изъ Орды Батыевой, и при Іоаннѣ IV, съ покореніемъ Казани и Астрахани, всѣ Монгольскія владѣнія присоединились къ Москвѣ, только одинъ Крымъ, бывшій подъ покровительствомъ Турціи, долго еще безпокоилъ Русь, грабилъ ея границы и иногда подходилъ даже къ самой Москвѣ. Но это уже былъ не опасный, а только безпокойный врагъ, всѣ набѣги и даже самые сильные походы Крымскихъ Хановъ имѣли своимъ результатомъ одинъ грабежъ, о покореніяхъ и завоеваніяхъ Крымцы не могли и думать, они даже не умѣли истребить нашихъ сторожевыхъ городковъ, которые годъ отъ году болѣе и болѣе углублялись въ степи и тѣснили крымскую вольницу къ морю, которая уже подъ самымъ Азовомъ натыкалась на наши разъѣзды, а по теченію Донца всюду встрѣчала крѣпости, соединенныя другъ съ другомъ засѣками и рвами, и охраняемыя достаточными гарнизонами. [64]

---

[64] Моя статья о сторожевой службѣ въ 4 № Чтеній Москов. Общества Истор. и Древ. Рос. 1846 года.

Отношеніе Московскихъ Князей къ Литвѣ.

Литва для югозападной Руси была тоже, что Москва для сѣверо-восточной, т.-е. точкою соединенія разрозненныхъ княжествъ въ одно стройное цѣлое; но какъ югозападныя и сѣверо-восточныя княжества Руси ни племеннымъ различіемъ, ни географическимъ положеніемъ, ни самою исторіею, не были рѣзко отдѣлены одни отъ другихъ и составляли одну Русь, раздѣленную только политикою княжескихъ родовъ, то посему Москва и Литва рано или поздно неминуемо должны были столкнуться другъ съ другомъ и стать въ непріязненныя отношенія. Первою точкою столкновенія было княжество Смоленское, бывшее на перепутьѣ обоихъ собирателей земли Русской. Москва первая объявила свои притязанія на эту готовую добычу. и Юрій Даниловичъ въ 1303 году завоевалъ одинъ изъ Смоленскихъ удѣловъ Можайскъ; почти сорокъ лѣтъ Литва, занятая другими дѣлами, не объявляла своихъ притязаній на это владѣніе и не вступала ни въ какія сношенія съ Москвою; но въ 1341 году Ольгердъ, только что завладѣвшій отцовскимъ престоломъ, съ большимъ войскомъ подступилъ къ Можайску, можетъ быть думая продолжать легкія присоединенія княжествъ на Сѣверѣ, точно также какъ это дѣлалъ его отецъ на Югозападѣ Руси. Впрочемъ отпоръ, сдѣланный Москвичами подъ Можайскомъ, открылъ глаза Ольгерду на счетъ Москвы, и онъ перемѣнилъ свой образъ дѣйствій, не оставляя однакожъ видовъ на сѣверо-восточную Русь и пока занялся Псковомъ и Новгородомъ, которые будучи тѣснимы Нѣмцами, такъ сказать, лавировали между Московскими и Литовскими Князьями, въ своихъ сношеніяхъ льстили тѣмъ и другимъ, на самомъ же дѣлѣ склоняясь болѣе на сторону единовѣрной Москвы; между тѣмъ Московскій В. Князь Симеонъ Іоанновичъ, не вступая въ явную борьбу съ Литвою, не упускалъ случая вредить тамошнему властелину и радушно принималъ всѣхъ недовольныхъ Олгердомъ, который наконецъ рѣшился однимъ разомъ покончить дѣло съ опаснымъ соперникомъ и послалъ въ Орду брата своего Коріада вооружать Хана на Москву, но Симеонъ Іоанновичъ и здѣсь поставилъ на своемъ и до того успѣлъ при ханскомъ дворѣ, что ему даже выдали Литовское посольство и самого Коріада. Ольгердъ, не видя успѣха ни въ войнѣ съ Москвою, ни въ происках у Хана, на время присмирѣлъ и заключилъ миръ съ Симеономъ, который отпустилъ къ нему Коріада и дозволилъ какъ самому Ольгерду,

такъ и другому его брату Любарту, жениться на Русскихъ княжнахъ, одному на Тверской, а другому на Ростовской; впрочемъ, видимый миръ не препятствовалъ обоимъ соперникамъ преслѣдовать свои цѣли, и когда Симеонъ въ 1351 году съ многочисленнымъ войскомъ двинулся къ Смоленску, то Ольгердъ проча эту богатую добычу себѣ, вступился за Смоленскаго Князя и настоятельно убѣдилъ Симеона оставить Смоленскъ въ покоѣ. Въ продолженіе Іоаннова княженія у Москвы не было столкновеній съ Литвою, хотя Ольгердъ и успѣлъ завладѣть Брянскомъ, Ржевомъ, Бѣлою и Мстиславлемъ, но Московскій Князь здѣсь не принималъ никакого участія. Съ утвержденіемъ на велико-княжескомъ престолѣ Димитрія Іоановича Донскаго, дѣла перемѣнились: хитрый Ольгердъ, чувствуя себя довольно сильнымъ, и составивъ въ свою пользу нѣкоторую партію между сѣверо-восточными князьями Руси, началъ дѣйствовать на Москву открыто, и подъ предлогомъ защиты своего родственника князя Тверскаго, тѣснимаго Московскимъ княземъ, три раза подходилъ къ Москвѣ, производилъ большія опустошенія въ ея окрестностяхъ, но рѣшительнаго ничего не могъ сдѣлать, и наконецъ въ 1372 году заключилъ съ Димитріемъ миръ и отказался отъ вмѣшательства въ дѣла Московскаго князя съ Тверскимъ; тѣмъ и кончились Ольгердовы замыслы на Москву. Онъ умеръ въ 1377 году. Смерть Ольгерда неминуемо должна была измѣнить на нѣсколько времени порядокъ дѣлъ въ пользу Москвы, ибо его преемникъ Ягайло, чтобы сдѣлаться самовластцемъ и господиномъ надъ дядями и братьями, началъ тѣснить своихъ родичей, которые въ крайности стали переходить въ службу Московскаго князя, принимавшаго ихъ съ охотою и почетомъ, и такимъ образомъ Димитрій сдѣлался грознымъ и опаснымъ для Ягайлы, который, чтобы бороться успѣшнѣе, вступилъ въ союзъ съ шедшимъ на Москву Мамаемъ и взялъ уже съ него обѣщаніе подѣлиться сѣверо-восточною Русью. Но битва на берегахъ Непрядвы измѣнила его надеждамъ, а потомъ дѣла съ Польшею, куда Ягайла пригласили въ короли, совершенно отвлекли его вниманіе отъ сѣверо-восточной Руси. и Москва во все остальное время Дмитріева княженія оставалась спокойною съ литовской стороны, ибо знаменитый Витовтъ, Ягайловъ преемникъ въ Литвѣ, долго еще не могъ столько усилиться, чтобы свободно дѣйствовать на сѣверо-восточныя владѣнія Руси. Положеніе Литвы въ это время до того было еще шатко, что даже Смоленскіе князья вздумали было возвращать свои прежнія владѣнія отнятыя Ольгердомъ. Преемникъ Ди-

митрія Донскаго Василій въ первый годъ своего княженія вступилъ въ бракъ съ дочерью Витовта Софіей, вѣроятно, думая симъ родственнымъ союзомъ обезпечить себя со стороны Литвы. Впрочемъ родство не могло удерживать предпріимчиваго Литовскаго князя. Витовтъ въ 1395 году покорилъ Смоленскъ; потомъ началъ простирать свои виды и на Москву, для чего по примѣру предшественниковъ своихъ вступилъ въ союзъ съ Ордынскимъ изгнанникомъ Тахтамышемъ, обѣщая ему возвратить Ханскій престолъ, съ тѣмъ чтобы онъ послѣ помогъ Литовцамъ овладѣть восточною Русью; но ужасное пораженіе, претерпѣнное имъ на берегахъ Ворсклы, разрушило его замыслы и на время такъ ослабило Литву, что Смоленскій Князь Юрій успѣлъ возвратить Смоленскъ, а Олегъ Рязанскій началъ даже наступательныя дѣйствія противъ Витовта и послалъ своего сына воевать Черниговскія области; но Витовтъ успѣлъ поправиться и разбилъ Рязанскаго княжича, а потомъ, при помощи измѣны, снова овладѣлъ Смоленскомъ и началъ наступательныя дѣйствія противъ Москвы, которыя возобновлялись три раза съ обѣихъ сторонъ и кончились въ 1408 году миромъ, по которому рѣка Угра была назначена границею Литовскихъ и Московскихъ владѣній, послѣ чего Витовтъ болѣе не воевалъ съ Москвою, а ограничивался только своими дѣйствіями на Рязань, Тверь, Новгородъ и Псковъ, пользуясь междуусобіями въ домѣ Калиты по смерти Василія Дмитріевича. Потомъ, когда Московскія междуусобія стали принимать благопріятный оборотъ въ пользу Василіева сына Василія Темнаго, а между тѣмъ Витовтъ умеръ и въ Литвѣ начались безпорядки, въ которые вмѣшалась Польша, имѣя въ виду соединить Литовскія владѣнія съ своими, то отношенія Москвы и Литвы во многомъ измѣнились и изъ наступательныхъ обратились во взаимно охранительныя; Великіе Князья представители той и другой стороны, занятые каждый междуусобіями и безпорядками въ своихъ владѣніяхъ, постоянно уклонялись отъ военныхъ дѣйствій другъ противъ друга и ограничивались преимущественно переговорами, которые, конечно, были ненадежны и далеко не упрочивали мира, но тѣмъ не менѣе давали время Москвѣ управиться съ своими домашними врагами и ставили Московскаго Князя въ довольно выгодное положеніе относительно Литвы; въ нихъ онъ вездѣ успѣвалъ отстранять непосредственное вліяніе Литовскаго Князя на сѣверо-восточныя владѣнія Руси, и довольно явственно намекалъ, что главный судья всей этой стороны одинъ только Московскій Князь, а не кто другой, и что всѣ владѣнія, принадлежащія разнымъ

княжескимъ родамъ и еще пользующіяся самостоятельностію и независимостію, скоро должны подчиниться Москвѣ. Лучшимъ свидѣтельствомъ всему сему служитъ договорная грамота между Казимиромъ Литовскимъ и Василіемъ Темнымъ, заключенная въ 1449 году [65]. Въ ней обѣ стороны клянутся быть вездѣ за одинъ и взаимно помогать другъ другу на всѣхъ враговъ, особенно на Татаръ; обязываются въ случаѣ смерти одного изъ Великихъ Князей другому печаловаться дѣтьми покойнаго; Казимиръ обѣщается не принимать Димитрія Шемяки, Василій—Михаила Сигизмундовича; въ отношеніи къ Новгороду и Пскову Московскій Князь говоритъ Литовскому: «Въ Новгородъ Великій и во Псковъ, и во вси Новгородскіе и во Псковскіе мѣста, тобѣ Королю и Великому Князю не вступаться, а и не обидѣти ихъ; а имутъ ли ти ся Новгородци и Псковичи давати и тобѣ королю ихъ непрыймати. А въ чомъ тобѣ Королю и Великому Князю Казимиру Новгородци и Псковичи зъгрубятъ, и тобѣ мене Великого Князя Василья обославъ да съ ними ся вѣдати, и мнѣ В. К. Василью не вступатися, ни помолвити про то на тебе, а въ земли и въ воды въ Новгородскіе тобѣ Королю и В. К.Казимиру не вступатися. А съ Нѣмцы ти, брате, держати вѣчный миръ, а съ Новгородци опришный миръ, а со Псковичи опришный миръ, а нѣкоторыми дѣлы имутъ межи себе воеватися и тобѣ Королю и В. К. межи ими не вступатися. А коли мнѣ В. К. Василью Новгородци и Псковичи згрубятъ, а всхочу ихъ показнити: и тобѣ Королю Казимиру за нихъ не вступатися». Относительно другихъ Великихъ Князей сѣверо-восточной Руси, изъ этой грамоты видно, что Тверской былъ на сторонѣ Литовскаго, а Рязанскій—Московскаго; при чемъ во взаимныхъ условіяхъ обѣихъ сторонъ, Василій относительно Рязанскяго Князя обязываетъ Казимира обнеобижать его и въ случаѣ какихъ неудовольствій относиться въ Москву для удовлетворенія: «а братъ мой молодшій В. К. Иванъ Ѳедоровичъ Рязанскій со мною, съ В. К. Васильемъ въ любви, и тобѣ Королю его необидѣти; а въ чомъ тобѣ, брату моему, Королю и В. К. Иванъ Ѳедоровичъ Рязанскій зъгрубитъ, и тобѣ Королю и В. К. мене обослати о томъ: и мнѣ его въсчюнити, и ему ся къ тобѣ исправити». Тогда какъ со стороны Казимира относительно Тверскаго князя не предложено никакихъ ограниченій: «а Князь Великій Борысъ Александровичъ Тферскій въ твоей

[65] Акты относ. къ Ист. Запад. Россіи., т. 1, № 50.

сторонѣ, а со мною съ В. К. съ Васильемъ въ любви и въ докончаніи; а судъ о земли и о водахъ мнѣ съ нимъ держати во всихъ обидныхъ дѣлѣхъ по старинѣ, а о чемъ ся судьи наши сопрутъ, и они положатъ на третей, хто будетъ обѣйма сторонамъ любъ». А въ отношеніи пограничныхъ споровъ и дѣлъ съ обѣихъ сторонъ были приняты слѣдующія условія. «А што ся вчинитъ межи вашими людми и нашыми, и волостели нашы, зъѣхався, вчынятъ тому исправа безъ перевода; а про то намъ нелюбья не держати. А о земляхъ и водахъ и о всихъ обидныхъ дѣлѣхъ, на обѣ стороны межъ нами судъ обычый, отъ того времяни, какъ дяди твоего В. К. Витовта въ животѣ не стало. А которыи люди съ которыхъ мѣстъ вышли добровольно: ино тымъ людемъ вольнымъ воля, гдѣ хотятъ тутъ и живутъ; а которые люди выведены отколѣ невольно или къ цѣлованью приведены, или за поруки подаваны ино ихъ отпустити добровольно съ ихъ статкы къ ихъ мѣстамъ, а цѣлованье и порукы съ нихъ доловъ, на обѣ стороны по се наше докончанье. А што ся вчинитъ въ нашей любви, и тому всему судъ и исправа безъ перевода. А судьямъ нашимъ судити цѣловавъ крестъ; а суженого не посуживати; а суженое, заемное, положенное, поручьное дати; а холопа, рабу, должника, поручника, татя, разбойника, бѣглеца, рубежника, по исправѣ выдати. А посломъ нашимъ ѣздити безъ опаса. А гостемъ нашимъ гостити безъ рубежа и безъ пакости». Хотя мирный договоръ, заключенный Василіемъ и Казимиромъ, не измѣнилъ недовѣрчивой политики обоихъ государей и въ противность его обязательствамъ, врагъ Казимировъ Михаилъ Сигизмундовичъ былъ принятъ въ Москвѣ, а Васильевы недоброжелатели—сынъ Шемяки Иванъ Андреевичъ Можайскій и Иванъ Васильевичъ Боровскій, получили удѣлы въ Литовскихъ владѣніяхъ; но тѣмъ не менѣе въ продолженіе всего остальнаго княженія Василія Темнаго не было войны между Москвою и Литвою и всѣ недоразумѣнія оканчивались новыми переговорами, въ которыхъ каждая сторона старалась увѣрять другую въ своемъ доброжелательствѣ и расположеніи къ дружбѣ, о чемъ ясно говорится въ посланіи Митрополита Іоны къ Казиміру, писанномъ въ 1450 году, гдѣ пастырь пишетъ Литовскому Князю: «И благодарю и благословляю ваше господство, чтобъ есте къ своему брату къ нашему сыну, В. К. Василью Васильевичу братство и любовь свою имѣлъ по тому крестному цѣлованію, на чѣмъ есте межъ себе честный и животворящій крестъ цѣловали; а братъ вашь нашь

сынъ, Великій Князь того же хочетъ.» [66] При преемникѣ Темнаго, Великомъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ, Москва получила рѣшительный перевѣсъ надъ Литвою; Московскій Князь успѣлъ покорить Новгородъ, освободился отъ Татаръ и подчинилъ себѣ всѣхъ князей сѣверовосточной Руси, такъ что онъ одинъ остался безспорнымъ властителемъ и Государемъ этой стороны и кромѣ того увеличилъ свое могущество многими завоеваніями въ земляхъ, не принадлежавшихъ Русскимъ князямъ, а также своимъ рѣшительнымъ вліяніемъ на всѣ Татарскія царства; а въ Литвѣ начались сильныя неудовольствія за гоненіе на Греческую церковь, и всѣ Русскіе Князья, бывшіе въ зависимости отъ Литовскаго, даже закоренѣлые враги Московскаго Князя стали переходить къ нему съ своими отчинами. Неумѣстная ревность къ католицизму, обуявшая въ это время Литовско-Польское правительство, поставила Іоанна въ самое завидное положеніе защитника гонимой Греческой церкви: все русское народонаселеніе Литовской стороны отъ князей до поселянъ видѣло въ Московскомъ Князѣ единственную опору православія, и Іоанну стоило только забирать города, которые отдавались ему добровольно. Всѣ усилія тогдашняго Литовскаго Князя Александра рѣшительно не имѣли успѣха: онъ, думая удержать притязанія Московскаго Князя, объявилъ желаніе вступить съ нимъ въ родство и предложилъ руку Іоанновой дочери Еленѣ. Іоаннъ принялъ предложеніе и отправилъ дочь въ Литву; но это не доставило выгодъ Александру. Московскій Князь не отставалъ отъ своей политики и по прежнему принималъ къ себѣ литовскихъ отъѣзчиковъ съ ихъ вотчинами, а между тѣмъ явно ропталъ на зятя за гоненіе Греческой вѣры и тѣмъ болѣе привлекалъ къ себѣ Литовскую Русь. Александръ началъ было войну, но и она не помогла: битва при Ведрошѣ рѣшила ее въ пользу Іоанна. Начали говорить о мирѣ, но Московскіе бояре, Іоанновы повѣренные, объявили условіе Литовскимъ посламъ: «Коли Государь вашъ похочетъ съ нашимъ Государемъ любви и братства, и онъ бы Государю нашему отчины ихъ Рускіе земли всѣ поступился.» [67] А посему вмѣсто мира, невозможнаго при таковомъ требованіи, было заключено перемиріе на шесть лѣтъ, по которому всѣ пріобрѣтенія, сдѣланныя Іоанномъ въ Литовскомъ краю, остались за

---

[66] Ак. Ар. Эк., т. I, № 49.

[67] Ак. относящ. къ Ист. Зап. Рос., т. I, № 192.

Москвою. При Іоанновомъ преемникѣ Василіи прежняя политика Московскаго двора не измѣнялась, точно также какъ не измѣнились и дѣла въ Литвѣ, гдѣ продолжались гоненія на православныхъ, которые поэтому продолжали переходить къ Московскому Князю, и въ числѣ прочихъ Литовскихъ отъѣзчиковъ были знаменитые Князья Глинскіе, возбудившіе Василія къ явной и наступательной войнѣ съ Сигизмундомъ Литовскимъ, которая началась очень счастливо, и московскіе полки уже дошли до Вильны, но крымскій набѣгъ на Московскія владѣнія, подготовленный Сигизмундомъ, заставилъ Василія заключить миръ, по которому Сигизмундъ подтвердилъ за нимъ всѣ пріобрѣтенія Іоанна; но миръ былъ непродолжителенъ и война началась съ новымъ жаромъ: Василій успѣлъ захватить Смоленскъ и Москвичи дошли уже до Орши; но здѣсь были разбиты на голову знаменитымъ воеводою Сигизмундовымъ, Княземъ Константиномъ Острожскимъ. Впрочемъ эта побѣда не имѣла важныхъ послѣдствій, и война тянулась до 1522 года. Наконецъ заключено было перемиріе, сперва на пять, а потомъ на шесть лѣтъ, по которому Смоленскъ утвержденъ за Московскимъ Княземъ. При Іоаннѣ Васильевичѣ IV войны и перемирія возобновлялись нѣсколько разъ, но вообще съ обѣихъ сторонъ дѣла шли довольно вяло; ибо со стороны Москвы сперва много мѣшали боярскія смуты во время малолѣтства Государя, а потомъ преслѣдованіе Іоанномъ другихъ важнѣйшихъ цѣлей не дозволило ему заняться исключительно Литовскою войною; а въ Литвѣ война поддерживалась только правительствомъ, народъ же явно былъ расположенъ къ Москвѣ, такъ что Поляки, видя неминуемое соединеніе Литвы съ Москвою по смерти безпотомственнаго Сигизмунда, убѣждали сего послѣдняго окончательно и торжественно скрѣпить неразрывный союзъ Литвы съ Польшею въ одну Рѣчь Посполитую, чтобы ни тотъ, ни другой народъ не могъ избирать Государя отдѣльно, чего наконецъ и достигли послѣ многихъ происковъ на Люблинскомъ сеймѣ, бывшемъ въ 1569 году. И точно, опасенія Поляковъ были не безъ основанія: по смерти Сигизмунда, при избраніи новаго Короля, литовскіе чины явно стали на сторонѣ Московскаго Государя, и только Люблинскія условія воспрепятствовали соединенію Литвы съ Москвою; но тѣмъ не менѣе расположеніе народа къ Московскимъ Государямъ не измѣнилось, и самъ Стефанъ Баторій послѣ многихъ блистательныхъ побѣдъ надъ Русскими, во время войны за Ливонію, не измѣнилъ значенія Москвы въ отношеніи къ Литвѣ, и даже нашелъ необхо-

димымъ предложить Іоаннову преемнику Ѳеодору заключить заранѣе договоръ о соединеніи Посполитой Рѣчи съ Московскимъ государствомъ, немедленно по кончинѣ котораго-либо изъ обоихъ Государей, такъ чтобы оставшійся въ живыхъ царствовалъ и въ Москвѣ, и въ Варшавѣ; а по смерти Баторія, Литовскіе чины настоятельно потребовали отъ Поляковъ, чтобы избрать въ Короли Московскаго Государя, и только несогласіе на условія, предложенныя Ѳеодоромъ, отстранило соединеніе обоихъ государствъ.

Территоріумъ Московскихъ владѣній.

Москва, находясь между сильными княжествами, Владимірскимъ, Тверскимъ и Рязанскимъ, при своемъ началѣ была въ самомъ невыгодномъ положеніи, и еслибы не ссора сыновей Невскаго, Димитрія и Андрея, перемутившая всѣхъ сосѣднихъ Князей, то Москвѣ долго бы еще нельзя было выйти изъ числа слабыхъ удѣловъ; но успѣвши одинъ разъ выбиться на большую дорогу, Московскимъ Князьямъ легко уже было идти впередъ; и то, что при началѣ составляло невыгоду мѣстоположенія Москвы, впослѣдствіи было одною изъ главныхъ причинъ ея могущества. Окруженная со всѣхъ сторонъ несогласными между собою Русскими княжествами и такимъ образомъ защищенная отъ первыхъ натисковъ внѣшнихъ непріятелей, она быстро начала расти во всѣ стороны, до времени не сталкиваясь ни съ Литвою, ни съ Монголами, которые сначала легко бы могли уничтожить ее при первой встрѣчѣ съ ихъ интересами. Расширеніе Московскихъ владѣній начинается съ Даніила Александровича, [68] который имѣлъ уже кромѣ Москвы Боровскъ и по духовному завѣщанію Переяславскаго Князя Ивана Дмитріевича получилъ Переяславль и Дмитровъ, составлявшіе богатѣйшій и значительнѣйшій удѣлъ во всей сѣверовосточной Руси, увеличенный и устроенный еще Даніиловымъ дѣдомъ Ярославомъ Всеволодовичемъ. Этотъ примыслъ, такъ легко доставшійся Даніилу, поставилъ Москву въ такое положеніе, что

---

[68] Ростовская лѣтопись (Карамз. IV, примѣч. 82) называетъ Московскимъ Княземъ Михаила брата Невскому, который, по свидѣтельству Никоновской лѣтописи, согналъ съ великаго княженія Владимірскаго дядю своего Святослава Всеволодовича, но съ этого времени нельзя еще начинать исторію усиленія Москвы, ибо Михаилъ, выгнавши Святослава, не думалъ больше о Москвѣ, и остался жить во Владимірѣ.

она почти при самомъ выступленіи на поприще исторической дѣятельности поровнялась силами съ старшими сосѣдними княжествами и, не безъ надежды на успѣхъ, могла уже вступить въ борьбу съ любымъ изъ ближайшихъ соперниковъ. При Юріѣ Даниловичѣ былъ присоединенъ къ Москвѣ Можайскъ, принадлежавшій великому княжеству Смоленскому [69] и окончательно утвержденъ за Москвою Рязанскій городъ Коломна. Іоаннъ Даниловичъ Калита отнялъ у Новгородцевъ Торжокъ и Бѣжецкій верхъ, [70] купилъ Галичь, Бѣлоозеро и Угличь, [71] сверхъ того въ его духовномъ завѣщаніи названы Московскими городами Звенигородъ, Руза, Лопастня, Серпуховъ и Перемышль, при слишкомъ 40 городахъ и волостей. [72] При Симеонѣ и Іоаннѣ, преемникахъ Ка-

---

[69] «Тоеже вѣсны Князь Великій Юрьи Даниловичъ Московскій съ своею братьею ратію ходилъ къ Можайску, и взя его, а Князя Святослава изымавъ приведѣ на Москву.» (Ник. лѣт., т. III, подъ годомъ 1303).

[70] «Великій Князь Иванъ Даниловичъ, возвратившись изъ Орды въ 1332 г., прогнѣвался на Новгородцевъ, требуя отъ нихъ закамскаго серебра, нарушилъ клятву и овладѣлъ Торжкомъ и Бѣжецкомъ.» (Повѣст. о Росс. Арцыб., т. II, стр. 87.) Это же подтверждаетъ духовная грамота Василья Дмитріевича, гдѣ сказано: «А княгинѣ своей даю прадѣда своего примыслъ въ Бѣжецкомъ Верхѣ Кистьму.» (Собр. Гос. гр. и дог., т. I, № 41.)

[71] Такъ эти владѣнія названы въ духовной Д. И. Донскаго, писанной въ 1389 году, гдѣ сказано: «А се сына своего Василія благословляю своею отчиною великимъ княженіемъ. А сына своего благословляю Князя Юрья своего дѣда куплею, Галичемъ.... А сына своего Князя Андрея благословляю куплею же дѣда своего, Бѣлымъ Озеромъ.... А сына своего Князя Петра благословляю куплею же своего дѣда, Углечимъ полемъ.» (Собр. Гос. гр. и дог., т. I, № 34.) Впрочемъ изъ этого свидѣтельства видно, что Галичъ, Бѣлоозеро и Угличъ были прикуплены Калитою не къ Москвѣ, а къ великому княжеству Владимірскому, и до Донскаго принадлежали Московскимъ Князьямъ, только потому, что они же были и Владимірскими Великими Князьями, а посему о сихъ владѣніяхъ не упоминается ни въ одной духовной грамотѣ ни у Калиты, ни у его сыновей, да и самъ Донскій говоритъ о нихъ не какъ о числѣ Московскихъ удѣлахъ и ставитъ въ одну категорію съ Владиміромъ. «А сына своего Василія благословляю своею отчиною великимъ княженіемъ, а сына Юрія своего дѣда куплею Галичемъ.» и проч.

[72] Духов. грамота В. К. Ивана Даниловича, писанная въ 1328 году: «Приказываю сыномъ своимъ отчину свою Москву; а се есмь имъ роздѣлъ учинилъ. Се далъ есмь сыну своему большему Семену: Можаескъ со всими волостьми, Коломну со всими волостьми Коломеньскими, Городенку, Мезыню, Пѣсочну и Середокоротну, Похряне, Устьмерыку, Брошевую, Гвоздну, Ивани деревни, Маковець, Левичинъ, Скулневъ, Копевъ, Гжелю, Горетову, Горки, село Астафьевское, село на Сѣверьсцѣ въ Похрянскомъ уѣздѣ, село Константиновское, село Оринпнское, село

литы, какъ можно заключать изъ ихъ завѣщаній, къ Московскимъ владѣніямъ не было приращеній, но съ Димитрія Донскаго границы Московскихъ владѣній быстро раздвигаются во всѣ стороны: такъ на юговостокъ онѣ простираются до верховьевъ Цны, Оки и Дона и уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прямо упираются въ степи, принадлежавшія Татарамъ, какъ это ясно сказано въ договорной грамотѣ сего Князя съ Олегомъ Рязанскимъ, заключенной въ 1381 году: «А межи насъ роздѣлъ земли по рѣку по Оку, отъ Коломны въ верхъ по Оцѣ, на Московской сторонѣ Поченъ, Новый городокъ, Лужа, Верея, Боровескъ, и иная мѣста Рязанская, которая ни будутъ на той сторонѣ то къ Москвѣ; а на низъ по Оцѣ, по рѣку по Цну, отъ усть Тцны въ верхъ по Тцнѣ, что на Московской сторонѣ Тцны, то къ Москвѣ; а что на Рязанской сторонѣ, то къ Рязани. А Володимерское по рубежъ, по тому какъ то было при вашемъ дѣдѣ при Великомъ Князѣ при Иванѣ Даниловичѣ, и при вашемъ дядѣ при В. К. при Семенѣ, и при твоемъ отцѣ при В К. при Иванѣ. А что на Рязанской сторонѣ за Окою, что доселе потягло къ Москвѣ, Поченъ, Лопастна, уѣздъ Мстиславль, Жадѣне городище, Жадемль, Дубокъ, Породничь съ мѣсты, какъ ся отступили князи Торускіе Ѳедору Святославичу, та мѣста къ Рязани. А что мѣсто Князя Великаго Дмитрія Ивановича на Рязанской сторонѣ Тула, какъ было при царицѣ при Тандулѣ, и коли еѣ баскаци вѣдали, въ то ся князю великому Олгу не вступати, и князю великому Дмигрію. А что мѣста Талица, Выползовъ, Такасовъ, та мѣста великому князю Дмитрію, князь великій Олегъ ступился тѣхъ мѣстъ К. В. Дмитрію Ивановичю. А что купля князя

Островьское, село Копотеньское, селце Микульское, село Малаховьское, село Напрудное у города. А се даю сыну своему Ивану Звенигородъ, Кремичну, Рузу, Фоминьское, Суходолъ, Велпкую свободу, Замошьскую свободу, Угожь, Ростовци, Окатьеву свободку, Скпрминовьское, Тростну, Нѣгучю; а села: село Рюховьское, село Каменичьское, село Рузьское..... А се далъ есмь сыну своему Андрею: Лопастну, Сѣверьску, Нарунижьское, Серпоховъ, Нивну, Темну, Голичичи, Щитовъ, Перемышль, Растовецъ, Тухачевь; а се села: село Талежское, село Серпоховское, село Колбасиньское, село Парьское, село Перемышльское, село Битяговьское, село Трyфоновьское, село Яспновьское, село Коламшиньское, село Погатиньское. А се даю княгини своей съ меньшими дѣтьми: Сурожикъ, Мушкину гору, Радонѣжьское, Бѣли, Воря, Черноголовль, на Вори свободка Софроновьская, Вохна, Дѣйково раменье, Данилищова свободка, Машевь, Селна, Гуслица, Раменье, что было за княгинею; а села: село Михайловское, село Луциньское, село у озера, село Радонежьское»..... (Собр. Гос. гр. и дог., т. I, № 23).

великого Мещера, какъ было при Александрѣ Уковичѣ, то К. В. Дмитрію; а К. В. Олгу не вступатися по тотъ розъѣздъ. А что Татарская мѣста отоималъ К. В. Дмитрій Ивановичъ за себя отъ Татаръ до сего до нашего докончанья, та мѣста К. В. Дмитрію; а что К. В. Олегъ отоималъ Татарская мѣста отъ Татаръ дотоле же, а то К. В. Олгу та мѣста.» [73] Изъ этой грамоты мы видимъ, что Димитрій Донской началъ уже отнимать Русскія земли, бывшія до сего времени въ непосредственномъ владѣніи Татарскихъ баскаковъ, успѣлъ купить всю землю Мещерскую, и только въ одномъ мѣстѣ не переступилъ дѣдовскаго рубежа съ Рязанью: «А Володимерское порубежъ, по тому какъ то было при вашемъ дѣдѣ.» Но еще важнѣйшія указанія на распространеніе Московскихъ владѣній мы находимъ въ духовной Донскаго, писанной въ 1389 году; [74] впрочемъ здѣсь замѣчательно не столько распространеніе физическихъ границъ Московскаго государства, сколько расширеніе власти Московскаго Князя надъ владѣніями уже зависѣвшими отъ Москвы. Физическія границы государства раздвинулись только незначительными примыслами Донскаго въ Юрьевскихъ и Ростовскихъ волостяхъ, которыя важны преимущественно въ томъ значеніи, что ими пролагался путь къ будущему расширенію Московскихъ владѣній; въ этомъ же значеніи важны Товъ и Медынь, по словамъ завѣщанія, вытяганныя у Смольнянъ московскимъ бояриномъ Ѳедоромъ Андреевичемъ, и также Калуга, Роща и отъѣздные волости: Верея, Рудь, Гордошевичи, Гремичи, Заберега и Сушовъ, приписанныя къ Можайску и въ первый разъ упоминаемыя только въ настоящемъ завѣщаніи, слѣдовательно, составлявшія примыслъ Донскаго. Но за то власть Князя Московскаго, со времени Донскаго, получаетъ такое развитіе, какого прежніе Князья только желали и къ которому лишь прокладывали дорогу; прежнія отдѣльныя и самостоятельныя княжества Переяславль, Галичь, Бѣлоозеро и Углече Поле, подчиненныя Московскому Князю, только потому что онъ же былъ и Великимъ Княземъ Владимірскимъ, и которыя ни Калита, ни его ближайшіе преемники, не смѣли и не могли еще назвать собственно Московскими владѣніями, въ духовномъ завѣщаніи Донскаго уже поступаютъ въ разрядъ чисто Московскихъ областей. Димитрій Іоанновичъ не считаетъ уже нужнымъ отли-

[73] Собр. Гос. Гр. и Дог., т. I, № 32.

[74] Тамъ же, № 34.

чать ихъ отъ какого-либо Можайска или Звенигорода и дробитъ ихъ между своими сыновьями: Галичь отдаетъ Юрію, Бѣлоозеро Андрею, Углече Поле Петру, даже самое великое княжество Владимірское называетъ своею отчиною, и благословляетъ имъ старшаго сына Василія, и вмѣстѣ съ Владиміромъ ему же отдаетъ и Переяславль, а Дмитровъ Переяславскій, прежній удѣлъ, назначаетъ Петру. Сверхъ того къ Московскимъ же владѣніямъ должно отнести богатый удѣлъ Калитина внука, Князя Владиміра Андреевича, къ которому, по распредѣленію Донскаго, принадлежали Серпуховъ, Городецъ, Боровскъ и Лужа, и къ которымъ въ годъ кончины Дмитріевой, сынъ его Василій прибавилъ Волокъ и Ржеву.[75] Такимъ образомъ въ годъ кончины Донскаго, Московскія владѣнія имѣли своими границами на западъ: Калугу, Верею, Можайскъ, Рузу, Волокъ, Ржеву, Бѣжецкъ, Устюжну и Бѣлоозеро, потомъ отъ Бѣлоозера на сѣверо-востокъ Галичь, Кострому и Юрьевъ. Этими границами на западъ Москва прямо упиралась въ Литовскія и Новгородскія владѣнія и въ половину окружала великое княжество Тверское, точно также какъ на югѣ глядѣлась въ Татарскія степи и почти окружала Рязань, на сѣверъ и сѣверо-востокъ она опять сходилась съ Новгородскими областями, охватывала княженія Ярославское, Ростовское и Суздальское, а на востокѣ закидывала свои владѣнія за Нижній и Муромъ, готовясь и ихъ прибрать къ рукамъ при первомъ удобномъ случаѣ. Въ чемъ вполнѣ и успѣлъ преемникъ Донскаго, старшій сынъ его Василій Дмитріевичъ: онъ при посредствѣ Татаръ въ 1391 году завладѣлъ Нижнимъ;[76] а потомъ пріобрѣлъ и Муромъ. А въ договорной его грамотѣ съ Кн. Владиміромъ Андреевичемъ, писанной въ 1405 году[77] упоминается уже какъ о Московскихъ владѣніяхъ Алексинѣ, Козельскѣ Людимильскѣ, отнятыхъ Василіемъ у Новосельскихъ Тарускихъ Князей. Въ духовной грамотѣ Владиміра Андреевича писанной въ 1410 году[78] въ числѣ земель Московскаго государства упоминаются: Радонежъ, Хотунь, Бѣлогородье и Юрьевецъ лежащій на Волгѣ; а въ третьей духовной самаго Василья Дмитріевича, писанной въ 1424 году,[79]

---

[75] Собр. Гос. Гр. и Дог., т. I, № 35.

[76] Ник. лѣт., т. IV, стр. 239.

[77] Собр. Г. Г. и Д. т. I, № 38.

[78] Тамъ же № 40.

[79] Тамъ же № 42.

къ Московскимъ владѣніямъ причисляются Волочекъ въ Новгородской землѣ, нѣкоторыя волости на Вологдѣ и Устюгѣ; въ договорной же грамотѣ Василья Васильевича съ дядьями въ числѣ примысловъ Василья Дмитріевича помѣщена Вятка, которую онъ уступилъ Юрію. [80] Василій Васильевичъ Темный въ продолженіе своего 37лѣтняго княженія успѣлъ уничтожить почти всѣ удѣлы въ Московскихъ владѣніяхъ, и изъ другихъ отдѣльныхъ княженій и городовъ сѣверо-восточной Руси оставилъ не присоединенными къ Москвѣ только Рязань, Тверь, Псковъ и Новгородъ, но и тѣ были уже очень стѣснены и лишены многихъ областей; такъ что съ Рязанью Московскія владѣнія граничили уже Дономъ, [81] за Тверскимъ великимъ княженіемъ были оставлены только Тверь и Кашинъ, [82] а отъ Новгорода были отрѣзаны Вологда, Устюгъ и земля Вятская. Границы и состояніе Московскихъ владѣній въ послѣдніе годы Василья Васильевича Темнаго всего лучше выражены въ его духовной грамотѣ, писанной въ 1462 году. Онъ въ ней пишетъ: «Сына своего старѣйшаго Ивана благословляю своею отчиною великимъ княженьемъ и Коломною, Володимеромъ,

---

[80] Тамъ же №№ 13 и 44. «Также што мя пожаловалъ (говоритъ Юрій Дмитріевичъ) отецъ твой Князь Великій Василій Дмитріевичъ Вяткою и съ слободами и со всими мѣсты».

[81] Въ договорной грамотѣ В. К. Ивана Васильевича Московскаго съ В. К. Иваномъ Васильевичемъ Рязанскимъ, заключенномъ въ 1483 году, сказано: «А что купля отца нашего В. К. Василья Васильевича за рѣкою за Окою Тѣшиловъ и Веневъ и Растовецъ и иная мѣста, и тѣмъ нашимъ землямъ съ твоею землею рубежъ отъ Оки съ усть Смѣдвы въ верхъ по Смѣдвѣ по усть Песоченки, а Песоченкою до верховья Песоченскаго, а отъ верховья Песоченскаго черезъ лѣсъ прямо къ Осетру къ усть Кудеснѣ, а Кудесною въ верхъ до верховья, а отъ верховія Кудесны прямо въ верхъ Табаломъ, а по Табаломъ на низъ въ Донъ..... А что за Дономъ твое В. К. Иваново Романцево съ уѣздомъ, и что къ нему потягло, и намъ Великимъ Княземъ въ то не вступатися; а тебѣ не вступатися въ нашу отчину въ Елечь, и во вся Елецкая мѣста, а Меча намъ вѣдати вопче». (С. Г. Г. и Д. т. I, № 115).

[82] Догов. грам. В. К. Бориса Александровича Тверскаго съ В. К. Васильемъ Васильевичемъ Темнымъ 1451 года. «А которые земли и воды потягли къ нашей отчинѣ къ Тфѣри и къ Кашину.... того вы, брате, подо мною подъ В. К. Борисомъ Александровичемъ неимати..... А рубежъ Тфѣри и Кашину, какъ было при моихъ предкахъ... и при мнѣ при В. К. Борисѣ Александровичѣ, што потягло къ Тфѣри и къ Кашину; а съ Новгородомъ ми жити по старинѣ..... А которые земли и воды отошли отъ нашіе отчины Тфѣри и Кашина.... а тѣмъ брате землямъ и водамъ судъ и исправа на обѣ стороны». (Тамъ же № 76).

Переяславлемъ съ волостьми, съ путьми и съ селы и со всѣми пошлинами, Кострома, Галичь, Устюгъ съ волостьми и съ путьми и съ селы и со всѣми пошлинами; да даю своему сыну Ивану землю Вятьскую, да даю ему Суздаль со всѣми пошлинами и съ волостьми и съ путьми и съ селы, Муромъ съ волостьми, съ путьми и съ селы и со всѣми пошлинами, Юрьевомъ и съ Великою Солью и со всѣми пошлинами; да даю своему сыну Ивану Боровескъ со всѣми волостьми и съ путьми и съ селы и со всѣми пошлинами, какъ было за Княземъ за Васильемъ, и Суходолъ съ Истьею и съ Истервою и съ Краснымъ селомъ, да Колугу и съ Олексинымъ, какъ было за Княземъ за Иваномъ Можайскимъ. Да сыну своему Юрью даю Дмитровъ со всѣми волостьми, и со всѣмъ тѣмъ, какъ было за Княземъ за Петромъ; да даю сыну же своему Юрью Можаескъ съ волостьми и съ Медынью и что къ Медыни потягло, да Серпоховъ да Хотунь со всѣми пошлинами. А сыну своему Ондрею даю Углече со всѣми волостьми, и съ Устюжною, и съ Рожаловымъ, и съ Велетовымъ и съ Кистьмою, и со всѣмъ съ тѣмъ, какъ было за Княземъ за Дмитріемъ за Шемякою; да даю ему Бѣжецкій Верхъ, да Звенигородъ съ волостьми и съ путми и съ селы и со всѣми пошлинами. А сыну моему Борису даю Ржеву, да Волокъ, да Рузу съ волостьми, съ путми и съ селы и съ пошлинами. А сыну моему Андрею меньшему даю Вологду и съ Кубеною и съ Заозерьемъ со всѣмъ къ Вологдѣ и хъ Кубенѣ и къ Заозерью потягло и съ пошлинами, а княгинѣ своей Ростовъ и со всѣмъ, что къ нему потягло, и съ селы своими до ея живота; а Князи Ростовскіе, что вѣдали при мнѣ при В. Князи, инѣ потому и держатъ, и при моей Княгини, а Княгини моя у нихъ въ то не вступается: а возметъ Богъ мою Княгиню, и Княгиня моя дастъ Ростовъ моему сыну Юрью, а онъ держитъ по тому же, какъ держала его мати; что Князи вѣдали свое, инѣ по тому же держатъ». Іоаннъ III-й искусно пользуясь средствами приготовленными отцомъ покорилъ Новгородъ со всѣми его богатыми пригородами и обширными областями простиравшимися до Бѣлаго моря и горъ Уральскихъ, присоединилъ къ Московскимъ владѣніямъ независимый Псковъ, уничтожилъ самостоятельность Великаго Княжества Тверскаго, и во всей сѣверо-восточной Руси не оставилъ ни одного городка не зависимымъ и отдѣльнымъ отъ Москвы и только изъ милости дозволилъ своему родственнику Князю Рязанскому называться еще Великимъ Княземъ и пользоваться одною тѣнью самостоятельности; кромѣ того онъ далеко

выдвинулся во владѣнія Литовской Руси и перенесъ границы Московскаго государства уже за Десну, гдѣ при немъ принадлежали Московскому Князю Стародубъ и Брянскъ. Въ его духовной грамотѣ, писанной въ 1504 году, [83] названы Московскими городами по верховьямъ Оки по обоимъ берегамъ и по ея притокамъ, Кашира, Торуса, Алексинъ, Одоевъ, Бѣлевъ, Мценскъ, Новосиль, Пронскъ и Веневъ; по Дону и Воронежу Елецъ и Козловъ, выдвинувшіеся въ степи далеко за Рязанскія владѣнія, за Угрою прежнею границею Литовскихъ владѣній и далеко въ Литовско-Русскихъ областяхъ по Деснѣ и за Десною Серпейскъ, Мещовскъ, Козельскъ, Брянскъ и Стародубъ; на Смоленской границѣ Вязма и Дорогобужъ; далѣе на Сѣверо-западъ прежнія Новгородскія и Псковскія владѣнія: Великія Луки, Холмъ, Островъ, Руса, Псковъ, Новгородъ, Гдовъ, Ямгородъ, Копорье, Орешекъ, Ладога, Дѣмонъ, Земля Корельская и Лопь; потомъ на Сѣверо-востокъ Заволцкая и Двинская земля, Онега, Каргополе, Двина, Вага, Кокшенга, Вельскій погостъ и Колмогоры, также вся Печерская страна до самаго моря, и на востокъ Югорская земля, Пермь великая, земля Арская, Вятка, Черемиса, Мордва и Мещера. Іоаннъ даже поставилъ въ нѣкоторую зависимость отъ себя царство Казанское и Нагайскія орды, но здѣсь еще не было Московскихъ владѣній. Преемникъ Іоанновъ Василій въ 1510 году окончательно уничтожилъ самостоятельность Пскова, и далъ ему управленіе одинаковое съ другими городами Московскаго государства; въ 1514 году завоевалъ Смоленскъ; въ 1521 году присоединилъ къ Московскимъ владѣніямъ остатки княжества Рязанскаго, и въ 1526 году захватилъ Новгородъ Сѣверскій, а тамошняго Князя Василья Шемякина, подручника и вѣрнаго союзника Іоаннова, уморилъ въ Московской темницѣ. При Іоаннѣ IV присоединены были къ Московскимъ владѣніямъ царства Казанское и Астраханское, и положено начало завоеванія Сибири, это съ восточной стороны, на югъ же, при помощи мелкихъ войнъ и постояннаго заселенія Придонскихъ степей, границы Московскаго государства были выдвинуты съ одной стороны почти до впаденія Сѣвернаго Донеца въ Донъ и даже до Азова, а съ другой до устья Ворсклы въ Днѣпръ. [84]. При Царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ утверждено владычество Москвы надъ Си-

---

[83] Соб. Г. Г. и Д. т. I, № 144.

[84] Моя статья о сторожевой службѣ. Чтен. въ Общ. Ист. т. IV, 1846 года.

бирью, а на юго-востокѣ границы Московскія уже упирались въ берега Терека и Кавказскія горы. Такимъ образомъ, въ продолженіи трехъсотъ лѣтъ, отъ послѣднихъ годовъ перваго Московскаго Великаго Князя Даніила Александровича до кончины Царя Ѳеодора Іоанновича, Москва, изъ незначительнаго владѣньица сѣверо-восточной Руси, далеко еще не выходившаго изъ границъ нынѣшней Московской губерніи, выросло въ огромное государство, поглотившее не только всю сѣверо-восточную Русь, но и далеко перешагнувшее за древніе ея предѣлы, поставившее на сѣверѣ своими границами Ледовитое море и Сѣверный океанъ, на западъ выдвинувшееся почти до Финскаго залива и низовьевъ Днѣпра и на югъ до Азовскаго моря и горъ Кавказскихъ, а на востокъ до моря Каспійскаго и береговъ Оби. [85] И что всего замѣчательнѣе распространеніе Московскихъ владѣній не было плодомъ ни торговой политики, ни опустошительныхъ завоеваній; Москва выросла рѣшительно отъ постояннаго и дѣятельнаго преслѣдованія одной мысли сосредоточить силы разрозненной Руси, сгладить слѣды прежней разрозненности и отстранить враждебное вліяніе непріязненныхъ сосѣдей. А посему при каждомъ присоединеніи новаго владѣнія Московское правительство не отягощало тамошнихъ жителей большими налогами, и заботилось не столько о своихъ непосредственныхъ матеріальныхъ выгодахъ, сколько о введеніи формъ своей администраціи и о распространеніи чисто-Московскаго образа жизни. Съ этою цѣлію она въ новоприобрѣтенныхъ областяхъ селило поселенцовъ изъ своихъ старинныхъ владѣній, а въ земляхъ принадлежавшихъ прежде кочевымъ народамъ или звѣроловамъ строило города и селенія, и не жалѣя никакихъ расходовъ и усилій постоянно заботилось о водвореніи осѣдлой жизни и земледѣлія; чему служатъ яснымъ свидѣтельствомъ всѣ наказы воеводамъ во вновь построенныхъ городахъ Сибири и Придонскихъ степей. Въ наказахъ этихъ вновь приходящимъ земледѣльцамъ не только назначались льготные годы относительно платежа податей, но даже выдавались отъ казны деньги и хлѣбъ для первоначальнаго обзаведенія поселенца, а чтобы льготы и деньги не доставались тунеядцамъ, воеводы каждогодно обязаны были до-

[85] Въ дѣлахъ Посольск. № 16, л. 27. Ясаку положилъ (Государь) на Сибирское царство, и на Конду большую, и на Конду на меншую, и на Пелымское государство, и на Туру рѣку,

ставлять въ Москву отчеты съ поименными вѣдомостьми, сколько распахано земли, посѣяно хлѣба и какой урожай. Многіе изъ таковыхъ отчетовъ и поименныхъ вѣдомостей сохранились до настоящаго времени, и служатъ памятникомъ тогдашняго образа дѣйствій, которому слѣдовали Московскіе Государи въ управленіи вновь пріобрѣтаемыми владѣніями.

Внутреннее устройство Московскаго Государства.

ПОЗЕМЕЛЬНОЕ ВЛАДѢНІЕ.

Какъ первоначально устроилась Москва, мы не знаемъ. Темныя преданія о построеніи ея Княземъ Юріемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ во владѣніяхъ боярина Кучки можетъ быть и имѣютъ основаніе; но по своей неразвитости и отрывочности не могутъ быть приняты за историческія данныя, на которыхъ бы можно было создать систему ея первоначальнаго устройства. Положительно вѣрнаго мы знаемъ только то, что въ нашихъ лѣтописяхъ Москва въ первый разъ упоминается въ 1147 году, въ которомъ Князь Юрій Долгорукій приглашалъ въ Москву своего союзника Сѣверскаго Князя Святослава Ольговича. Потомъ упоминается о Москвѣ подъ 1175, 1176 и 1177 годами: въ первые два года проѣзжали черезъ Москву и останавливались въ ней Князья искавшіе Владимірскаго престола, а въ послѣдній Рязанскій Князь Глѣбъ на походѣ во Владиміръ сжегъ Москву съ окрестными селами. Всѣ сіи извѣстія показываютъ, что Москва еще не имѣла своего особаго Князя, и принадлежала къ числу городовъ полузависѣвшихъ отъ Великаго Княжества Владимірскаго; только чрезъ 90 лѣтъ послѣ перваго извѣстія о Москвѣ наши лѣтописи упоминаютъ о первомъ Московскомъ Князѣ Владимірѣ Георгіевичѣ, сражавшемся съ Батыемъ въ 1237 году. Все это показываетъ, что Москва первоначально не была чисто княжескимъ городомъ, и основана не Юріемъ Долгорукимъ, а свободною общиною туземцовъ, или выселенцами изъ какого-либо сосѣдняго старшаго города, точно также какъ всѣ древніе города Руси; Суздальскіе же Князья, странствуя по лѣснымъ пустынямъ этого края, наткнулись на нее тогда, когда уже она довольно сложилась и считала своею собственностію порядочное пространство земли, занятое одноплеменными и зависѣвшими отъ города селами и деревнями. При

встрѣчѣ съ сильнымъ княземъ или съ его дружиною разумѣется незначительная Москва не могла дать сильнаго отпора, а можетъ быть и вовсе безъ сопротивленія покорилась власти находниковъ, то есть признала верховный княжескій судъ и согласилась платить дань (какъ это мы видимъ во всѣхъ древнихъ городахъ Руси); но тѣмъ не менѣе сохранила свою внутреннюю жизнь и общинный бытъ, въ который не вступались князья довольные покорностію и занятые своими междоусобіями. Въ слѣдствіе таковаго первоначальнаго отношенія князей къ Москвѣ вся земля, какъ городская, такъ и уѣздная въ Московской сторонѣ (какъ и въ другихъ краяхъ Руси), не составляла собственности Князя, но или принадлежала городскимъ и сельскимъ общинамъ, или была въ вотчинномъ владѣніи частныхъ лицъ, которыя могли ее дарить, продавать и завѣщевать. Свидѣтельствомъ сему служатъ всѣ дошедшія до насъ грамоты Московскихъ Князей. Такъ въ первой же грамотѣ Ивана Даниловича Калиты [86] мы находимъ рѣзкое отличіе земель принадлежащихъ Москвѣ отъ поземельной собственности Князя; земли принадлежащія Государству онъ называетъ *волостьми*, а княжую поземельную собственность отличаетъ названіемъ *селъ;* въ волостяхъ Князь имѣетъ только власть суда и дани, а земли не могъ ни продавать, ни дарить, ни отчуждать какимъ бы то ни было образомъ; въ своихъ же селахъ онъ былъ полнымъ хозяиномъ; могъ ихъ продавать и мѣнять на села и деревни другихъ собственниковъ, закладывать и жаловать ими своихъ бояръ, населять своими крѣпостными людьми или вольными крестьянами, и дѣлать въ нихъ разныя хозяйственныя распоряженія. Села составляющія собственность Князя, частію можетъ быть были уступлены ему при первоначальномъ условіи съ городскою общиною, по которому послѣдняя признала его власть надъ собою, а частію пріобрѣтены покупкою у частныхъ собственниковъ, или доставались за вину отъ княжихъ слугъ, на что также прямо указываютъ всѣ княжескія грамоты. Такъ Калита въ своей духовной грамотѣ. «А что есмь купилъ село Петровское, и Олексинское, и Павловское на Масѣ, а половину есмь смѣнилъ съ митрополигомъ.... а селца на Масѣ, что есмь купилъ у Аѳинѣя, то даю сыну своему Ивану. [87] Или въ духовной грамотѣ В. К. Василья Васильевича Темнаго [88] сказано,

---

[86] Дух. В. Кн. Ивана Дан. 1328 г. Собр. Г. Г. и Д. т. I, № 21.

[87] Тамъ же.

[88] Соб. Г. г. и д. т. I, № 87.

«Да что ми дала Настасья Ѳедорова Андреевича села Мячково и здеревнями въ куплю, а держати ей за собою до своего живота; да что ми дала дочи ее Орина Олексѣева жена Игнатьевича свои села на рѣцѣ на Москвѣ въ куплю же до своего живота: и тѣ села Настасьины и Оринины о послѣ ихъ живота моей княгини: а княгини моя по моимъ купчимъ грамотамъ отдастъ имъ цѣну за тѣ села по ихъ душѣ, кому они прикажутъ опослѣ своего живота». Это стараніе Князей пріобрѣтать поземельную собственность покупкою, прямо показываетъ, что земля вообще принадлежала Государству, а не составляла собственности Княжеской власти. И не только въ удѣлахъ, но и въ самыхъ городахъ Князья владѣли только опредѣленными участками земли, и желая увеличить свою поземельную собственность, должны были пріобрѣтать ее или покупкою, или другими какими сдѣлками съ частными землевладѣльцами. На это указываетъ таже грамота Василья Васильевича Темнаго, о которой мы только что говорили, въ ней сказано: «Да даю сыну своему Юрью, чѣмъ его благословила моя мати.... Семчинскимъ селомъ у Москвы и съ дворы городскими и съ Самсоновымъ лугомъ и своимъ прикупомъ селцомъ Воробьевымъ и съ Семеновскимъ здеревнями». Или далѣе говоря о Князѣ Борисѣ Васильевичѣ: «Да у Москвы село Шарапово здеревнями, да лугъ на рецѣ на Москвѣ подъ крутицею, да что ему дала Марья Ѳедорова Галтяева дворъ свой внутри города на Москвѣ, ино то его и есть». Или въ духовной грамотѣ В. К. Ивана Васильевича писанной въ 1504 году: «Даю сыну моему Василью селцо Воронцовское на Яузѣ, гдѣ мой дворъ и здворы зъ городцкими... какъ было при мнѣ; да монастырь Мищиково и зъ дворы, да Ильинскую слободу со всѣмъ по тому, какъ есми вымѣнилъ у Андроникова монастыря». [94] Такимъ образомъ въ Московскомъ Государствѣ земля не составляла исключительной собственности Князя: онъ какъ собственникъ владѣлъ только нѣкоторыми ея частями, которыя или были ему уступлены народомъ при первоначальномъ съ нимъ условіи, или пріобрѣтены покупкою, у частныхъ лицъ или другими какими сдѣлками, и которыя по сему назывались собственно *княжими селами* или *подклетными*, а потомъ *дворцовыми*. Но кромѣ того были земли собственно Государственныя, извѣстныя по названіемъ *черныхъ волостей*; потомъ земли *вотчинныя*, со-

[94] Соб. Г. г. и д. т. I, № 144.

ставлявшія частную собственность или бояръ, или епископа, или монастырей и церквей; и наконецъ *помѣстныя*, которыя давались князьями служилымъ людямъ вмѣсто жалованья на время службы; эта дача помѣстій сперва производилась только изъ дворцовыхъ или княжихъ селъ и деревень, но потомъ при большемъ распространеніи княжеской власти и при слитіи княжеской дружинной службы со службою земскою или Государственною въ помѣстья нерѣдко назначали и черныя земли особенно изъ вновь завоеванныхъ или изъ дикихъ полей.

Различныя основанія владѣнія поземельною собственностію влекли за собою различныя отношенія владѣльцевъ и различныя права и обязанности, сопряженныя съ тѣмъ или другимъ владѣніемъ; а это различіе отношеній правъ и обязанностей имѣло если не исключительное, то покрайней мѣрѣ преимущественное и сильнѣйшее вліяніе на все послѣдующее развитіе Государственнаго устройства въ Московскихъ владѣніяхъ, и характеризовало всю внутреннюю исторію Московскаго Государства, и по сему служитъ единственнымъ объясненіемъ для многихъ явленій въ нашей исторіи, которыя съ перваго взгляда кажутся непонятными и безпричинными. Все это заставляетъ историка обратить особенное вниманіе на сей важный Государственный вопросъ и прослѣдить его постепенное развитіе и различныя рѣшенія на пространствѣ всей исторіи Московскаго Государства до окончательнаго соединенія всѣхъ сѣверовосточныхъ владѣній Руси съ Москвою. Чтобы яснѣе и опредѣленнѣе рѣшить этотъ важный въ исторіи внутренней жизни Государства вопросъ, я считаю необходимымъ прослѣдить исторію каждаго рода поземельныхъ владѣній отдѣльно, и для большаго порядка и послѣдовательности начну съ старшаго, именно съ владѣнія черными землями, потомъ перейду къ владѣніямъ вотчиннымъ, за симъ къ Княжескимъ или къ дворцовымъ и наконецъ къ владѣніямъ помѣстнымъ.

Черныя земли, какъ въ Москвѣ такъ и во многихъ другихъ городахъ Руси, составляли ту незыблемую и постоянную основу Государства, ту точку опоры на которой созидалось и утверждалось Государство, въ нихъ заключалось зерно Государственной самостоятельности и благодѣтельнаго отрицанія противъ раздробленія владѣній, противъ котораго не дерзала возставать даже удѣльная система грозившая Руси конечнымъ разъединеніемъ. Владѣніе черными землями сообщившее имъ такой важный Государственный характеръ

какъ въ началѣ такъ и во все продолженіе Московской исторіи было чисто общинное. Черныя земли въ полномъ смыслѣ слова были землями Государственными, и частныя лица ни подъ какимъ видомъ не могли пріобрѣтать ихъ въ свою собственность, однѣ только общины могли располагать ими, но и то безъ права отчужденія; даже сами Князья или Государи Московскіе не посягали на ихъ неприкосновенность, и во всѣхъ договорахъ съ другими Князьями исключали всякое посягательство на эту неотъемлемую собственность Государства. Такъ въ договорней грамотѣ В. К. Дмитрія Ивановича Донскаго съ К. Владиміромъ Андреевичемъ заключенной въ 1388 году сказано: «А селъ ти не купити въ моемъ удѣлѣ, ни въ великомъ княженьи, ни твоимъ дѣтемъ, ни твоимъ бояромъ. А хто будетъ покупилъ земли да иные служни ихи черныхъ людей, по отца моего животѣ по Князя Великого Иванове. а тѣ хто возможетъ выкупити инѣ выкупятъ; а не возмогутъ выкупити, инѣ потянутъ къ Чернымъ людемъ; а хто невсхочетъ тянути, инѣ ся земль съступятъ, а земли чернымъ людѣмъ даромъ.» [95] Тоже должно быть говорится и въ договорной грамотѣ В. К. Симеона Ивановича съ братьями писанной въ 1341 году. изъ . . . хъ волостій и изъ и . . . . . нашихъ удѣлехъ некупити, ни бояромъ твоимъ, ни слугамъ безъ . . . . . ни нашимъ бояромъ, ни слугамъ селъ въ твоемъ удѣлѣ, и учисленцыхъ . . . . . имѣти . . . . . всимъ. . . . . [96] А въ духовной грамотѣ В. К. Ивана Даниловича писанной въ 1328 году сказано о черныхъ людяхъ, гдѣ они названы численными: «А численныи люди вѣдаютъ сыпове мои собча, а блюдутъ вси съ одиного. [97] Здѣсь черныя земли даже не поступаютъ не только въ собственность, но даже и въ управительственный раздѣлъ между князьями: «*а вѣдаютъ съобча, а блюдутъ съ одинаго.*» Но не токмо въ началѣ Государства, но и въ послѣдствіи при большемъ развитіи великокняжеской власти, неприкосновенность черныхъ земель остается въ своей силѣ; такъ еще В. К. Василій Васильевичъ Темной, въ договорной грамотѣ, писанной въ 1435 году, говоритъ: «А тобѣ въ моей вотчинѣ въ Москвѣ..... съ дворомъ человѣка тяглово некупить; а мнѣ въ твоей вотчинѣ въ Дмитровѣ человѣка тяглого съ дворомъ некупити.» [98] Таковая неприкосновенность

---

[95] Соб. Г. г. и д. т. I, № 33.

[96] Тамъ же № 23.

[97] Тамъ же № 22.

[98] А. А. Э. т. I, № 29.

черныхъ земель исключала ихъ отъ всякаго произвола, такъ что Государь первоначально не имѣлъ права назначать ихъ даже въ пожизненное владѣніе своимъ боярамъ, и только съ В. К. Іоанна Васильевича III мы встрѣчаемъ иногда нѣкоторыя уклоненія отъ этого правила, но и то, кажется, только въ отношеніи къ чернымъ землямъ завоеванныхъ княженій, въ отношеніи къ которымъ конечно, могло быть болѣе произволу. Черныя земли рѣшительно зависѣли отъ однихъ общинъ, Князь же на нихъ имѣлъ только право суда и дани; даже и на судѣ намѣстникъ княжескій или волостель, или присланный Княземъ судья не иначе могъ производить судъ какъ при посредствѣ судныхъ мужей, которые избирались изъ лучшихъ членовъ общины или волости, и отвѣтствовали въ правдѣ и неправдѣ не передъ Княземъ, а передъ общиною, которая ихъ избрала; такъ было даже при В. К. Иванѣ Васильевичѣ III и при его сынѣ Василіѣ Ивановичѣ; [99] и только уже при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ IV судные волостные или общинные мужи были замѣнены цѣловальниками, которые хотя назначались и изъ общинныхъ людей, но носили уже болѣе офиціально-служебный характеръ, ибо присягали на службу Государю, и избираясь не на одинъ опредѣленный случай, а на нѣсколько лѣтъ по своимъ служебнымъ отношеніямъ ближе были къ княжескимъ судьямъ, нежели къ своей общинѣ или волости. Относительно дани въ черныхъ волостяхъ, Князь только пользовался судными пошлинами, извѣстными подъ названіями головщины, праваго десятка и пересуда, волостелевымъ или намѣстничимъ и его служебныхъ людей кормомъ, и наконецъ, собственно данью, которая собиралась княжими даньщиками весной и осенью и потому называлась *вѣшнею* и *осенниною*, да еще мытными и таможенными доходами и оброками съ разныхъ угодій: съ мельницъ, рыбныхъ ловель, соловарень и бобровыхъ гоновъ, и наконецъ, ямскими деньгами, приметомъ, запросомъ и выходомъ или татарщиною, собственно податьми, собираемыми первоначально въ пользу Татаръ, и по уничтоженіи татарскаго ига, перешедшими въ казну княжескую;

---

[99] Въ моемъ собраніи древнихъ юридическихъ актовъ. Въ одной разъѣздной грамотѣ 1530 года сказано: «А судные мужи въ судномъ спискѣ писаны: сотцкой Ярополцкой Якимъ Самойловъ сынъ, да Аристъ Савинъ сынъ Савиновъ, да Савостьянъ Ильинъ сынъ, да Митя Агафоновъ сынъ Валяевъ, да Семенъ Комень Васильевъ сынъ, да изъ Гороховца съ Посада Иванъ Бутава Борисовъ сынъ». (№ 4).

всѣ же прочіе доходы, поборы и повинности, взимаемые съ черныхъ волостей, принадлежали государству, а не Князю; таковы были посощина, городовое дѣло, мостовщина и многія другія, которыя раскладывались на выти и тягла по мірскимъ разрубамъ и розметамъ по разсужденію всѣхъ волостныхъ или общинныхъ людей сообща, безъ вмѣшательства со стороны князя или его намѣстниковъ; волостные люди съ своими старостами и сотскими, сами давали льготныя грамоты черпымъ людямъ своей волости; [100] сами раздѣляли между собою земли, принадлежащія ихъ волости, и этотъ раздѣлъ признавался законнымъ, и во всѣхъ тяжбахъ былъ принимаемъ какъ офиціальный документъ на право владѣнія, противъ котораго не допускалось спора. [101]

Таковой характеръ черныхъ волостей Государи Московскіе старались поддерживать до совершеннаго соединенія съ Москвою всѣхъ Русскихъ владѣній; даже въ Судебникѣ Царя Ивана Васильевича мы находимъ нѣкоторыя статьи, обезпечивающія неприкосновенность черныхъ волостей, и признающія законность ихъ общиннаго управленія. Такъ въ статьѣ 84 Судебника отдѣлены черныя волости отъ вотчинныхъ и помѣстныхъ земель; [102] а въ 72 розметы и податныя раскладки черныхъ людей между собою признаются законными доказательствами на судѣ относительно того, кто какимъ владѣетъ имуществомъ. [103] Впрочемъ изъ 84 статьи Судебника уже замѣтно, что черныя земли начали называться Государевыми землями, а другіе памятники древней администраціи Московскаго государства временъ Іоанна Васильевича и его сына Ѳеодора указываютъ на отдачу черныхъ земель въ помѣстья, и,

---

[100] Такъ въ одной отводной грамотѣ писанной въ 1539 году сказано: «И старый сотской Василей Ворошиловъ, да Семенъ, да Митя и ихъ товарищи тако рѣкли: сказываемъ, господине, вамъ по Князя Великаго кретному цѣлованію. Тотъ господине, починокъ поставилъ Нестеръ Мелеховъ на зимницѣ на объѣзду Гороховскіе волости Раменскихъ деревень, тому два года будутъ Николинъ день вѣшній. А далъ, господине, ту зимницу объѣздъ на льготу на 10 лѣтъ, язъ Васюкъ Ворошиловъ, поговоря съ своею братьею и со всею волостью Гороховскою».

[101] Въ той же отводной грамотѣ черные люди Гороховской волости говорятъ: «И мы, господине, на томъ третьемъ полѣ, той деревни Дубровки на деревищахъ посадили Данилка Гаврилова сына Кухмырева, гдѣ преже того отецъ его живалъ, и Данилко на томъ мѣстѣ поставилъ себѣ починокъ, а тому два года». (Мое собраніе Юридическихъ древнихъ актовъ, № 5).

[102] А. И. т. I, № 153.

[103] Тамъ же.

кажется, на отдѣленіе отъ нихъ извѣстнаго количества для помѣстной раздачи. Такъ въ писцовой новгородской книгѣ 7090 года сказано: «Государева Царева и В. Князя Кормленная черная волость; погостъ Михайловской на Волховѣ, а въ немъ села и деревни и починки и пустоши были за помѣщики, а нынѣ въ Кормленной волости.» [104] Но несмотря на это есть также прямое официальное указаніе, что даже при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ помѣстья раздавались изъ дворцовыхъ селъ; такъ въ дозорныхъ Новгородскихъ книгахъ 7135 года писано: «Въ Заруской же половинѣ въ Окологородьѣ Порховскомъ, что осталось на Государя Царя и В. К. Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи дворцовыхъ селъ въ погостѣхъ пустые земли за роздачею отъ былыхъ помѣщиковъ Невлянъ.» [105] Слѣдовательно, хотя и допускалась помѣстная раздача изъ черныхъ волостей можетъ быть въ завоеванныхъ земляхъ; но тѣмъ не менѣе главнымъ предметомъ помѣстной раздачи оставались дворцовыя села и деревни, что и продолжалось до Царя Алексѣя Михайловича, который указомъ 1656 года запретилъ отдавать въ помѣстья не только дворцовыя, церковныя и монастырскія имѣнія, но даже земли, лежащія между дворцовыми волостьми. Вслѣдствіе чего произошла такая важная перемѣна, здѣсь объяснять неумѣстно; ибо мой трудъ ограничивается только Московскою исторіею до вступленія на престолъ фамиліи Романовыхъ.

Вотчинныя земли составляли частную собственность своихъ владѣльцевъ, хозяинъ вотчины могъ ее продать, заложить, промѣнять, подарить и отдать по завѣщанію и по смерти его она переходила къ законнымъ его наслѣдникамъ изъ рода въ родъ, если онъ при жизни не сдѣлалъ особеннаго насчетъ ея распоряженія. Права собственника въ отношеніи къ вотчиннымъ владѣніямъ, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, были неприкосновенны со стороны Государства. Государство проявляло свою власть на вотчинныя земли только въ томъ отношеніи, что признавало ихъ принадлежащими къ своей территоріи, и эту принадлежность защищало даже противъ разчетовъ вотчинника, изъ чего вытекали слѣдующія ограниченія правъ собственника. 1) Владѣлецъ вотчины не могъ ее ни продать, ни заложить, ни отчуждать какимъ бы то ни было образомъ въ пользу лица, состоящаго на службѣ или про-

---

104 Вотчин. Архивъ № 659.

105 Тамъ же № 669.

живающаго въ другомъ княжествѣ, а не въ Московскомъ; это право Московскаго Государства на вотчинныя земли своей территоріи постоянно подтверждалось всѣми договорными грамотами Московскихъ Государей съ другими Князьями. Такъ въ договорѣ В. К. Дмитрія Ивановича Донскаго съ К. Владиміромъ Андреевичемъ 1388 г. сказано: «А селъ ти не купити въ моемъ удѣлѣ ни въ великомъ княженіи, ни твоимъ дѣтемъ, ни твоимъ бояромъ.» [106] Тоже должно быть говорится и въ договорной грамотѣ В. К. Симеона Ивановича съ братьями, писанной въ 1341 году: «..... нашихъ удѣлѣхъ не купити, ни твоимъ бояромъ, ни слугамъ безъ..... ни нашимъ бояромъ, ни слугамъ селъ въ твоемъ удѣлѣ.» [107] Впрочемъ таковое право Государства на вотчины смягчалось властію Князей, на волю которыхъ предоставлялось разрѣшать продажу вотчинъ лицамъ, не состоящимъ на службѣ въ Московскомъ Государствѣ; а посему въ договорныхъ грамотахъ Князей вездѣ говорится объ этомъ смягченіи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «А тобѣ въ нашихъ удѣлѣхъ и въ отчинѣ въ в. княженіи данщиковъ своихъ невсылати, ни приставовъ да вати, ни селъ не купити, ни твоимъ дѣтемъ, ни твоимъ бояромъ безъ нашего вѣданья ни закладній, ни оброчниковъ не держати». [108] 2-е Владѣлецъ вотчины переходя въ службу другаго Государя немогъ переносить права на эту вотчину къ своему новому Государю. Вотъ выраженія древнихъ договорныхъ грамотъ объ этомъ сметѣ: «А князей ти моихъ служобныхъ съ отчинами собѣ въ службу не пріимати; а которые князи имутъ тебѣ служити, и имъ въ вотчину. свою не вступатися, вотчины лишоны». [109] Или въ договорѣ В. К. Дмитрія Ивановича Донскаго съ В. К. Михаиломъ Александровичемъ Тверскимъ въ 1368 году. «А кто бояръ и слугъ отъѣхалъ отъ насъ къ тобѣ, или отъ тобѣ къ намъ, а села ихъ въ нашей вотчинѣ въ великомъ княженіи, или въ твоей вотчинѣ во Твѣри, въ ты села намъ и тобѣ не вступатися». [110] 3-е. Вотчинникъ, кому бы онъ ни служилъ, судомъ и данью непремѣнно былъ въ вѣдѣніи того Государя, въ территоріи котораго находилась его вотчина: «А судомъ и данью потянути по землѣ и по водѣ», какъ выражались древніе Московскіе офиціальные памят-

---

106 Соб. Г. г. и д., т. I, № 33.

107 Тамъ же № 23.

108 Соб. Г. г. и д. т. I, № 35.

109 Тамъ же № 50. 110 Тамъ же № 28.

ники. По сему почти во всѣхъ договорныхъ грамотахъ нашихъ Князей повторяется одно и тоже общее правило: «А хто имѣетъ жити моихъ бояръ въ твоемъ удѣлѣ, блюстити ихъ какъ и своихъ, и дань взяти какъ и на своихъ: а хто иметъ жити твоихъ бояръ въ моемъ удѣлѣ и въ великомъ княженьи, а тѣхъ ми блюсти какъ и своихъ, и дань взяти какъ и на своихъ». [111] 4-е. Вмѣстѣ съ правомъ суда и дани по землѣ и водѣ Государь территоріи могъ требовать отъ вотчинникомъ военной службы въ пользу территоріи; это право съ начала постиралось такъ далеко, что всѣ вотчинники безъ различія должны были слѣдовать за Государемъ своихъ вотчинъ во всѣхъ его военныхъ походахъ, какъ объ этомъ ясно говорится въ договорной грамотѣ В. К. Дмитрія Ивановича съ К. Владиміромъ Андреевичемъ 1388 года. «А коли ми будетъ послати на рать своихъ воеводъ, а твоихъ бояръ хто иметъ жити въ моемъ удѣлѣ и въ в. княженьи, тѣмъ поѣхати съ моимъ воеводою, а моимъ потому же съ твоимъ воеводою». [112] Но въ послѣдствіи времени это право ограничивалось только требованіемъ службы на защиту области, въ которой живетъ вотчинникъ служащій другому Князю; во всѣхъ же другихъ военныхъ дѣлахъ онъ уже обязывался сопутствовать тому Князю, которому служитъ, а не тому въ чьемъ владѣніи его вотчина. «А хто которому князю служитъ, гдѣ бы ни былъ, полѣсти ему съ тѣмъ княземъ, которому служитъ; а городная осада, гдѣ хто живетъ, тому тутъ сѣсти», [113] какъ начали обыкновенно писать во всѣхъ договорныхъ грамотахъ Московскихъ князей съ 1405 года.

Вотчины по происхожденію своему, какъ выражаетъ одна Московская припрàвочная книга (письма и мѣры Тимоѳея Андреевича Хлопова), писанная въ 1586 году, были или изстаринныя, или доставшіяся по духовному завѣщанію, или по купчей, или по жалованной грамотѣ, или по порядной записи, т.-е. приданыя за женою, или по мѣновнымъ грамотамъ, или по закладнымъ кабаламъ, или по вкладнымъ, или по даннымъ грамотамъ, или по дѣловымъ грамотамъ, или наконецъ по записнымъ книгамъ, по приправочнымъ и продажнымъ спискамъ и по правымъ грамотамъ. [114] Важ-

---

111 Тамъ же № 33.

112 Тотъ же №.

113 Соб. Г. г. и д. т. I, № 37.

114 Архивъ Вотч. Департ. Отд. I, № 1.

нѣйшій и болѣе затруднительный вопросъ о происхожденіи вотчинъ относится собственно къ вотчинамъ изстариннымъ, начало же прочихъ видно уже изъ самаго названія, купленныя, жалованныя, закладныя и другія; изстариными вотчинами очевидно назывались тѣ, которыя издревле принадлежали какому либо роду и переходили постоянно отъ предковъ къ потомкамъ, такъ что первоначальное ихъ пріобрѣтеніе уже позабылось, и даже нельзя было указать, были ли когда либо какіе офиціальные и письменные документы на право владѣнія сими вотчинами, и только уже одна извѣчная продолжительность владѣнія дѣлала ихъ неотъемлемою закономъ признанною собственностію позднѣйшихъ владѣльцевъ, по которой онѣ записывались въ приправочныхъ и писцовыхъ книгахъ *изстариными* изъ вѣка принадлежащими такой-го фамиліи. Какъ между землями принадлежащими нераздѣльно цѣлой общинѣ первоначально произошла частная поземельная собственность съ правомъ продажи и перехода отъ предковъ къ потомкамъ, мы не знаемъ, да и не можемъ знать, ибо до насъ не дошло ни лѣтописныхъ извѣстій, ни офиціальныхъ документовъ объ этомъ предметѣ, всѣ же догадки и умозаключенія a priori ни къ чему не поведутъ, и только запутаютъ дѣло; а посему этотъ вопросъ, при всей его важности, невольно должно оставить безъ разрѣшенія, и только можно сказать одно, что вотчинныя земли въ Московскомъ краю были еще до водворенія тамъ Князей Всеволодова дома; ибо первые Московскіе Князья не только не давали вотчинъ своимъ боярамъ, но даже сами старались сколько можно болѣе скупать и пріобрѣтать вотчинъ у племенныхъ или земскихъ бояръ, у епископовъ и монастырей; чему служатъ свидѣтельствомъ почти всѣ духовныя грамоты Князей, начиная съ Ивана Даниловича Калиты, въ нихъ вездѣ встрѣчаемъ выраженія: «А се села купленыя, а селца на Масѣ, что есмь купилъ у Афинѣя, а что есмь купилъ село Варварьское и Мѣловское, что есмь смѣнилъ на Матфѣищово село, а что село Павловское бабы нашея купля, а что есмь прикупилъ селце на Кержачѣ у Прокофья у игумена, и Павловское на Масѣ, половину есмь купилъ, а половину есмь смѣнилъ съ Митрополитомъ,» [115] и подобныя, которыя прямо указываютъ, что Князья уже застали въ Москвѣ вотчинныя владѣнія, и до того не были ихъ учредителями, что даже сами старались покупать ихъ у другихъ, и, конечно,

[115] Соб. Г. г. и д. т. I, № 22.

поощряли къ тому же и пришлыхъ съ ними бояръ и слугъ; на что также есть хотя не ясные намеки во многихъ старинныхъ княжескихъ грамотахъ. Такъ напримѣръ, въ духовной грамотѣ Князя Владиміра Андреевича, писанной въ 1410 году, сказано: «А что мои ключники не купленые, а покупили деревни за моимъ ключемъ, сами ключники дѣтемъ моимъ ненадобѣ, а деревни ихъ дѣтемъ моимъ, во чьемъ будутъ удѣлѣ.» [116] Здѣсь слугамъ не запрещается покупать деревни, только покупки сіи по смерти князя доставались его наслѣдникамъ, а не слугамъ-покупателямъ, вѣроятно, на томъ основаніи, что Князь считалъ деревни купленными на его же деньги, ибо слуги пріобрѣтали ихъ состоя на службѣ у Князя, «*за моимъ ключемъ*», какъ говоритъ грамота.

По званію владѣльцевъ вотчины были *боярскія, владычни или архіерейскія и монастырскія. Боярскія* не исключали и не ограничивали власти владѣльца располагать ими по своему благоусмотрѣнію, продавать ихъ, мѣнять, дарить, отдавать за дочерьми въ приданое и завѣщевать; но все это безъ ограниченій относилось только къ первому пріобрѣтателю; какъ же скоро вотчина отъ перваго пріобрѣтателя переходила по завѣщанію или по праву наслѣдства къ его родственникамъ, то въ нѣкоторомъ смыслѣ она дѣлалась собственностію цѣлаго рода, къ которому принадлежалъ первый пріобрѣтатель, и этимъ хотя не исключалось прямое право его наслѣдниковъ, къ которымъ вотчина поступила во владѣніе, но тѣмъ не менѣе родичи всегда могли удерживать вотчину въ своемъ родѣ, даже вопреки распоряженіямъ прямаго наслѣдника, то есть они могли выкупать вотчину, проданную наслѣдникомъ въ чужой родъ. Это право рода на вотчины своихъ родичей, вѣроятно, было съ первыхъ временъ Московскаго государства, ибо еще Василіемъ Дмитріевичемъ и его сыномъ Василіемъ назначался двѣнадцатилѣтній срокъ для выкупа вотчинъ родичами, какъ говоритъ одна грамота Іоанна Васильевича III, [117] но полное и опредѣлительное ученіе о правѣ выкупа вотчинъ мы находимъ въ Судебникѣ

---

[116] Тамъ же № 40.

[117] Гр. В. К. Ивана Васильевича III-го 1483 года. «А противу Алексина далъ смѣну дѣдъ мой К. В. въ домъ св. Богородицы и своему отцу Кипріану митрополиту слободку Всеславлю.... опричь бояренія купли старыя или чья будетъ отчина отъ сего времени за 15 лѣтъ взадъ, какъ дѣдъ мой учинилъ Князь Великій въ своей отчинѣ въ в. княженьи судъ тогды о земляхъ и водахъ за 15 лѣтъ. (Арх. стар. дѣлъ №).

Царя Ивана Васильевича IV, гдѣ въ 85 статьѣ, между прочими правилами относительно этого предмета, для выкупа назначался сорокалѣтній срокъ, и родичи могли вступаться не только въ проданныя вотчины, но даже и въ заложенныя и въ промѣненныя. [118] *Владычни вотчины* принадлежали не лицу, но сану. Они могли быть изстариннымъ, т.-е. уступленныя владыкѣ общинами, покупныя, жалованныя и вымѣненныя, владыка или архіерей могъ продавать ихъ, промѣнивать и можетъ быть закладывать, но они, какъ принадлежность не физическаго, а моральнаго лица или званія, не переходили къ его родичамъ ни по завѣщанію, ни по закону, а доставались преемникамъ его сана.

Монастырскія вотчины принадлежали цѣлой монастырской общинѣ, и не составляли частной собственности ея членовъ, и посему они постоянно оставались за монастыремъ и не переходили къ родичамъ иноковъ. По происхожденію своему вотчины сіи могли быть изстариннымъ, т.-е. уступленнымъ самимъ Государствомъ при построеніи монастыря, [119] жалованнымъ, т.-е. подареннымъ отъ Князя, вкладнымъ, т.-е. пожертвованнымъ отъ частныхъ лицъ, купленнымъ, вымѣненнымъ и пріобрѣтенным по закладнымъ. Вотчинное право монастырей первоначально было неограничено, монастыри могли свободно пріобрѣтать вотчинныя земли при помощи какихъ угодно сдѣлокъ съ частными собственниками; но со времени Царя Ивана Васильевича IV эта свобода была значительно стѣснена разными узаконеніями, вѣроятно вызванными злоупотребленіемъ права со стороны монастырей. Такъ въ дополненіи къ Судебнику, изданному въ 1572 году, запрещено давать вотчины богатымъ монастырямъ, да и въ бѣдные не дозволялось записывать безъ доклада Государю: «Въ большіе монастыри, гдѣ вот-

---

[118] Ак. Истор. т. I, № 153.

[119] Такъ, напримѣръ, въ грамотѣ 1546-го года дана была земля игумену Ѳеодору на устройство монастыря въ черномъ лѣсѣ. «Что ми билъ челомъ сказываючи, что де онъ строитъ пустыньку и церковь поставилъ Боголѣпное Преображеніе Господа нашего І. Х..... на моемъ В. Князя на Черномъ лѣсу на дикомъ промежъ Вологодцкаго уѣзда и Каргопольскаго Важскаго..... а тѣ де займища лежатъ пусты, нѣтъ ихъ ни за кѣмъ, ни въ грамотахъ ни въ какихъ..... И язъ Князь Великій игумена Ѳеодора збратьею пожаловалъ, велѣлъ есми имъ тотъ лѣсъ расчищати на всѣ стороны отъ монастыря по 12 верстъ и монастырь строити и займища распахивати и людей къ себѣ призывати, и кого къ себѣ на тотъ лѣсъ и на тѣ займища призовутъ жити людей, и тѣмъ людемъ ненадобѣть моя В. К. дань, ни какіе разметы и проторы». (А. А. Э., т. I, № 208).

чинъ много, впередъ вотчинъ не давати; а которая будетъ вотчина и написана, ино ее въ Помѣстной избѣ не записывати, а отдавати ее роду и племени служилымъ людямъ чтобъ службѣ убытка не было, и земля бы изъ службы не выходила; а монастырскихъ вотчинъ вотчинамъ впередъ не выкупати. А кто которымъ монастыремъ малымъ дастъ вотчину, у которыхъ монастырей земель мало: и тѣ вотчины доложа Государя, записывати, а безъ докладу не записывати и безъ боярскаго приговору». [130] Этою статьею указывается на важное значеніе вотчинъ въ отношеніи къ государственной службѣ: «чтобъ службы убытка не было и земля бы изъ службы не выходила». Это выраженіе прямо говоритъ, что вотчинныя земли преимущественно принадлежали служилымъ людямъ, и что само правительство старалось сколько можно болѣе удерживать ихъ въ этомъ классѣ народа. Съ котораго времени вотчины получили такое назначеніе опредѣлить нельзя; но по всему вѣроятію первоначально они не имѣли его, и были просто собственностію частныхъ лицъ; и только уже со введеніемъ обычая обращать помѣстныя земли въ вотчинныя, сіи послѣднія приняли характеръ первыхъ, и изъ чисто частной собственности обратились въ Государственное имущество изъ видовъ поддержанія службы. Такимъ образомъ съ постепеннымъ развитіемъ Государственнаго устройства въ Московскихъ владѣніяхъ и вотчинныя земли подвергались постепенному измѣненію въ своемъ значеніи: сперва они были чистою частною собственностію лица и семьи, потомъ получили характеръ родовыхъ имѣній и наконецъ обратились въ Государственное имущество; но несмотря на столь важныя и существенныя измѣненія въ ихъ значеніи, они постоянно и всегда оставались въ полной власти своего частнаго владѣльца, и родъ и Государство могли предъявлять свои права только при переходѣ ихъ отъ одного хозяина къ другому, но и тутъ вмѣшательство прямо относилось только къ новымъ владѣльцамъ, къ которымъ переходило имѣніе, а не къ тѣмъ отъ которыхъ оно переходило; слѣдовательно лично хозяинъ всегда былъ обезпеченъ и свободенъ въ правахъ на свое имущество.

Съ правомъ собственности на вотчины не разрывно было соединено право пользованія доходами; въ этомъ отношеніи вотчины раздѣлялись на угодья и деревни. Къ первымъ принадлежали

---

[130] А. Ц., т. I, № 133

рыбныя ловли, бобровые гоны, борныя ухожаи и мельницы съ перевозами, вотчинники обыкновенно отдавали ихъ въ оброчное содержаніе. Вторыя же составляли населенныя земли съ пахатными полями, сѣнокосами и лѣсами; вотчинники населяли деревни или своими слугами или вольноприходящими арендаторами, которые обыкновенно назывались арендатор... Населеніе вотчинъ слугами, сколько можно судить по писцовымъ старинным книгамъ, было не значительно и отношенія ихъ къ вотчинникамъ неизвѣстны, владѣльцы земель болѣе находили разсчету обработывать свои земли вольными работниками, которые занимали земли на извѣстныхъ условіяхъ утвержденныхъ взаимнымъ согласіемъ обѣихъ сторонъ. Условія сіи въ своихъ подробностяхъ не были опредѣлены закономъ, который, и то въ позднѣйшее время, назначивъ осенній Юрьевъ день срокомъ для отказа крестьянамъ, и опредѣливши платежъ за пожилое, все прочее оставилъ на волю землевладѣльцевъ и арендаторовъ. А посему мы встрѣчаемъ безконечное разнообразіе въ условіяхъ вотчинниковъ съ крестьянами. Вотъ для образца нѣсколько выписокъ изъ Московской приправочной книги 1571 года. «Такъ съ села Нахабина съ деревнями сбиралось на Троицкій Сергіевъ монастырь съ пустошей и съ пашенъ и съ сѣнныхъ покосовъ наемныхъ денегъ 14 рублевъ и 12 алтынъ полчетверты денги, да сметаны на монастырь по пяти ведеръ, да по тысячи яицъ на годъ, опричь пашни сѣна и дровъ; да монастырскимъ приказщикомъ даютъ съ выти по 9 денегъ, да съ свадебъ прикащику за выводную куницу по гривнѣ, да за новоженноі убрусъ по алтыну. Но тамъ же сказано, что «Крестьяне села Ростокина на монастырь оброку никакого не даютъ, пашутъ пашню да сѣно косятъ, да имъ же долѣлка на мелницѣ ежевеснь землю къ заплотинѣ и навозъ носятъ и лѣсъ сѣкутъ». А о селѣ Черкизовѣ написано: «Доходовъ крестьяне не даютъ въ монастырь съ пашенъ и съ сѣнныхъ покосовъ, наемныхъ денегъ 5 рублевъ и 21 алтына, да съ оброчнаго двора за издѣлья оброку полполтины, да приказщику монастырскому даютъ въ годъ на три праздника по 9 денегъ съ выти, да приказщикужъ дано за жалованье на рѣкѣ Клязмѣ перевозъ вешнюю пору сбираютъ по 5 рублевъ, да за выводную куницу по гривнѣ, да за новоженный убрусъ по алтыну; опричь того, что крестьянежъ на монастырь пашутъ пашню и сѣно косятъ и дрова сѣкутъ, а денежныхъ оброковъ и хлѣбныхъ всякихъ запасовъ не даютъ крестьяне никакихъ, потому что то село на большой дорогѣ, и со крестьянъ емлютъ подводы подъ

Государевы гонцы и для монастырского дѣла». А съ села Муромцова: «сбираютъ въ монастырь съ сороки выти оброк у деньгами съ оброчныхъ дворовъ за издѣлья 6 рублевъ съ полтиною, да съ пустыхъ пашенъ и сѣнныхъ покосовъ въ живущихъ деревняхъ и на пустошахъ 58 рублевъ 11 алтынъ; да съ живущего со всѣхъ сороки вытей по холсту полняному, а которого году холстовъ не емлютъ, а за тѣ холсты емлютъ денгами по три алтыны за холстъ, которого году холстовъ и денегъ за холсты не сбираютъ, и со крестьянъ емлютъ за холсты по овчинѣ по дѣланой съ выти, да по 80 яицъ съ выти, да съ дву вытей по сыру по сметанному, да по сыру по кислому, да по ведру сметаны съ выти; опричь того что тѣжъ крестьяне пашутъ на монастырь пашню и сѣно косятъ и дрова сѣкутъ; да з дву мелницъ оброку по сороку рублевъ на годъ; да монастырскому приказщику даютъ з живущего съ выти по два алтына з денгою, да за выводную куницу по гривнѣ, да за новоженный убрусъ по алтыну». Или о Вохонской волости: «А доходовъ съ волости съ Вохны платятъ въ монастырь за волостелинъ доходъ и за пудовой медъ, и за дьячей доходъ и за рыбную ловлю деньгами по 80 рублевъ на годъ съ сошного письма съ дву сохъ съ четью безъ пол-пол-чети сохи, опричь пашни и сѣна и дровъ, а въ выти у нихъ волость Вохна не положена складываютъ деньгами; да монастырскому приказщику даютъ на годъ со всей волости по 10 рублевъ да 20 чети ржи, да по 40 четей овса, да 20 чети хмелю, да по 80 куровъ, да по 8 барановъ на годъ». Или еще о вотчинахъ Караулова да Скобелицына: «А вотчинники съ тѣхъ селъ и деревень за которыми крестьяне были, податей денгами и хлебомъ не давали ничего, пахали на нихъ пашню и сѣно косили и дрова сѣкли» [122].

Земли Княжескія или подклѣтныя, въ послѣдствіи дворцовыя. Земли сіи очевидно должны быть моложе черныхъ волостей и вотчинъ, ибо могли произойти только со времени водворенія Князей Всеволодова дома въ Московскихъ владѣніяхъ. Мы не имѣемъ прямыхъ официальныхъ актовъ объ уступкѣ Московскою общиною нѣкоторыхъ земель въ поземельную собственность Князю; но что таковая уступка точно была въ этомъ не можемъ сомнѣваться; на нее довольно ясно намекаютъ всѣ грамоты Московскихъ Князей. Въ нихъ купленныя князьями села вездѣ прямо отличаются отъ

[122] Вотч. Арх. № 2.

уступленныхъ народомъ: первыя называются, *а се моя купля, се купля моея бабы, купленныя села* и проч. вторыя же вездѣ носятъ названія по территоріи.—*Московскія, Коломенскія, села Дмитровскія* и под. [123] Если бы всѣ княжескія села были купленными, то конечно, Князьямъ не нужно бы было нѣкоторыя изъ нихъ отличать именемъ купленныхъ. Здѣсь нѣтъ причины думать, что купленными селами каждый Князь называлъ только свою покупку; ибо во 2-й духовной грамотѣ Ивана Даниловича Калиты это ясно опровергается словами; «а что село Павловское бабы нашея купля.» Здѣсь Князь прямо говоритъ о старинной покупкѣ едвали не современной Александру Невскому. Кромѣ того этоже подтверждаютъ слова В. К. Ивана Васильевича III, сказанныя Новгородцамъ въ 1478 году: «Чтобъ наша отчина, Великій Новгородъ дали намъ волости и села, понеже намъ Великимъ Княземъ Государство свое держати на своей отчинѣ Великомъ Новгородѣ безъ того нельзя.» (Мат. т. V. стр. 67). Здѣсь В. Князь прямо говоритъ, что для уравненія Княжескихъ правъ въ Новгородѣ, также какъ и въ Москвѣ, непремѣнно новгородская община должна уступить Князю нѣсколько селъ и волостей; слѣдовательно таковая же уступка первоначально была сдѣлана и въ Москвѣ; ибо вышеприведенныя слова Ивана Васильевича были сказаны въ отвѣтъ на слѣдующій вопросъ Новгородцевъ: «Пожаловали бы наши Государи свою отчину, Великіе Князи явили то своей отчинѣ великому Новгороду, какъ ихъ Государству быти въ ихъ отчинѣ, занеже, господинѣ, отчина ихъ Великій Новгородъ, низовскіе пошлины не знаетъ, какъ Государи наши Великіе Князи, Государство свое держатъ въ Низовской (т. е. Московской) землѣ.» (Тамъ же стр. 65). А посему здѣсь нельзя предполагать, чтобы въ этомъ требованіи В. Князя была какая либо уступка Новгороду, въ коемъ именно излагались исконныя права Князя въ Московской землѣ. Это доказываетъ и письмо Ивана Васильевича къ своей матери, писанное по полученіи отъ Новгорода условленныхъ волостей, гдѣ онъ говоритъ: «Что отчину свою, Великій Новгородъ, привелъ во всю свою волю и учинился на немъ Государь, какъ и на Москвѣ.» (Тамъ же стр. 73). Подклетныя или дворцовыя села составляли полную собственность Князя: онъ могъ ихъ продать, промѣнять, подарить и отдавать въ помѣстное владѣнія своимъ боярамъ и слугамъ рѣшительно по своему произволу;

[123] Соб. Г. г. и д., т. I, №№ 22, 30, 41 и другія.

всѣ доходы съ этихъ селъ шли не въ Государственную, а въ дворцовую или княжескую казну, самое назначеніе доходовъ зависѣло не отъ земщины, а отъ самого Князя, который могъ ихъ уменьшать и увеличивать когда угодно вовсе безъ отношеній къ народу, и не по извѣстному установленному закону, а рѣшительно по произволу. Такъ въ писцовой дозорной Новгородской книгѣ 1582 года о дворцовыхъ селахъ сказано: «А ямскіе и приметные денги платить, какъ въ которомъ году Государь велитъ взять.» [124] Для болѣе полнаго и подробнаго объясненія отношеній Князя къ своимъ дворцовымъ села я привожу свидѣтельство платежной книги 1588 года, въ ней о дворцовомъ селѣ Едимоновѣ, состоявшемъ въ Тверскомъ уѣздѣ въ Шезскомъ стану, сказано по изчисленіи всѣхъ принадлежащихъ къ нему деревень: «И всего село Едимоново, да къ селу 15 деревень, да два селища, да въ помѣстьѣ за Княземъ Иваномъ Ивановичомъ Звенигородцкимъ Борашовымъ двѣ деревни. А дворовъ въ селѣ и въ деревняхъ 135 дворовъ, людей въ нихъ 143 человѣка, а пустыхъ 15 дворовъ, а хоромъ на нихъ избъ и сѣнниковъ и всякихъ хоромин 41 хоромина; а приказаны тѣ хоромы беречи Едимоновскаго села крестьяномъ селчапомъ и деревеньщикомъ; пашни поповскіе 9 чети въ полѣ а въ дву потомужъ, а крестьянскіе пашни въ селѣ и въ деревняхъ середніе земли 94 десятины безъ чети и пол-пол-пол-трети десятины, да худые земли 24 десятины и всего середніе земли и худые 117 десяттинъ и три чети и пол-пол-пол-трети десятины, а помѣстныхъ да во лготѣ 5 десятинъ съ четью, а въ пустѣ 113 десьтинъ безъ полтрети десятины. А вытей въ селѣ и въ деревняхъ въ живущемъ 16 вытей и полчети выти, да во лготѣ выть безъ полчети; а въ пустѣ въ селѣ и въ деревняхъ 15 выгей съ четью и пол-трети выти. Сѣна у села у Едимонова и у деревень 166 копенъ; лѣсу кустаря и пороснику 42 десятины. И дано на выть середніе земли по семи десятинъ, а худые земли по 8 десятинъ и съ тѣми десятинами, что даны для посопнаго хлѣба; сѣна крестьянамъ дано на живущіе выти по 30 по 4 ре копны, истого сѣна крестьянамъ возить на В. Князя конюшни съ выти по копнѣ по мѣрной, и лѣсу крестьянамъ дано на выть по двѣ десятины съ полудесятиною. А сошного письма въ живущемъ четь сохи и со лготными, а въ пустѣ сошного письма полчети и пол-пол-трети сохи; а кладено въ соху се-

[124] Вотч. Департ., № 659.

редніе земли по тысячи чети, а худые земли по тысячи по двѣсти чети. А оброку крестьяномъ платити В. Князя въ казну въ дворцовой приказъ 8 рублевъ и два алтына съ полуденгою, да во лготѣ 12 алтынъ три денги, а посоннаго хлѣба 84 чети и сосминою и четвертникомъ ржи да 121 чети безъ получетверника овса, да во лготѣ 4 чети безъ полу-осмины ржи да 5 чети съ осминою и съ четверникомъ овса; съ выти по 5 чети съ полуосминою ржи, да по 7 чети съ осминою овса. Да мелкого доходу давати крестьянамъ на дворецъ съ тридцати вытей яловица съ пятинадцати вытей боровъ живой, съ выти по борану, по полтю мяса свиного, по два сыра кислыхъ, по двѣ гривенки масла коровья, по двое куровъ, по 40 яицъ ,съ дву вытей гусь живой, гусь битой, здвухъ вытей порося живое, порося битое, да съ выти по сажени дровъ, по копнѣ по мѣрной сѣна, по три возы соломы ржаныя, по два поярка шерсти бѣлой и сѣрой. А коли Князь Великій не-велитъ у нихъ мелкихъ доходовъ имати и крестьяномъ платити В. Князя въ казну въ дворцовой приказъ денгами, за яловицу по 7 денегъ, за боровъ съ выти по 3 денги съ полуденгою, за боранъ съ выти по гривнѣ, за полоть мяса свиного по гривнѣ, за сыры съ выти по четыри денги, за масло коровье съ выти по двѣ денги, за куровъ съ выти по четыре денги, за гусь живой и за битой съ выти по 7 денегъ, за порося живое и за битое съ выти по три денги, за сорокъ яицъ съ выти по двѣ денги, за саженъ дровъ съ выти по 4 алтына, за копну мѣрную сѣна съ выти по полу-полтинѣ, за солому съ выти по алтыну, за два поярка шерсти съ выти по четыре денги. И всего за мелкой доходъ 12 рублевъ и 20 алтынъ, полчетверти денги, съ выти по 26 алтынъ съ полуденгою; да во лготѣ 12 алтынъ три денги; да пошлинъ дворецкаго и дьячихъ соброку и съ мелкого доходу 34 алтына три денги, да во лготѣ девять денегъ съ рубля по 10 денегъ; а ямскіе денги платити имъ съ сошного письма по В. Князя уложенью; а приказщику доходу давати на три праздники: на рожество Христово, на великъ день на петровъ, алтынъ, на праздникъ двѣ денги; да съ выти по осминѣ ржи, по осминѣ овса, по хлѣбу, по куряти, по десятку лну; а прикащику изъ тое пошлины давати на В. Князя дворецъ за скатерти съ выти по полуденги. А коли Князь Великій приказщику у нихъ быти не велитъ, и крестьяномъ платить за приказщиковъ доходъ съ выти по двѣ гривны. А присудные пошлины старостамъ и цѣловальникамъ збирати по Великого Князя уложенью по прежнимъ Государевымъ грамотамъ. А хто продастъ

или промѣнить лошедь или корову, и старостамъ и цѣловальникомъ имати съ купца съ лошади денга съ продавца деньга жъ, а съ коровы съ рога по денгѣ; а хто выдастъ дочерь за мужъ за волость, и старостѣ имати за выводную куницу десять денегъ; а хто въ иной волости сына женитъ и съ того имати за убрусъ четыре денги; а хто въ той волости сына женитъ, или дочь дастъ за мужъ и съ того имати за убрусъ четыре денги; а хто продастъ хоромину, и старостамъ и цѣловальникамъ имати поуголное съ угла по денгѣ; да тѣ всякіе денги велети земскимъ дьячкомъ писати въ книги подлинно по розн, да тѣ книги и денги ежегодь отдавати В. Князя въ казну въ Дворцовой приказъ. А землями и луги и лѣсомъ и всякими угодьи верстатися крестьяномъ межъ себя самимъ полосами или десятинами на всякую выть по ровну, а не черезъ землю, чтобъ въ крестьянѣхъ межъ собя спору и брани не было ни которыми дѣлы. А на пустые выти приказщику и старостамъ и цѣловальникамъ и всѣмъ крестьяномъ селчаномъ и деревеньщикомъ называти жильцовъ на лготу отъ отцовъ дѣтей отъ дядь племянниковъ, или кто ни буди заволостной порядитца, а давати лготы года на два и на три и на четыре посмотря по пустымъ дворомъ и по пашнѣ; а хто будетъ на пустое мѣсто и безъ хоромъ и на переложную землю порядитца, и тѣмъ людямъ давати лготы лѣтъ на пять и на шесть; а иные пустые выти приказщику и старостамъ и цѣловалникомъ давати изъ пашни на оброкъ, чтобъ В. Князю было прибылнѣе; и безоброчно бы пашни на пустыхъ вытяхъ не пахалъ нихто. А на которые пустые выти порядитца крестьянинъ, и приказщику и старостамъ и цѣловальникомъ писати въ книги подлинно порозн: какъ которому крестьянину имя и чей хто сынъ и которого лѣта и числа хто порядитца, и на сколко вытей изъ оброку отдасть, и что съ нихъ денегъ оброчныхъ возметъ; а какъ лгота отойдетъ, и тѣмъ крестьяномъ денежной оброкъ посопной хлѣбъ и мелкой доходъ платити съ своею братьею ровно. А лготные книги, что въ которой деревни изъ пуста въ живущая прибудетъ, и оброчные денги ежегодь привозити къ В. Князю Семіону Бекбулатовичу Тверскому и отдавати въ Дворцовой приказъ». [125]

Дворцовыя земли, какъ чистая собственность Князя, не входили въ составъ другихъ земель Государства и имѣли свое управ-

[125] Вот. Арх., № 16,056.

леніе; а по сему и не зависѣли ни отъ общихъ волостей, ни отъ намѣстниковъ, но управлялись своими волостелями посельскими или иногда отдавались княземъ въ кормленье дворцовымъ чиновникамъ, столникамъ, ловчимъ, конюшимъ и другимъ, и тогда назывались дворцовыми селами стольнича пути, ловчаго пути и подобн. Все отношеніе дворцовыхъ земель къ намѣстникамъ состояло въ одномъ судѣ по уголовнымъ дѣламъ и въ дѣлахъ общихъ между волостными и дворцовыми крестьянами. Такъ въ уставной грамотѣ данной Переславскимъ рыболовамъ въ 1506 году сказано: «А намѣстницы наши Переславскіе ни ихъ тіуни приставовъ на нихъ не даютъ ни въ какихъ дѣлѣхъ и не судятъ ихъ ни въ чемъ, опричь одного душегубства и въ обчихъ дѣлѣхъ, а судитъ ихъ во всемъ волостель столнича пути или его тіунъ». [126] Или въ подобной же грамотѣ, данной въ 1544 году крестьянамъ дворцоваго села Андреевскаго: «Намѣстницы наши Звинигородскіе и волостели и ихъ тіуни тѣхъ моихъ крестьянъ села Андреевскаго селчанъ и деревенщиковъ пашенныхъ и оброчныхъ не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства и разбоя и татьбы, съ поличнымъ, и кормовъ своихъ у нихъ не емлютъ и не всылаютъ къ нимъ ни по что. А кто у нихъ въ томъ моемъ В. Князя селѣ мой посельской ни будетъ, и онъ у нихъ ходитъ о всемъ по тому какъ въ сей грамотѣ писано». [127] Впрочемъ дворцовыя земли хотя и управлялись отдѣльно отъ прочихъ земель какъ княжая собственность, но тѣмъ не менѣе они участвовали въ общихъ Государствен. повинностяхъ наравнѣ съ другими землями Государства, только по особому разчету. Такъ въ приведенной выше уставной грамотѣ 1506 года сказано: «А коли велю съ города съ Переславля съ дворовъ нарядити людей на свою службу, и тогды съ рыболовлей со всѣхъ людей на мою службу нарядятъ людей съ дву сохъ, а не съ дворовъ».

Московскіе Великіе Князья, не смотря на постепенное развитіе своей власти, постоянно находили нужнымъ увеличивать свою поземельную собственность покупкою вотчинныхъ земель у частныхъ лицъ и другими средствами. Такъ еще при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ IV-мъ мы находимъ чуть не цѣлый ящикъ купчихъ на земли купленныя собственно при немъ; въ описи Царскаго Архива (съ 1573—1584 г.) значится: «Ящикъ 134. А въ немъ

---

126 А. А. Э., т. I, № 142.

127 Тамъ же, № 201.

купчіе грамоты В. Князя, что покупаны села на В. Князя». [128] Это постоянное увеличеніе дворцовыхъ или велико-княжескихъ земель, принятое Московскими Князьями за правило, наконецъ достигло до того, что къ дворцовымъ владѣніямъ принадлежали не только селы, но даже цѣлыя волости, [129] и города съ уѣздами; такъ что въ 1550 году Дмитровъ, Руза и Звенигородъ уже считались въ числѣ дворцовыхъ владѣній, и Царь Иванъ Васильевичъ приговоромъ своимъ отъ 1 Октября, опредѣлилъ тамошнія земли на раздачу въ помѣстья боярамъ, боярскимъ дѣтямъ, лучшимъ служилымъ людямъ. [130] Кромѣ того и въ другихъ краяхъ Московскаго государства земли сіи такъ были обширны, что почти ими однѣми производилась помѣстная раздача на все велико-княжеское войско, и на другіе классы людей, состоящихъ въ службѣ Московскаго Государя. Сильное стремленіе Московскихъ Князей къ увеличенію своей поземельной собственности имѣло много важныхъ причинъ: съ одной стороны князья, какъ пришельцы, необходимо должны были стараться сколько можно болѣе захватить земли въ полное свое распоряженіе, дабы на всякой случай имѣть сильную опору въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ, не зависящихъ ни отъ общины, ни отъ частныхъ собственниковъ; съ другой стороны имъ нужна была поземельная собственность для помѣстной раздачи, которою преимущественно поддерживалась княжеская служба; ибо чѣмъ больше земли князь имѣлъ въ своемъ распоряженіи, тѣмъ охотнѣе шли къ нему въ службу, зная, что ему есть изъ чего платить за ревностную службу.

Формы пріобрѣтенія дворцовыхъ земель были слѣдующія: 1-е. Уступка общинныхъ или черныхъ земель, сдѣланная при самомъ водвореніи княжескаго рода въ Москвѣ, это была самая первая форма пріобрѣтенія; а второю, почти современною ей, должно

---

[128] Тамъ же, № 289.

[129] Такъ, напримѣръ въ Писцовой книгѣ Обонежской пятины письма Андрея Плещѣева, писанной въ 7091 году, сказано: «И всего въ Обонежской пятинѣ въ черныхъ волостяхъ, что были дворцовыя волости конюшего пути 1,817 деревень, да 49 починковъ живущихъ, да 29 деревни, да 6 починковъ пусты, да 795 пустошей, да 20 пустошей безпашенныхъ. Пашни паханые 10,561 четверть, да перелогомъ пашни 9 70 четвертей и пол-пол-трети, да лѣсомъ поросло 4342 четверти съ третью и пол-пол-трети въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна 52,288 копенъ.» (Вотч. Арх., отдѣл. I, № 664.)

[130] А. А. Э., т. I, № 225.

считать покупку вотчинныхъ земель у частныхъ собственниковъ, которая, по свидѣтельству второй духовной грамоты Калиты, началась чуть ли не при Александрѣ Невскомъ и продолжалась до позднѣйшаго времени, можетъ быть до Ѳеодора Ивановича или Бориса Ѳедоровича Годунова; потомъ слѣдовала отписка на Государя вотчинныхъ земель послѣ безродныхъ вотчинниковъ, или послѣ служилыхъ людей, провинившихся передъ Государемъ, и наконецъ приписка земель къ дворцовому вѣдомству въ завоеванныхъ областяхъ. Такъ въ Новгородской писцовой книгѣ 7090 года, въ исчисленіи различныхъ родовъ земель по владѣнію, сказано: «4-е. Деревни, что были по старымъ писцовымъ книгамъ за земцы, а нынѣ приписаны къ Государевѣ дворцовой Тесовской волости, и 5-е. Земли, отписанныя отъ владычнихъ и монастырскихъ земель къ дворцовой волости.»

Помѣстныя земли. Помѣстными землями назывались вообще всѣ земли, которыя Государи давали на содержаніе бояръ и другихъ людей, состоящихъ въ ихъ службѣ: онѣ не составляли собственности своихъ владѣльцевъ, ихъ нельзя было ни продать, ни заложить, ни отдать по душѣ; помѣщикъ только имѣлъ право пользованія, да и то на время, пока онъ служитъ; таковое отношеніе помѣстныхъ земель къ своимъ временнымъ владѣльцамъ опредѣленно и ясно изображаетъ вторая духовная грамота Ивана Даниловича Калиты, въ ней сказано: «А что есмь купилъ село въ Ростовѣ Богородичьское, а далъ есмь Бориску Воръкову, аже имѣтъ сыну моему которому служити, село будетъ за нимъ; не имѣть ли служити дѣтемъ моимъ, село отоймуть.» [132] Таковыя же права въ отношеніи къ помѣстнымъ землямъ были и въ Югозападной Руси; такъ въ духовной грамотѣ Князя Андрея Владимировича Ольгердова внука, писанной въ 1446 году, сказано: «Что есмь подавалъ имѣнія бояромъ своимъ, а хто всхочетъ женѣ моей и дѣтемъ моимъ служити и они служатъ съ тыхъ имѣній женѣ моей и дѣтемъ моимъ; а хто не всхочетъ женѣ моей и дѣтемъ моимъ служити, и язъ тые имѣніа далъ женѣ моей и дѣтемъ моимъ.» [133] Сія послѣдняя грамота прямо говоритъ, что владѣльцы помѣстьевъ за пользованіе помѣстною землею должны были нести службу смотря по

[131] Вотч. Арх., отдѣл. I, № 659.

[132] Собр. Гос. гр. и дог., т I, № 22.

[133] Ак. относ. къ Ист. Зап. Рус., т. I, № 46.

помѣстью: «И они служатъ съ тыхъ имѣній.» Слѣдовательно служба именно опредѣлялась помѣстною дачею, или иначе помѣстная дача соразмѣрялась съ службою. Впрочемъ таковое положеніе помѣстныхъ земель не препятствовало имъ переходить отъ отцовъ къ дѣтямъ и потомъ къ внукамъ; ежели отецъ по старости или болѣзни не годился болѣе въ службу, то его мѣсто занималъ сынъ и помѣстье оставалось въ ихъ родѣ до тѣхъ поръ, пока въ немъ были люди, состоящіе на службѣ Государя; даже не только сыновья, но и племянники и другіе родственники могли получить помѣстья ихъ родичей, занимая ихъ мѣста по службѣ. Такъ жалованною грамотою В. К. Дмитрія Ивановича Донскаго, Андрей Фрязинъ былъ утвержденъ во владѣніи Печорою, бывшею прежде въ помѣстьѣ за его дядею Матѳеемъ Фрязинымъ.[134] Впрочемъ опредѣленныхъ и постоянныхъ правилъ объ отношеніяхъ помѣщиковъ къ своимъ помѣстьямъ и службѣ мы не имѣемъ до самаго Царя Ивана Васильевича IV, и, кажется, здѣсь рѣшительно дѣйствовалъ произволъ Государей Московскихъ, которые распоряжались помѣстными землями какъ дѣйствительною своею собственностію, и не слѣдовали никакимъ установленнымъ законамъ, кому давали больше, кому меньше, смотря по тому каковою имъ казалась служба помѣщиковъ, даже самая служба не имѣла опредѣленныхъ границъ. Объ этомъ довольно понятно намекаетъ Никоновская лѣтопись подъ 1556 годомъ; она, описывая служебныя учрежденія Іоанна, говоритъ: «Государь же уровненіе творяше в помѣстьяхъ, землемѣріемъ учиниша комуждо, что достойно, преизлишки жъ раздѣлиша неимущимъ; а съ вотчинъ и помѣстій уложенную службу учиниша, со ста четвертей добрые угожіе земли человѣкъ на конѣ и въ доспѣсѣ полномъ, а в дальній походъ объ дву конь; а хто послужитъ по земли, и Государь ихъ пожалуетъ своимъ жалованьемъ, кормленьемъ, и на уложенные люди дастъ денежное жалованье; а хто землю держитъ, а службы съ нее не платитъ, и на тѣхъ на самѣхъ имати денги за люди; а хто дастъ въ службу люди лишніе передъ землею, чрезъ уложенные люди и тѣмъ отъ Государя большое жалованье самимъ, а людемъ предъ уложенными въ помѣстье давати денгами.» Первый, дошедшій до насъ оффиціальный актъ, довольно опредѣленно означающій значеніе помѣстьевъ, есть царскій приговоръ 1550 года, въ немъ го-

[134] А. А. Э., т. I, № 6.

ворится о раздачѣ въ помѣстья 118,220 четвертей земли боярамъ, окольничимъ и дѣтямъ боярскимъ, 1078 человѣкамъ лучшимъ слугамъ; при чемъ назначается боярамъ, окольничимъ и дѣтямъ боярскимъ первой статьи по 200 четвертей на человѣка, дѣтямъ боярскимъ второй статьи по 150 четвертей на человѣка, третьей статьи по 100 четвертей на человѣка. И тутъ же сказано: «А который по грѣхомъ вымретъ, а сынъ его къ той службѣ не пригодится, ино въ того мѣсто прибрать иного.» [135] Потомъ еще опредѣленнѣе говорится о помѣстьяхъ въ грамотахъ по помѣстнымъ дѣламъ, писанныхъ между 1555 и 1556 годами. Изъ этихъ грамотъ видно, что для раздачи помѣстій служилымъ людямъ при Іоаннѣ IV, въ Московскомъ государствѣ были заведены особыя книги, извѣстныя подъ именемъ писцовыхъ, отдѣльныхъ и приправочныхъ; въ этихъ книгахъ записывалось кому и сколько дано помѣстья и въ какомъ мѣстѣ, сколько пашенной земли, сколько сѣнокосовъ и разныхъ угодій, и какова земля: добрая ли, средняя или худая; при раздачѣ помѣстій, писцы или отводчики земель справлялись со списками начальниковъ о службѣ помѣщиковъ, въ сихъ спискахъ обыкновенно прописывалось, кто съ котораго времени явился на службу, въ какомъ вооруженіи, и въ сопровожденіи сколькихъ вооруженныхъ слугъ; отдѣльные книги, въ которыхъ записывались отведенныя служилымъ людямъ помѣстья, писались въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ хранился у городовыхъ воеводъ и намѣстниковъ или ихъ дьяковъ, а другой отсылался въ Москву. [136] По смерти служилаго человѣка, часть бывшаго за нимъ помѣстья, отдавалась на прожитокъ его женѣ и дочерямъ до конца жизни или до выхода въ замужство; остальное же или отдавалось состоящему на службѣ но неверстанному особымъ помѣстьемъ сыну покойнаго, и отписывалось на Государя, ежели сыновей на службѣ не было; впрочемъ, сыновья выросши ни вступивши въ службу, могли просить, чтобы ихъ поверстали отцовскимъ помѣстьемъ, ежели оно не поступило въ раздачу другимъ помѣщикамъ. [137] Помѣстная раздача земли соразмѣрялась съ должностію, занимаемою служилымъ человѣкомъ, и съ перемѣною должности или увеличивалась или уменьшалась; но, впрочемъ, и состоя въ одной должно-

---

[135] А. А. Э., т. I, № 225.

[136] Дополн. къ Ак. Ист., т. I, № 52, грам. I.

[137] Дополн. къ Ак. Ист., т. I, № 52, грам. II.

сти, можно было просить помѣстной придачи за ревность къ службѣ, ежели это будетъ засвидѣтельствовано отъ начальства.[138] Помѣщики могли мѣняться помѣстьями другъ съ другомъ, но не иначе, какъ съ разрѣшенія правительства, при чемъ необходимымъ условіемъ было, чтобы промѣниваемыя земли были одинаковы какъ мѣрою, такъ и доходами, и чтобы отъ этой мѣны не терпѣли убытка ни Государева служба, ни казенныя подати.[139] Помѣщикъ могъ даже просить Государя о перемѣнѣ своего стараго помѣстья на какое-либо новое, ежели съ стараго помѣстья прекращались доходы по причинамъ не зависящимъ отъ помѣщика.[140] Ежели помѣщикъ былъ убитъ на Государевой службѣ, то малолѣтные сыновья его имѣли право просить себѣ на прожитокъ до возраста все отцовское помѣстье съ обязательствомъ содержать на него мать и сестеръ, если таковыя были.[141] По смерти помѣщика, братья его и племянники, а тѣмъ паче сыновья, могли просить оставшееся помѣстье въ придачу къ своимъ помѣстьямъ, и въ такомъ случаѣ обязывались съ этой придачи выплачивать долги, оставшіеся послѣ покойнаго; и посему помѣстье нѣкоторымъ образомъ принимало характеръ наслѣдственнаго владѣнія.[142] Родственники, получившіе послѣ умершаго помѣщика его помѣстье какъ бы по наслѣдству, съ тѣмъ вмѣстѣ принимали на себя обязанность воспитать и выдать замужъ оставшихся послѣ него дочерей съ полученной доли помѣстья.[143] Въ случаѣ перевода помѣщика на должность низшаго оклада, ежели у него были малолѣтные сыновья, то отбираемыя на Государя помѣстныя земли не отдавались въ раздачу другимъ помѣщикамъ, но отдавались на оброкъ, который предоставлялось собирать на Государя старому помѣщику до возраста и поступленія на службу его сыновей, дабы тогда поверстать ихъ отцовскимъ остаточнымъ помѣстьемъ. Такъ въ помѣстной грамотѣ 1556 года, отъ 14 генваря, сказано: «А нашъ указъ у васъ: которымъ дѣтемъ боярскимъ велѣно быти въ городовыхъ приказѣхъ, а дѣтей у нихъ нѣтъ, а за тѣми помѣстей учи-

---

138 Тамъ же, гр. III и XXVII.

139 Тамъ же, гр. V.

140 Тамъ же, грам. VIII.

141 Тамъ же, грам. X.

142 Тамъ же, грам. XVII.

143 Тамъ же, грам. XX.

нити изъ ихъ помѣстей по пяти вытей, а лишки за тѣмъ у нихъ велѣно отписати на меня Царя и Великаго Князя, и въ роздачю роздати; а у которыхъ приказщиковъ городовыхъ дѣти есть малы, въ нашу службу не поспѣли, и у тѣхъ помѣстья велѣно отписывати и приказывати вѣдати на меня Царя и Великаго Князя, покуды дѣти ихъ въ нашу службу поспѣютъ, и тогды тѣ помѣстья велѣно дѣтемъ ихъ отдати, и наши службы велѣно имъ служити.» [144] При переходѣ помѣстья отъ одного помѣщика къ другому, старый владѣлецъ имѣлъ право поселенныхъ своихъ крѣпостныхъ людей выводить на новое помѣстье въ назначаемый для сего срокъ. [145] Дочери и сестры помѣщиковъ дѣвицы, получавшія прожиточную долю изъ помѣстья своихъ умершихъ родственниковъ до замужества, могли пользоваться ими только до пятнадцатилѣтняго возраста, далѣе же помѣстье отписывалось на Государя, хотя бы онѣ и не вышли замужъ. [146] Помѣщики за неявку на службу, или, какъ тогда говорилось, за нѣты, лишались своихъ помѣстныхъ дачъ, впрочемъ, могли возвращать ихъ своею новою службою, или по особой милости Государя, разумѣется, служебный нѣтъ тогда только лишалъ помѣстья, когда нѣтчикъ не могъ представить законныхъ причинъ своей неявки на службу. [147] Всѣ сіи частныя отношенія помѣстій къ своимъ владѣльцамъ опредѣляютъ характеръ помѣстныхъ земель слѣдующими общими чертами: помѣстныя земли составляли собственность Государя, онъ могъ ихъ раздавать и отнимать рѣшительно по своему разсмотрѣнію, такъ что помѣщики, чтобы удержать за собою владѣніе этими землями, непремѣнно должны были нести Государеву службу, съ усердіемъ подчиняясь всѣмъ распоряженіямъ правительства; всякое отступленіе отъ правительственныхъ распоряженій подвергало ихъ опасности лишиться помѣстья. Такимъ образомъ помѣстье въ сущности своей было даже менѣе нежели пожизненнымъ владѣніемъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ на дѣлѣ оно носило на себѣ даже нѣкоторый характеръ наслѣдственности. Государи Московскіе преимущественно хотѣли, чтобы помѣстье оставалось въ одномъ родѣ, и съ этою цѣлію не только дозволялось однородцамъ про-

[144] Гр. XXVII.
[145] Гр. XXX.
[146] Гр. XXXV.
[147] Гр. XXIX.

сить, чтобы ихъ верстали помѣстьями ихъ умершихъ родственниковъ, но даже положено было правиломъ оставлять помѣстныя земли отцовъ во владѣніи дѣтей до ихъ возраста и поступленія на службу, только съ тѣмъ, чтобы всѣ доходы съ таковыхъ помѣстій, за исключеніемъ прожиточныхъ вытей собирались въ казну самими же помѣщиками. А смотря по заслугамъ, помѣстныя земли иногда обращались въ вотчинныя, и въ послѣднее время это обращеніе помѣстій въ вотчины до того усилилось, что при Романовыхъ рѣдкій счастливый воинскій походъ оставался безъ награжденія служилыхъ людей обращеніемъ помѣстій въ вотчины; впрочемъ это не относится къ настоящему труду, и кажется происходило отъ измѣненія характера вотчинъ и помѣстьевъ, чему при Романовыхъ были свои причины, еще не существовавшія въ описываемое здѣсь время.

По первоначальному своему происхожденію помѣстныя земли принадлежали къ дворцовымъ владѣніямъ, ибо Московскіе государи въ первыя времена своего владычества произвольно могли распоряжаться только своими собственными землями, вотчинныя же зависѣли отъ частныхъ собственниковъ, а черныя отъ общины; ни община, ни собственники не имѣли нужды раздавать помѣстій, ибо помѣщики служили не имъ, а Князю. Но впослѣдствіи времени, когда власть Московскихъ государей усилилась и границы владѣній распространились завоеваніями, которыя уже зависѣли отъ Князя, а не отъ общины, въ отдѣлъ помѣстныхъ земель стали поступать и такія, которыя не принадлежали къ дворцовому вѣдомству. Московскій государь, завоевавши или другимъ какимъ образомъ присоединивши къ своимъ владѣніямъ какое-либо княжество или область, немедленно отдѣлялъ часть тамошнихъ земель для раздачи въ помѣстья какъ своимъ служилымъ людямъ, такъ и нѣкоторымъ изъ тамошнихъ жителей, которые изъявляли желаніе вступить въ его службу подъ именемъ земцовъ, отъ чего ихъ помѣстья получали названіе *земецкихъ* [148]. Такимъ образомъ съ распространеніемъ завоеваній увеличивалась и масса помѣстныхъ земель, такъ что мало-по-малу изъ нихъ образовался особый обширный разрядъ земель, обхватывавшій все государство, а посему незамѣтно они отдѣлились отъ дворцовыхъ владѣній и составили

[148] О раздачѣ въ помѣстья завоеванныхъ земель такъ много свидѣтельствъ въ лѣтописяхъ и въ другихъ памятникахъ, что ихъ излишне уже и приводить.

свое вѣдомство, для котораго впослѣдствіи былъ учрежденъ Помѣстный приказъ. Впрочемъ это отдѣленіе не измѣнило первоначальнаго характера помѣстьевъ, они по прежнему оставались собственностію государя, и отобранныя почему-либо у однихъ помѣщиковъ и еще не розданныя другимъ, они подъ названіемъ порожнихъ земель, впредь до роздачи, отписывались на государя и отдавались въ оброчное содержаніе въ пользу царской казны [149]. Даже находясь во владѣніи помѣщика, помѣстное имѣніе не преставало зависѣть отъ распоряженій государя, который, не лишая владѣльца временнаго права надъ даннымъ имѣніемъ, въ то же время могъ распоряжаться нѣкоторыми его доходами въ пользу другихъ. Такъ, напримѣръ, въ грамотѣ Царя Ѳеодора Ивановича 1593 года, данной боярскому сыну Ивану Алферьеву, сказано: «И мы, Троицкаго монастыря архимандрита съ братіею пожаловали, велѣли имъ въ монастырь къ каменной подѣлкѣ на извѣстное сженіе камень ломати у тебя въ помѣстьѣ [150]. Въ отношеніи же къ самому государству помѣстныя земли были на одинаковомъ положеніи съ другими частными недвижимыми имѣніями; съ нихъ каждогодно собирались данныя, примѣтныя, ямскія и полоняничныя деньги, также посошной кормъ, на нихъ же лежали городовое дѣло и другія повинности и мірскіе разметы [151]. Всего яснѣе выражается одинаковость отношеній къ государству помѣстныхъ земель съ другими частными имѣніями въ слѣдующемъ итогѣ дозорной новгородской книги 134 года. «Всего въ Заруской половинѣ за дворяны, и за дѣтьми боярскими, и за земцы въ помѣстьяхъ и въ вотчинахъ, и за митрополитомъ, и за монастыри, въ вотчинахъ и въ порожнихъ земляхъ, въ живущемъ и въ пустѣ 5903 обжи; а платити имъ съ живущаго съ 5 обежъ съ четью обжи безъ полчетверика пашни; а сошного письма съ дву сошекъ» [152].

Виды земель по различію населенія.

Земли Московскаго Государства по различію населенія раздѣлялись на городскія и негородскія или уѣздныя; первыя составляли собственность города, а вторыя принадлежали сельскимъ об-

---

149 Допол. къ Ак. Ист., т. I, № 86.

150 Изъ книги копій съ жал. грам. Троицк. Сергіев. монаст., № 1.

151 Допол. къ Ак. Ист., т. I, № 52, гр. XXIX.

152 Вотч. Арх., № 669.

щинамъ и только признавали свою подчиненность и зависимость отъ города, какъ представителя цѣлой территоріи.

Городскія земли, по владѣнію, были черныя, принадлежащія собственно городской общинѣ, вотчинныя, бывшія во владѣніи частныхъ собственниковъ и наконецъ помѣстныя, данныя для жительства служилымъ людямъ. Это дѣленіе городскихъ земель по владѣнію влекло за собою другое дѣленіе на тяглыя и бѣломѣстныя или нетяглыя земли; владѣльцы первыхъ земель несли съ нихъ всѣ городскія повинности, и эти земли нельзя было ни продать, ни заложить бѣломѣстцу, или въ противномъ случаѣ бѣломѣстецъ, принявши таковую землю во владѣніе, долженъ былъ нести съ нея всѣ повинности и городскіе расходы наравнѣ съ тяглыми людьми; бѣломѣстныя же или нетяглыя земли освобождались отъ многихъ городскихъ повинностей и несли ихъ голько въ крайнихъ случаяхъ государственной нужды. Но замѣчательнѣйшее отличіе городскихъ земель отъ негородскихъ состояло въ томъ, что они раздѣлялись не на обжи, или четверти, и десятины, а на дворы; дворъ былъ единственною, закономъ утвержденною, единицею городскихъ земель, при соразмѣреніи ихъ въ раскладкѣ податей повинностей; а посему дворъ, какъ общая единица мѣры, естественно долженъ былъ имѣть одно опредѣленное пространство земли для всего города, и нельзя было ни увеличить, ни уменьшить своего двора, при посредствѣ частной сдѣлки: всякое уменьшеніе и увеличеніе двора могло быть сдѣлано не иначе какъ съ разрѣшенія городовой общины и непремѣнно влекло за собою увеличеніе или уменьшеніе податей и повинностей съ домохозяина увеличеннаго или уменьшеннаго двора; а отъ этого въ древнѣйшихъ административныхъ книгахъ городскіе домохозяева раздѣлялись на владѣльцевъ двухъ или трехъ или болѣе дворовъ, на владѣльцевъ цѣлаго двора или полдвора или трети, четверти двора, и писались обыкновенно такъ: такой-то живетъ на трети двора, на полдворѣ, на двудворѣхъ, на одномъ дворѣ и пр. Увеличеніе или уменьшеніе городскихъ дворовъ могло быть сдѣлано или принятіемъ отъ общины пустопорожнихъ земель на оброкъ, или при помощи частной сдѣлки съ сосѣдомъ домохозяиномъ, но не иначе какъ съ разрѣшенія общины, которая отмѣчала таковую сдѣлку въ своихъ мѣрныхъ и платежныхъ книгахъ и зачисляла одного изъ участниковъ сдѣлки владѣльцемъ увеличеннаго двора, а другаго—уменьшеннаго, и сообразно съ таковою сдѣлкою соразмѣряла раскладку податей и повинностей. Доказательство таковыхъ раскладокъ по дворамъ и за-

численія двухъ, трехъ и полутора дворовъ за однимъ домохозяиномъ можно видѣть въ любой платежной и переписной книгѣ. Вотъ для образца отрывокъ изъ платежной книги Переяславля Рязанскаго, писанной въ 7104 году. «Въ городѣ Переяславлѣ Рязанскомъ, въ верхнемъ городѣ дворы оброчные: Д) Марьи Ивановой жены Мурзининой, оброку на немъ въ годъ по гривнѣ; Д) за торговымъ человѣкомъ за Якушкомъ, за Порывкинымъ, оброку ему давать на годъ по 11 алтынъ». Или въ переписной книгѣ города Чердыни 186 года. »Дворы посадскихъ тяглыхъ людей первой статьи. В) Савка Ананьинъ сынъ Оболенскаго живетъ на пустыхъ дву-мѣстѣхъ, что были впустѣ Мишки Филиппова сына Шубникова, да Амфилошки Углецкаго. В) Ивашка Григорьевъ сынъ Валцевъ: у него на дворѣ избы, да двои ворота, да онъ же владѣетъ половиною мѣстомъ Илейки Петрова сына Горина». [153].

Городской дворъ въ общей раскладкѣ податей и повинностей равнялся не сельскому двору, а цѣлой обжѣ въ Новгородскихъ владѣніяхъ и выти въ Московскихъ. Такъ это свидѣтельствуетъ уставная грамота, присланная въ 1552 году на Вагу; въ ней сказано: «Съ посадскихъ дворовъ, и съ становъ, и съ волостей, со всѣхъ обежъ двадцать алтынъ и три алтына: а дворъ посадской противу обжи, а обжа противъ посадскаго двора, размѣтомъ въ намѣстничь оброкъ ровна. [154].

Кромѣ дворовыхъ земель, отдававшихся градскимъ людямъ въ потомственное владѣніе съ правомъ передачи на извѣстныхъ условіяхъ, городская община владѣла какъ бы угодьями, всѣми торговыми и ремесленными мѣстами, и огромною выгонною землею за городомъ, а также иногда мельницами, рыбными и звѣриными ловлями въ уѣздѣ; всѣ сіи угодья, какъ непосредственная собственность городской общины, не могли состоять въ частномъ владѣніи, а отдавались самою общиною въ наемъ или въ оброчное содержаніе по условіямъ съ частными лицами на извѣстное опредѣленное время, по истеченіи котораго назначался новый торгъ, и смотря по цѣнамъ, состоявшимся на торгу, оброчная земля или переходила къ новому наемщику, или оставалась за прежнимъ. Оброчныя статьи, собственно городскія, носили названіе лавокъ, шелашей, стуловъ,

---

[153] Арх. Вотч. Департ. №№ 360 и 327.

[154] А. Арх. Э. т. I. № 234.

амбаровъ, прилавковъ, полковъ и кузницъ. Вотъ какъ о нихъ говорится въ платежной рязанской книгѣ 7104 года. «Въ городѣжъ въ Переяславлѣ, у Рязанскихъ воротъ, лавки, и прилавки и амбары съ разными товары; а въ нихъ торгуютъ пушкари и затинщики и стрѣльцы, и воротники, и казенные сторожи, ямщики, и дворники, и изъ селъ крестяне, и казаки, и бѣлодворцы, а что кому съ которые лавки и амбары сколько оброку платить и то расписано порознь. Отъ Рязанскихъ воротъ въ городъ ѣдучи направо Л.) вдовы Марьи Пушкаревы Ивановы жены Сурикова съ дѣтьми оброку съ ней четыре алтына; Л.) Затинщика Шерапка Некипова оброку десять алтынъ; Л.) Ямщика Ортюшки, оброку съ него одинадцать алтынъ двѣ деньги; прилавокъ Андреева дворника Вердеровскаго Власка Чернаго, оброку десять денегъ; Л.) Коломыстина Пятунки Спицына, оброку двѣнадцать алтынъ; да за городомъ, за Рязанскими вороты, торгъ на посадѣ, за рѣчкою за Лыбедью, а въ торгу лавки, и полки, и шелаши, и стула всякихъ людей; а оброку съ лавокъ стараго платили съ лавки по два алтына по двѣ деньги; а впредь имъ платити съ тѣхъ лавокъ оброку съ лавки по гривнѣ; да съ амбаровъ по рублю по шестнадцати алтынъ съ амбара; въ мясномъ ряду полки и амбары, а торгуютъ въ нихъ мясомъ всякіе люди, оброку съ полка и амбара по пяти алтынъ; да въ торгужъ, промежъ лавокъ, стулы, а на нихъ торгуютъ крупы и толокномъ, и всякимъ овощомъ, оброку съ стулу по семи алтынъ; да за лавками кузницы, оброку съ кузницы по 8 алтынъ по двѣ деньги; да за лавками избы и шелаши, въ нихъ торгуютъ рыбою и мясомъ вареньимъ, и пироги; а оброку имъ давать съ избы и съ шелаша по три алтына». [155].

Городскія угодья первоначально, кажется, составляли чистую собственность города, и получаемыми съ нихъ доходами покрывались различныя общественныя издержки; по крайней мѣрѣ до В. К. Ивана Васильевича III-го мы не имѣемъ никакихъ ни оффиціальныхъ, ни лѣтописныхъ свидѣтельствъ о вмѣшательствѣ Московскихъ Государей въ это общинное дѣло; относительно же Новгорода есть даже прямыя свидѣтельства, что городская община въ самыхъ договорныхъ грамотахъ съ Князьями опредѣленно требовала чтобы Князья не вступались въ городскія торговыя мѣста; такъ, напримѣръ, въ договорной громотѣ Новгорода съ В. К. Але-

[155] Арх. Вот. Департ., № 360.

ксандромъ Михаиловичемъ Тверскимъ, писанной въ 1327 году, прямо сказано: »А въ нѣмецкомъ дворѣ тобѣ, княже, торговати нашею братьею; а двора ти не заговряти, а приставовъ не приставляти». [156]. Но Іоаннъ III-й смотрѣлъ на это дѣло иначе и, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ Москвѣ, всѣ городскія угодья принялъ въ свое вѣдѣніе, и подъ предлогомъ защиты общественнаго имѣнія отъ насилія частныхъ собственниковъ поставилъ надъ нимъ своихъ прикащиковъ, которые точно обязаны были противостоять всѣмъ посягательствамъ частныхъ собственниковъ, даже не дозволять удѣльнымъ князьямъ открывать новыя торговыя мѣста въ ущербъ общиннымъ; но за то во всѣхъ доходахъ, съ сихъ послѣднихъ давали отчетъ государю, а не общинѣ. Первымъ гласнымъ свидѣтельствомъ объ этомъ дѣлѣ служитъ духовная грамота В. К. Ивана Васильевича III-го, писанная въ 1504 году, въ ней онъ говоритъ своимъ сыновьямъ: «А что есми подавалъ дѣтемъ своимъ селца у Москвы з дворы з городцкими на посадѣхъ; и дѣти мои въ тѣхъ дворѣхъ торговъ не держатъ, ни житомъ не велятъ торговати, ни лавокъ не ставятъ, ни гостей съ товаромъ иноземцовъ и изъ Московскіе земли, и изъ своихъ удѣловъ, въ своихъ дворѣхъ не велятъ ставити; а ставятся гости съ товаромъ иноземци, и изъ Московскіе земли и изъ ихъ удѣловъ на гостиныхъ дворѣхъ, какъ было при мнѣ; а дѣти мои, у моего сына у Василія въ тѣ дворы въ гостинные и въ тѣ пошлины не вступаются. А хто учнетъ въ дѣтей моихъ селцехъ и въ дворѣхъ въ городныхъ торговати мѣстнымъ товаромъ; и сынъ мой Василей тѣхъ торговъ не велитъ сводити, а пошлину полавочную съ нихъ беретъ, сына моего Васильевъ прикащикъ, какъ было при мнѣ». [157]). Здѣсь Великій Князь два раза ссылается на свое учрежденіе относительно завѣдыванія торговыми мѣстами: «*какъ было при мнѣ*». Эта двукратная ссылка заставляетъ предполагать, что именно только при Іоаннѣ III-мъ торговыя мѣста отъ общины перешли въ вѣдѣніе Князя, иначе бы Іоаннъ сказалъ: *какъ было при моемъ отцѣ или дѣдѣ*, ибо въ нашихъ оффиціальныхъ грамотахъ было принято за правило ссылаться на древность учрежденій *по старинѣ, по пошлинѣ, какъ было при нашихъ дѣдѣхъ и прадѣдѣхъ*, и конечно бы, Іоаннъ не преминулъ употребить подобное выраженіе, еслибы можно было

156 Собр. Гос. гр. и дог., т. I, № 15.

157 Собр. Гос. гр. и дог., т. I, № 144.

употребить его безъ явнаго противорѣчія истинѣ; да и въ самомъ дѣлѣ, ни въ одной грамотѣ Іоанновыхъ предшественниковъ нѣтъ и намеку о притязаніи князей на городскія угодья общины. Впрочемъ вмѣшательство Князя въ городскія оброчныя статьи главнымъ образомъ ограничивалось сборомъ оброчныхъ денегъ; но и тутъ Царь Иванъ Васильевичъ, недовѣрчивый къ своимъ служилымъ людямъ, сдѣлалъ большую перемѣну: онъ, желая чтобы народъ сколько можно менѣе терпѣлъ отъ придирокъ царскихъ чиновниковъ, въ большой части городовъ Московскаго государства сборъ податей, а также и оброчныхъ денегъ, передалъ откупщикамъ или выборнымъ отъ народа цѣловальникамъ. Такимъ образомъ городскія общественныя имѣнія болѣе или менѣе опять перешли въ вѣдѣніе общинъ, но уже какъ даръ, уступленный государемъ для облегченія подданныхъ, и конечно, уже съ полнымъ правомъ взять ихъ въ свое вѣдѣніе при первой неисправности общинъ относительно платежа оброковъ.

Угодья и оброчныя статьи, принадлежащія городу, но находящіяся въ уѣздѣ, также составляли собственность общины, на которую частныя лица имѣли только право пользованія, и кажется община въ отношеніи къ нимъ умѣла удержать свои исключительныя права до позднѣйшаго времени, и Государи Московскіе постоянно старались защищать эти права отъ насилія частныхъ собственниковъ. Лучшимъ свидѣтельствомъ сему служитъ челобитная, поданная, въ 157 году Царю Алексѣю Михайловичу отъ городскихъ Московскихъ людей, въ ней сказано: «Изстари де до Московскаго и послѣ Московскаго разоренья около Москвы за земляным городомъ были живописные выпуски по всѣмъ дорогамъ, отъ города версты по три и по четыре и по пяти, а въ городѣхъ около посадовъ были животинные выпуски большіе и въ лѣсы выѣзды по дрова; а нынѣ де около Москвы и въ городѣхъ около посадовъ животинныхъ выпусковъ не стало, потому изсаняли бояре и ближніе люди.... И Великій Государь пожаловалъ бы ихъ гостей и торговыхъ посадскихъ людей всего Московскаго Государства на Москвѣ и около Москвы и во всѣхъ городѣхъ на посадѣхъ и около посадовъ въ слободахъ никакимъ торговымъ и промышленнымъ людемъ за патріархомъ, и за властьми, и за монастыри и за бояры и за ближними и думными и всякихъ служилыхъ чиновъ людьми быти не велѣлъ». [158]

[158] А. Ар. Эк., т. IV, № 32.

Собственно городская земля въ каждомъ городѣ Московскаго государства по населенію своему состояла изъ трехъ частей: собственно *города* или *крѣпости*, *посада* и *слободъ*. Въ крѣпости или собственно городѣ жили Князь или его намѣстникъ и воевода съ служилыми людьми, тутъ же находились правительственныя или казенныя мѣста и осадные дворы посадскихъ и уѣздныхъ жителей для защиты въ случаѣ нападенія непріятелей, и даже въ нѣкоторыхъ городахъ разныя торговыя заведенія; на посадѣ жили собственно граждане, посадскіе люди, у нихъ тутъ обыкновенно устроивались рынки, торговые ряды и гостиные дворы, между посадскими людьми здѣсь жили также разные помѣщики и вотчинники служилые люди на бѣлыхъ земляхъ; жители слободъ исключительно состояли изъ ремесленниковъ и разныхъ служилыхъ людей нижнихъ чиновъ, напримѣръ воротниковъ, пушкарей, затинщиковъ и подобн. Слѣды таковаго распредѣленія можно видѣть и теперь въ старинныхъ Московскихъ городахъ, напримѣръ въ Коломнѣ, Дмитровѣ, Переяславлѣ и другихъ, гдѣ еще остались насыпи или стѣны собственно города или кремля, и существуютъ названія посадовъ съ ихъ улицами и рынками и съ слободами кузнецовъ, ямщиковъ, пушкарей, затинщиковъ и проч., письменныхъ же свидѣтельствъ объ этомъ предметѣ такое множество, что въ одномъ Разрядномъ архивѣ я знаю по крайней мѣрѣ 2000 смѣтныхъ, переписныхъ, дозорныхъ, счетныхъ и другаго наименованія книгъ, въ которыхъ подробно описывается расположеніе и устройство разныхъ городовъ. Но лучшимъ и такъ сказать живымъ хранилищемъ старинаго городоваго устройства въ Московскомъ государствѣ является сама Москва, гдѣ это устройство и полнѣе было развито и оставило по себѣ болѣе памятниковъ въ разныхъ названіяхъ улицъ и приходовъ. Кремль Московскій составлялъ собственно городъ, гдѣ находились дворецъ Великокняжескій, митрополичій дворъ, домы чиновныхъ людей и богатыхъ гражданъ; также разныя зданія принадлежащія казнѣ или Великому Князю, гдѣ хранилось Великокняжеское или казенное имущество, таковы казенный дворъ, сытенный, кормовый, хлѣбенной, житенной, конюшенный и другіе дворы, а въ послѣдствіи разные приказы; нѣкоторые слѣды этого размѣщенія еще и теперь замѣтны въ Кремлѣ. За Кремлемъ слѣдовалъ посадъ, состоявшій прежде изъ одного такъ называемаго Китая города; въ послѣдствіи времени Московскій посадъ распространился до теперешней черты такъ называемаго Бѣлаго города, т.-е. до линіи бульваровъ Пречистен-

скаго, Никитскаго, Тверскаго и далѣе до Покровской улицы. Что же было за этою чертою, то принадлежало еще къ разнымъ ремесленнымъ и казеннымъ слободамъ; таковы были: слобода Хамовническая направо отъ Крымскаго брода, здѣсь жили ткачи Царскаго столоваго бѣлья; въ замоскворѣчьи слободы денежниковъ кадашевцевъ, ордынцовъ, кузнецовъ, овчинниковъ, садовниковъ, кожевниковъ и другія; потомъ черезъ рѣку слободы гончаровъ, котельниковъ, а за Яузою серебренниковъ, барашей, басманниковъ, огородниковъ, мясниковъ; далѣе за нынѣшнею Стрѣтенскою улицею слободы стрѣльцовъ и пушкарей, между Дмитровкою и Петровкою, воротниковъ; наконецъ отъ Дмитровки до Арбата слободы разныхъ войсковыхъ и придворныхъ служителей: бронниковъ гранатчиковъ, кречетниковъ, трубниковъ, поваровъ, хлѣбниковъ и другихъ, которыхъ названія по большей части и теперь еще уцѣлѣли въ именахъ улицъ и другихъ урочищъ, и даже нѣкоторымъ образомъ остались въ своемъ административномъ значеніи; такъ нынѣшнія купеческія и мѣщанскія семьи въ Москвѣ раздѣлены по разнымъ слободамъ сходно съ прежними, иныя изъ нихъ записаны въ Котельнической, другіе въ Кузнецкой, въ Кожевнической, Бронницкой, Басманнической и другихъ слободахъ. За ремесленными и служебными слободами, уже почти внѣ города, какъ бы въ видѣ селеній шли слободы ямщиковъ, таковы Тверская, Рогожская, Дорогомиловская и другія, которыя и теперь еще цѣлы и преимущественно заселены ямщиками, и у правительства значатся подъ названіемъ ямскихъ земель.

Уѣздныя или не городскія земли, по заселенію своему, раздѣлялись на слободы, села, деревни и починки, они какъ и городскія земли по владѣнію были черныя, вотчинныя, дворцовыя и помѣстныя; къ каждой слободѣ, селу и деревнѣ приписаны были пахотныя и сѣнокосныя земли, лѣса, рыбныя, звѣриныя ловли и другія угодья.

Слободы преимущественно населялись ремесленниками и разными промышленными людьми, напримѣръ рыболовами, бобровниками, бортниками и другими подобными, а также ямщиками и разными служилыми людьми, стрѣльцами, казаками, пушкарями. Были слободы и торговыя, что-то въ родѣ городовъ, но не города, ибо не имѣли уѣздовъ съ помѣщичьими и вотчинными землями; къ слободамъ причислялось по нѣскольку деревень и починковъ, вѣроятно населенныхъ людьми одного вѣдомства; они обыкновенно

управлялись слободчиками, старостами и сотскими, а судомъ и данью тянули къ тому городу въ уѣздѣ, котораго находились. По владѣнію слободы бывали дворцовыя, вотчинныя, монастырскія, владычни, черныя и служилыя. Свидѣтельства о слободахъ начинаются довольно рано, они упоминаются еще въ духовной Калиты, писанной въ 1328 году, гдѣ сказано: «А се даю сыну моему Ивану: Великую свободу, Замошскую свободу, Окатьеву свободку, село въ Замошьской слободѣ». [159] Слѣды слободъ и теперь еще остались въ разныхъ уѣздахъ около Москвы и въ другихъ мѣстахъ, въ которыхъ замѣтно, что они населялись ремесленниками. Такъ въ Серпуховскомъ уѣздѣ въ Кузминской волости, есть нѣсколько урочищъ извѣстныхъ подъ именемъ слободъ, особенно по старинному Боровскому тракту, слободы эти теперь находятся уже впустѣ, и частію запаханы, частію поросли лѣсомъ; но еще во многихъ мѣстахъ вѣроятно слѣды стараго жилья, черноземъ и выгорки желѣза, а старожилы говорятъ по преданію, что тутъ жили казенные кузнецы и были большія кузнецы. А въ иныхъ уѣздахъ за нѣкоторыми селами и теперь еще остается названіе слободъ, но уже безъ внутренняго значенія, которымъ бы эти села отличались отъ другихъ.

Жители слободъ хотя и тянули судомъ и данью къ городамъ наравнѣ съ волостными людьми; но такъ какъ они не были чисто земледѣльцами, то разрубами и разметами своими невкладывались въ одну кость съ сельчанами; но считались во всѣхъ раскладкахъ податей только сами собою. Такъ объ этомъ прямо сказано въ жалованной грамотѣ 1546 года данной крестьянамъ Антроньевой слободы въ Устюжскомъ уѣздѣ: «А тянулъ деи на тѣхъ слободскихъ крестьянъ, изъ Олексина, изъ Пачеозера и изъ Вондокурьи, и изъ Петровскаго села, кладутъ велику; а у нихъ деи разрубы межъ себя свои», [160] т.-е. не по землямъ и пашнямъ, а по промысламъ.

Села были заселены преимущественно земледѣльцами, къ каждому селу было приписано по нѣскольку деревень и починковъ, жители которыхъ также земледѣльцы вкладывались во всѣхъ разметахъ въ одну кость съ своими сельчанами, и потому составляли съ ними одно цѣлое, имѣли свою управу, которая всегда находи-

[159] А. А. Эк., т. I, № 136.
[160] Ак. Ист., т. I, № 299.

лась въ селѣ и состояла изъ старостъ, сотскихъ и десятскихъ, выбираемыхъ крестьянами изъ своей среды; въ селѣ и деревняхъ земля была общая, и крестьяне владѣли своими участками или вытями не иначе какъ приговору всей своей общины; всѣ выти были равны между собою, и по нимъ раскладывались подати и повинности; но какъ средства и силы не у каждаго крестьянина были одинаковы, то по сему болѣе зажиточный крестьянинъ могъ жить на двухъ, на трехъ вытяхъ; бѣдный же на одной выти, на полвыти и на четверти выти. Крестьянинъ съ согласія общины могъ мѣнять свою выть на другую, конечно не занятую другими или пустопорожную, которыхъ всегда было много, ибо крестьяне не прикрѣпленные къ землѣ свободно переходили изъ уѣзда въ уѣздъ и изъ волости въ волость; община владѣя землею не имѣла никакого права на своихъ сочленовъ, какъ скоро они оставляли землю, лишь бы за ними не было недоимокъ по мірскимъ розрубамъ и розметамъ. А по сему во всѣхъ писцовыхъ книгахъ мы встрѣчаемъ ужасную подвижность въ отношеніяхъ между жилыми и пустыми землями. Напримѣръ въ Новгородской писцовой книгѣ 7090 года по Вотцкой пятинѣ значится: «Въ Сабельскомъ погостѣ за 88 годъ въ живущемъ 28 обежъ, а за 90 годъ только двѣ обжи. Въ Никольскомъ погостѣ за 88 годъ въ живущемъ 34 обжи, а за 90 годъ только 16 обежъ; въ Грузинскомъ же погостѣ за 88 годъ въ живущемъ 31 обжа, а за 90 годъ 41 обжа, или въ Коломенскомъ погостѣ (на Волховѣ) въ 88 году было только четыре обжи а въ 90 году прибыло еще 20 обежъ». [161] Въ селахъ и деревняхъ на выти дѣлились только пахотныя и сѣнокосныя земли, лѣса же, рыбныя ловли и другія угодья составляли не раздѣльную собственность цѣлой общины, которою каждый членъ могъ пользоваться по мѣрѣ надобности.

Административное раздѣленіе земель.

Въ административномъ значеніи земли Московскаго Государства раздѣлялись на *уѣзды*, *волости* и *станы*, *пятины*, *губы*, *присуды* и *погосты*.

Уѣздомъ называлась цѣлая страна (напримѣръ Переяславская, Дмитровская, Костромская и др.) приписанная судомъ и данью къ одному городу. Въ уѣздѣ кромѣ главнаго города, по ко-

[161] Арх. Вот. Деп., № 659.

торому назывался уѣздъ, были еще пригороды и слободы, имѣвшіе также городовое устройство, но приписанные по управленію къ главному уѣздному городу и зависѣвшіе отъ его Князя или отъ княжаго намѣстника и воеводы. Напримѣръ по Рязанскимъ платежнымъ книгамъ 7105 года письма и мѣры Третьяка Григорьевича Вельяминова съ товарищи значатся въ Рязанскомъ уѣздѣ, города Переяславь Рязанскій, Пронскъ, Ряжскъ и Николо-Зарайскій монастырь, имѣвшій также городовое устройство. Слово уѣздъ въ значеніи области или страны имѣющей свое отдѣльное устройство встрѣчается въ самыхъ первыхъ памятникахъ Московской администраціи. Такъ въ первой духовной грамотѣ В. К. Ивана Даниловича Калиты сказано: «а тамгою и иными волостьми городьскими подѣлятся сынове мои; также и мыты, которыи въ которомъ уѣздѣ». [163] Это свидѣтельство намекаетъ, что въ Московскомъ Государствѣ при первыхъ князьяхъ изъ дома Невскаго уѣздъ имѣлъ равное значеніе съ удѣльнымъ княженіемъ, —*которыи въ которомъ уѣздѣ*, т. е. какіе мыты въ чьемъ удѣлѣ. А таковое равенство въ значеніи уѣзда и удѣла необходимо ведетъ къ заключенію, что уѣздъ въ Московскомъ Государствѣ первоначально представлялъ отдѣльное болѣе или менѣе самостоятельное цѣлое, имѣлъ своего Князя, свои права и уставы, которые нерѣдко сохранялись даже и по присоединеніи удѣла къ Москвѣ, и были извѣстны подъ именемъ уставныхъ грамотъ; на сіи уставныя грамоты указывалъ еще Іоаннъ III въ своемъ судебникѣ, гдѣ въ статьѣ о приставахъ сказано: «А приставамъ имати по городомъ хоженое по грамотѣ, а гдѣ нѣтъ грамоты и ему хоженое имати въ городѣ по четыре денги». [164] Здѣсь могущественнѣйшій изъ Московскихъ Государей, почти уничтожившій удѣлы въ Сѣверовосточной Руси, не смѣлъ еще касаться правъ данныхъ уѣздамъ ихъ прежними князьями, и даже издавая общее законоположеніе допускалъ и слѣдовательно узаконялъ состояніе многихъ владѣній на особыхъ правахъ. Такимъ образомъ уѣзды съ уничтоженіемъ удѣловъ хотя и потеряли свое первоначальное значеніе самостоятельныхъ владѣній, но тѣмъ не менѣе удержали свою отдѣльность и цѣлость въ административномъ значеніи и, получивъ вмѣсто Князей, воеводъ или намѣстниковъ изъ Москвы, по прежнему оставались при своемъ

---

[163] Собр. Гос. гр. и дог., т. I, № 21.

[164] Ак. Ист., т. I, № 105.

внутреннемъ устройствѣ, если оно не противорѣчило правиламъ Московской администраціи.

Представителемъ уѣзда всегда былъ главный городъ, по которому большею частію уѣздъ носилъ свое названіе, въ немъ сосредоточивались всѣ власти управлявшіе уѣздомъ, сюда представлялись на рѣшеніе и утвержденіе всѣ уголовныя дѣла уѣздныхъ жителей, равнымъ образомъ тутъ же былъ высшій судъ по всѣмъ другимъ дѣламъ, здѣсь велись разныя записныя книги всѣмъ землямъ и угодьямъ, находящимся въ уѣздѣ, равно какъ списки всѣхъ уѣздныхъ жителей съ означеніемъ кто въ службѣ или не въ службѣ, и на какой землѣ живетъ, на вотчинной, или на помѣстной, или на черной, сколько человѣкъ у кого въ семействѣ и сколько за кѣмъ какой земли; по этимъ книгамъ и списками въ городѣ дѣлалась общая раскладка и назначеніе податей и повинностей на весь уѣздъ, по нимъ же соображались всѣ наряды на службу. Въ городъ собирались всѣ податные сборы, и отсюда уже ихъ отправляли въ Москву для доставленія въ Государеву казну, въ городъ же съѣзжались всѣ служилые люди уѣзда предъ отправленіемъ въ походъ, и тутъ воеводы дѣлали имъ смотръ и записывали каждаго въ свои смотрѣнные списки съ обозначеніемъ кто какъ коненъ, люденъ и оруженъ отправляется на службу. Впрочемъ столь важное значеніе города въ отношеніи къ уѣзду было на Руси исконнымъ и существовало еще до водворенія въ городахъ Князей Рюрикова дома, Князья явились уже къ готовому національному устройству, имъ не нужно было грабить и опустошать селъ и деревень, чтобы завладѣть какимъ-либо уѣздомъ, все дѣло состояло въ городѣ, ежели городъ принималъ Князя и признавалъ его власть, то и вся страна или уѣздъ безпрекословно повиновалась ему; города иногда дѣйствовали самостоятельно и при Князьяхъ, и Князья признавали законность ихъ дѣйствій. Такъ подъ 1286 годомъ въ лѣтописи сказано: «совокупившеся Тверичи, Москвичи, Воложане, Новгородцы, Дмитровцы, Зубчане и Ржевцы, и угонивше Литву биша, и полонъ отъяша, и князя ихъ Домонта яша». [165] Въ помянутыхъ городахъ въ это время были Князья, а между тѣмъ граждане дѣйствовали самостоятельно, начали и кончили походъ безъ участія Князей. Бывали даже случаи, что городъ представлялъ лицо своего Князя, и это представи-

[165] Татищ., т. IV, стр. 69.

тельство принималось не только прочими Князьями, но даже тогдашними судьями Князей Татарами; такъ, напримѣръ, въ 1296 году на Владимірскомъ съѣздѣ вмѣстѣ съ Князьями явились на судъ Ханскаго посла и Переславцы, представляя лицо своего отсутствующаго Князя, и отстаивали права своего Князя. Вотъ слова лѣтописи: «И бысть съѣздъ въ Володимирѣ всѣмъ Княземъ Росскимъ, коемуждо Князю свою обиду предъ посломъ глаголющу; и сташа съ единыя страны Князь великій Андрей, да съ нимъ Князь Ѳедоръ Ярославскій, и Константинъ Борисовичъ Ростовскій; а на другой сторонѣ противу ихъ сташа Князь Данило Александровичъ Московскій, да Князь Михайло Ярославичъ Тверскій, да съ ними Переславцы за единъ, и ту замало не бысть кровопролитіе.» [166]

Уѣздныя. т.-е. не городскія земли раздѣлялись на волости и станы, цѣль таковаго дѣленія была чисто административная, и нельзя отыскать слѣдовъ какого-либо территоріальнаго или родоваго начала, послужившаго ему основаніемъ; волости или станы никогда не составляли самостоятельнаго отдѣльнаго цѣлаго, они всегда были въ зависимости отъ своихъ городовъ; слѣдовательно ихъ раздѣленіе было произведено городами же, которые сдѣлали это для большей удобности въ управленіи. Когда и кѣмъ были учреждены волости и станы въ Московской землѣ, мы не знаемъ; но то несомнѣнно, что они были уже при В. К. Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ. Въ его духовной грамотѣ сказано: «Се далъ есмь сыну своему большому Семену: Можаескъ, Коломну со всѣми Коломенскими волостми, Городенку, Мѣзыню, Пѣсочну, Похряне, Брошевцю, Гвоздну», и проч. [167] Прямаго различія между станомъ и волостью опредѣлить нельзя; ибо въ иныхъ памятникахъ ясно можно видѣть, что волость составляла часть стана. Такъ въ Царской грамотѣ 1601 года прямо говорится: «Билъ намъ челомъ Бѣлозерскаго уѣзда Заозерскаго стану Илобацкія волости крестьянинъ Митька Дмитріевъ.» [168] Напротивъ другіе памятники свидѣтельствуютъ, что волости были раздѣлены на станы: напримѣръ, въ Переписной Каширской книгѣ 7154 года переписи Ѳедора Петровича Нѣлова, въ Соломенской волости значатся станы: Никольскій,

[166] Татищ., т. IV, стр. 78.

[167] Собр. гос. гр. и дог., т. I, № 21.

[168] А. А. Э., т. II, № 18.

скій, Архангельскій и Ильинскій. [169] По инымъ же свидѣтельствамъ волости поставлены въ одинаковомъ разрядѣ съ станами; такъ въ духовной грамотѣ Князя Юрья Дмитріевича 1434 года сказано: «язъ благословляю сына своего Дмитрія меншего городомъ Галичемъ и съ станы городскими и совсѣми волостьми». [170] Или въ Никоновской лѣтописи подъ 1378 годомъ написано: «Онижъ шедъ взяша Трубчевскъ, и иныя многія станы и власти повоеваша» [171] Изъ разныхъ актовъ видно, что иные уѣзды дѣлились только на волости, а другіе только на станы, иные же и на волости и на станы. Напримѣръ, по межевымъ Ярославскимъ книгамъ 157 года письма и мѣры Тимоѳея Исаевича Линева, Ярославскій уѣздъ составляли волости: Жары, Каеть, Кокисера и Ухра, и ни одного стана. Напротивъ того Московскій уѣздъ по приправочнымъ и межевымъ книгамъ 7085 года дѣлился только на станы, которые были слѣдующіе: Васильцовъ, Кошелевъ, Почерневъ, Шеренской, Объѣзжей, Горетавъ, Сурожскій, Манытинъ, Боховъ, Ворь и Корзеневъ, Родонежь и Бѣли. [172] Старицкій же уѣздъ дѣлился на станы и волости; такъ въ мѣновой грамотѣ 1566 года значится: «А по книгамъ письма Князя Дмитрія Волконскаго лѣта 7027 къ городу Старицѣ станы Вяткинъ да Михновъ, да волости Бѣлгородская Мерско, Дмитроково рукавъ ..... А къ Дмитрову по книгамъ письма Князя Ивана Андревича Звѣнигородскаго съ товарищи лѣта 7070 станы: Повельской, Вышегородской, Инобожской, Лутосенской, Раменской, Берендѣевской, да въ Юлкѣ Троецкой Бортной, да дворцовыя села. [173] Вообще можно замѣтить, что въ самыхъ древнихъ Московскихъ грамотахъ уѣзды дѣлились только на волости. Такъ въ Духовной грамотѣ Калиты говорится: «се далъ есмь сыну своему Семену... Коломну со всѣми Коломенскими волостьми»; или въ Духовной его сына Іоанна II писанной въ 1356 году стоитъ: «Князю Ивану Звѣнигородъ совсѣми волостьми.» [174]

---

[169] Тоже свидѣтельствуетъ и Писцовая Тверская книга 1540 года, въ которой волость Хорвачь раздѣлена на станы: Юрьевскій, Горецкой и Воскресенской. Арх. Вотч. Депар., № 18.

[170] Собр. Гос. гр. и дог., т. I, № 51.

[171] Ник. лѣт., т. IV.

[172] Арх. Вотч. Депар., № 2.

[173] Собр. Гос. гр. и дог., т. I, № 187.

[174] Тамъ же, № 26.

Тоже въ Духовной Дмитрія Ивановича Донскаго [175] и сына его Василья Дмитріевича; [176] а также и у Василья Васильевича [177] о станахъ нѣтъ нигдѣ и помину; но въ Духовной Ивана Васильевича III-го уже являются и станы; такъ онъ говоритъ въ ней: «А даю сыну Василью городъ Москву съ волостьми и съ путьми и зъ станы, и зъ селы, и зъ дворы городскими со всѣми, и зъ слободами». [178]. Такимъ образомъ рядъ духовныхъ грамотъ Великихъ Князей Московскихъ, отъ Ивана Даниловича Калиты до Ивана Васильевича III-го, служитъ прямымъ свидѣтельствомъ что уѣзды Московскихъ владѣній до Іоанна III дѣлились на волости; на станы же начали дѣлиться только при Іоаннѣ III-мъ, и кажется, станы именно замѣнили прежнія волости, ибо памятники ясно показываютъ, что прежнія волости при Іоаннѣ III получили названіе становъ, напримѣръ: въ Московскомъ уѣздѣ—Сурожикъ, Воръ, Корзенево, Радонежъ и Бѣли, названныя въ Духовныхъ Калиты и Донскаго волостьми, въ межевыхъ книгахъ 7085 и 86 годовъ уже называются станами; или въ Дмитровскомъ уѣздѣ, по Духовной Донскаго волости Вышегородъ, Берендѣева слобода, Лутосна, Инобомь, по мѣновой записи Царя Ивана Васильевича съ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ уже значатся станами,—Вышгородской, Инобошской, Лутосепской, Ра.енской, Берендѣевской. [179]. Съ учрежденіемъ же становъ, волости заняли уже старое мѣсто, т.-е., станы начали подраздѣляться на волости. Напримѣръ, въ одномъ слѣдственномъ дѣлѣ 1613 года, сказано: «Обыскивати въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ въ Заозерскомъ стану, въ Тумбаской волости»..... Или тутъ же: «въ Бѣлозерскій станъ, въ Заозерскій станъ, въ Бадосскую волость». Или въ судномъ дѣлѣ 1680 года: «а въ допросѣ сказался Бѣлозерскаго уѣзду, Заозерскаго стану, волости Липина Борку, деревни Дорины». [180]. Впрочемъ таковый порядокъ не вдругъ былъ заведенъ по всѣмъ вѣдомствамъ Московской администраціи, и прежнее дѣленіе на волости держалось еще долго, и въ разныхъ древнихъ памятникахъ Московской администраціи. Мы нерѣдко встрѣчаемъ волости въ одномъ значеніи съ станами; напримѣръ, какъ мы уже

---

176 Тамъ же, № 34.

177 Тамъ же, № 42.

178 Тамъ же, № 86.

179 Соб. Г. Г. и Д. т. 1. № 144.

180 Тамъ же № 187.

181 Ак. Юрид. №№ 27 и 30.

видѣли, по межевымъ книгамъ 7157 года, въ Ярославскомъ уѣздѣ не было становъ, а одни только волости,—Жары, Каеть, Кокшера и Ухра; или въ переписной Каширской книгѣ 7154 года, помѣстныя и вотчинныя земли раздѣлены на станы, а дворцовыя — на волости.

Волость или въ послѣдствіи станъсоставляли отдѣльную часть уѣзда, и состояли изъ нѣсколькихъ селъ, слободъ, деревень, приселковъ и починковъ, которые управлялись однимъ волостелемъ или становщикомъ; имѣли общую раскладку податей и повинностей; подлежали одному суду, такъ что въ случаѣ суда между двумя лицами, разныхъ волостей или становъ, волостели должны были судить съ общаго согласія другъ съ другомъ и дѣлиться доходами отъ суда пополамъ; даже въ случаѣ выдачи въ замужство дѣвицъ изъ одной волости въ другую, полагалась особая пошлина извѣстная подъ именемъ выводной куницы; при неотысканіи убійцы дикая вира раскладывалась на всю волость, гдѣ найденъ былъ убитый. Все это можно найти въ любой уставной грамотѣ, а поэтому я здѣсь не дѣлаю ссылокъ. При описаніи волостей, разныя земли въ нихъ находящіяся слѣдовали въ такомъ порядкѣ: во 1-хъ, описывались земли помѣстныя по именамъ помѣщиковъ; во 2-хъ, порожнія помѣстныя земли, по именамъ ихъ прежнихъ владѣльцевъ; въ 3-хъ земли вотчинныя, по именамъ вотчинниковъ; въ 4-хъ, земли владычни или архіерейскія; въ 5-хъ, монастырскія или церковныя; въ 6-хъ, дворцовыя, и въ 7-хъ, черныя и оброчныя; причемъ для каждаго разряда земель составлялся особый итогъ, съ обозначеніемъ сколько пашенной и сѣнокосной земли и сколько лѣсныхъ и другихъ угодій, и сколько впустѣ, и въ живущемъ. Таковой порядокъ строго наблюдался во всѣхъ писцовыхъ, переписныхъ и дорожныхъ книгахъ.

Пятины, *присуды*, *губы* и *погосты* были собственно Новгородскія, а не Московскія административныя дѣленія земель. Пятина составляла пятую часть Новгородскихъ владѣній, въ каждой пятинѣ было по нѣскольку уѣздовъ, называвшихся въ Новгородѣ присудами, а въ каждомъ присудѣ было по нѣскольку погостовъ и волостей. Новгородскія пятины имѣли слѣдующія названія: *Деревская*, *Обонежская*, *Шелонская*, *Вотская* и *Бѣжецкая*. Каждая пятина дѣлилась на двѣ половины, погостовъ въ каждой пятинѣ и ея половинахъ было неодинакое число; такъ, напримѣръ, въ Обонежской пятинѣ, въ Заонежской половинѣ, было 42 погоста, а въ нагорной

половинѣ 36 погостовъ; въ Бѣжецкой же пятинѣ, въ Тверской половинѣ, 51 погостъ. [181].

Присудомъ въ Новгородскихъ владѣніяхъ назывался уѣздъ, т.-е. тоже, что и въ Московскихъ земляхъ, цѣлая страна, которая судомъ тянетъ къ извѣстному городу; въ каждомъ присудѣ былъ главный городъ и къ нему нѣсколько погостовъ или волостей. Объ этомъ ясно говорится въ писцовой Новгородской книгѣ 7090 года; вотъ подлинныя ея слова: «Да въ Вотцкой же пятинѣ Ноугородцкаго, Ореховскаго и Ладожскаго уѣзда, писцы недописали для войны нѣмецкихъ людей тринадцать погостовъ, какъ стояли подъ Орешкомъ и подъ Ладогою нѣмецкіе люди; въ Ноугородцкомъ присудѣ погосты Ильинской и Тигоцкой; въ Ореховскомъ присудѣ погосты: Спаской, Городенской, Воздвиженскій, Корбоселской, Ивановской, Куйвошской, Ильинской, Келтушской, Егорьевской, Лопской, Веденской, Дудоровской, Никольской, Ижорской и Ярвосельской; въ Ладожскомъ присудѣ погосты Пречистенской, Городенской, Ѳедоровской, Песоцкой, Егорьевской, Теребуженской и Малая Лопца. [182],

Губа и погостъ значили, что волость или станъ въ Московскихъ владѣніяхъ, т.-е. часть уѣзда; погосты преимущественно встрѣчаются въ Актахъ Новгородскихъ, а губы—въ Псковскихъ. Вотъ свидѣтельства о таковомъ значеніи губъ. Въ грамотѣ 1005 года сказано: «Пожаловалъ есмь Бориса Захарьича Бороздина, въ Новоторжскомъ уѣздѣ, въ Жилинской губѣ, селомъ Гавшинымъ съ деревнями» [183]; или въ грамотѣ 1623 года: «Въ Завелицкой засадѣ, въ Каменской губѣ, деревня Замогилье, въ Тецкой губѣ, деревня Выжлицъ; въ Изборскомъ уѣздѣ деревни Сенекой, деревня Овсѣевская; въ Гдовскомъ уѣздѣ, въ Чернской губѣ, деревня Калихновщина». [184]. Погосты иногда дѣлились на волости, но это, кажется, было уже чисто Московское нововведеніе, ибо волости, встрѣчающіяся въ Новгородскихъ погостахъ, преимущественно состояли изъ земель, принадлежащихъ Московскимъ князьямъ или дворцовыхъ, напримѣръ, въ писцовой Новгородской книгѣ, Вотцкой пятины, сказано: «Государевы, Царевы и Великаго

---

181 Арх. Вотч. Деп. №№ 665 и 666.

182 Вотч. Деп. Арх. № 659.

183 А. А. Э. т. I, № 141.

184 Тамъ же т. III, № 133.

Князя дворцовыя села и деревни и пустоши. Въ Хрепельскомъ погостѣ волость Хрепль; въ Никольскомъ, Бутковскомъ погостѣ, волость Бѣльская и волость Васильевская.[185]. Погосты встрѣчаются не въ однихъ Новгородскихъ административныхъ памятникахъ, но тамъ они означаютъ тоже что и села, и не принадлежатъ къ чисто-административному дѣленію уѣздовъ. Напримѣръ, въ переписной Каширской книгѣ 7154 года, сказано: «Да въ Ростовскомъ же стану погосты, на которыхъ погостѣхъ стоятъ бобыльскіе дворы: погостъ Нечаевскій, а на погостѣ церковь Покровъ Пресвятыя Богородицы, да бобыльскихъ дворовъ два» и проч. [186].

Въ Новгородскихъ административныхъ актахъ встрѣчаются *рядки* или *ряды*. Такъ назывались поселенія, имѣющія городовое устройство, но не имѣвшія уѣзда и приписанныя судомъ и данью къ городамъ. Они въ административномъ значеніи имѣли одинаковое значеніе съ селами. Такъ объ этомъ свидѣтельствуетъ писцовая Новгородская книга 7091 года, въ ней, при составленіи итога Бѣжецкой пятины, сказано: «И всего въ половинѣ въ Бѣжецкой пятинѣ помѣстныхъ, и вотчинныхъ, и монастырскихъ въ живущемъ опричь Государевой Дворцовой волости 28 селъ, да 17 селецъ, да рядокъ, да 425 деревень съ полудеревнею, на 21 починокъ». [187]). Здѣсь говорится о Вышневолоцкомъ рядкѣ, который въ писцовой книгѣ описанъ такъ. «Вышневолоцкій рядокъ на рѣкѣ на Лытнѣ, въ Никольскомъ погостѣ церковь Никола Чюдотворецъ, древяная, а въ церкви все церковное строеніе рядовичъ посадскихъ людей. Пашни церковные, межъ посадскіе пашни, по полосамъ въ разныхъ мѣстахъ, въ полѣ по 7 чети, а въ дву потомужъ. Да на Никольской же землѣ лавки по берегу, по рѣкѣ по Лытнѣ (лав.) Тимошки Проскурницына, (лав.) Ивашки Горбатаго и проч .. На Вышнемъ же Волочкѣ поконецъ по саду онбаръ Ямчужный, да у онбара дворъ Ямчужнаго мастера. На Вышнемъ же Волочкѣ дворы тяглыхъ рядовичъ посадскихъ людей. Отъ зелейнаго онбару на Ноугородцкой сторонѣ, по рѣкѣ, по Лытнѣ, по берегу: (Дв.) Онанья Степанова, да съ нимъ же во дворъ Меншикъ Александровъ, по берегу поперекъ пол-семы сажени, а вдлину по улицѣ 8 саженъ, подлѣ его двора огородъ вдлину 12 саженъ, а поперекъ 6

185 Арх. Вотч. Деп. № 659.

186 Арх. Вотч. Деп. № 323.

187 Тамъ же № 665.

саженъ, оброку 4 алтыны (Дв.) Иванко Степановъ сапожникъ по берегу поперекъ по улицѣ пол шесты сажени, а вдлину 11 саженъ» и проч. (такимъ образомъ описано 45 дворовъ). Пашни рядовскіе посадскіе, въ разныхъ полосахъ 24 чети, да перелогомъ и лѣсомъ поросло 40 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 1156 копенъ; а обежъ въ живущемъ двѣ, а въ пустѣ четыре; а оброку по 5 алтынъ по двѣ денги съ двора опричъ пошлинъ».

Раздѣленіе земель для раскладки податей и повинностей.

Всѣ земли Московскаго Государства городскія и не городскія приведенныя въ извѣстность, т.-е. описанныя и измѣренныя, при росписаніи ихъ для сбора податей и раскладки повинностей и службъ, раздѣлялись во 1-хъ, на *сохи и чети*; во 2-хъ, на *выти и обжи*, и въ 3-хъ, кости.

Сохою называлась въ административномъ языкѣ Московскаго Государства самая большая условная единица земли, признаваемая главною мѣрою при раскладкѣ податей и повинностей. Учрежденіе этой мѣры относится къ первымъ вѣкамъ Московскаго великаго княженія; въ первый разъ она упоминается въ жалованной грамотѣ Троицкому Сергіеву монастырю данной В. К. Дмитріемъ Ивановичемъ Донскимъ, гдѣ сказано: «Ино ненадобѣ дань ни посоха никоторая пошлина». [188] Но здѣсь *о посохѣ*, т.-е. *службѣ съ сохи*, говорится не какъ о нововведеніи, но какъ о пошлинѣ, т.-е. что уже шло издавна. Чисто ли это было Московское учрежденіе мы не знаемъ навѣрное; впрочемъ можно почти безошибочно предполагать, что если были гдѣ введены сохи внѣ Московскихъ владѣній, то сохи сіи отнюдь не походили на Московскія; ибо въ никоновской лѣтописи ясно говорится, что В. К. Іоаннъ III по завоеваніи Твери велѣлъ измѣрить тамошнія земли по *Московски въ сохи*, слѣдовательно Московская соха имѣла свою мѣру не одинаковую съ мѣрами другихъ княженій, которыя хотя бы и назывались сохами: это удовлетворительно доказываетъ отношеніе Новгородскихъ сохъ къ Московскимъ, которыя относились однѣ къ другимъ въ пропорціи 10: 1 [189] даже при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ.

---

[188] А. Ар. Э. Т. I, № 7.

[189] Писц. Новгор. книга 7090 года Ар. Вот. Деп. № 658. «И всего въ костицкомъ погостѣ въ живущемъ 9 обежъ съ полу-обжею, а впустѣ 117 обежъ; а

Соха, какъ чисто финансовая мѣра, означала только общую единицу платежную для сбора податей и раскладки повинностей, а по всему Государству по сему не могла быть постоянна одинакою геометрическою мѣрою земли; но измѣнялась по соображенію правительства со временемъ или государственными нуждами, съ мѣстностію, т.-е. съ отношеніемъ земли къ народнымъ промысламъ, съ качествомъ земли и наконецъ съ отношеніями поземельнаго владѣнія къ Государству. Всѣ сіи разносторонніе отношенія такъ разнообразили нашу древнюю сошную мѣру, что на первый разъ изслѣдователь, просматривая древніе памятники Московской администраціи, отчаивается составить стройное цѣлое изъ разнорѣчивыхъ показаній объ этомъ запутанномъ предметѣ. И точно не принявши въ соображеніе помянутыхъ выше отношеній нельзя уяснить и привесть въ порядокъ сбивчивыя и разнорѣчивыя понятія о древней сошной мѣрѣ въ Московскомъ Государствѣ. А по сему для большей опредѣленности и ясности предмета я нахожу нужнымъ фактически уяснить измѣненіе сошной мѣры по каждому отношенію порознь. 1-е. Соха измѣнялась смотря по времени или соображаясь съ нуждами Государства. Вотъ на это факты. Въ Новгородской данной В. Князю Василью Васильевичу на черный боръ по Новгородскимъ волостямъ, писанной около 1437 года сказано: «Въ соху два коня да третья припряжь, да тшанъ кожевнической за соху, неводъ за соху, лавка за соху, плугъ за двѣ сохи, кузнецъ за соху, четыре пешцы за соху, лодья за двѣ сохи; прѣнь за двѣ сохи; а кто сидитъ на исполовьи на томъ взяти за пол-сохи». [190] Здѣсь Московскій Великій Князь, договариваясь съ Новгородцами въ сборѣ податей, по взаимному условію опредѣляетъ мѣру сохи. Очевидно, что еслибы соха имѣла постоянную опредѣленную мѣру, то не за чѣмъ бы было опредѣлять ее въ договорной грамотѣ, ибо Московскіе администраторы въ это время не въ первый разъ встрѣчались съ Новгородцами, и слѣдовательно хорошо должны были знать Новгородскія сохи, и не имѣли бы нужды условливаться объ ихъ мѣрѣ. Далѣе по завоеваніи Новгорода В. К. Иваномъ Васильевичемъ III мы видимъ неоднократную перемѣну въ измѣреніи

сошного письма въ живущемъ 3 сошки съ полу-третью сошки, а впустѣ 39 сошекъ; а Московскихъ сохъ въ живущемъ треть сохи безъ полутрети сошки; а впустѣ 4 сохи безъ получети сохи и четь сошки.»

[190] А. А. Э. Т I, № 32.

Новгородскихъ сохъ. Такъ въ писцовой Новгородской книгѣ 1500 года въ соху помѣстной земли было положено 21 обжа, а въ обжу три коробьи или шесть четвертей, слѣдовательно въ соху 126 четвертей; въ этой же книгѣ на соху монастырской земли приходилось три обжи, или 18 четвертей. [191] А въ писцовой Новгородской книгѣ 1539 года на соху положено три обжи, а на обжу четыре коробьи или 8 четвертей, слѣдовательно на соху 24 чегверти. [192] Эта же мѣра оставалась и по писцовой книгѣ 1545 года; [193] но въ писцовыхъ книгахъ 1582 и 1583 годовъ въ Новгородскую соху положено уже 30 четвертей или три обжи по десяти чегвертей въ каждой. [194] Притомъ самыя выраженія употребляемыя писцовыми книгами при опредѣленіи мѣры сохи, ясно указываютъ, что это опредѣленіе не было одинаковымъ и постояннымъ, но измѣнялось по соображенію администраторовъ; такъ въ писцовой книгѣ Обонежской пятины 1583 года сказано: «А по приговору бояръ Князя Ѳедора Михайловича Трубецкаго съ товарищи, да думныхъ дворянъ и дьяковъ Андрея Щелкалова да Аѳонасья Демьянова съ товарищи, писали пашни на обжу по 10 чети: [195] слѣдовательно можно было писать и больше и меньше, какъ приговорятъ бояре. И это непостоянство въ измѣреніи сохъ, смотря по времени, является не въ однихъ Новгородскихъ земляхъ, но и въ другихъ владѣніяхъ Московскаго Государства; такъ въ раздаточной Тверской книгѣ 1580 года въ Дворцовыхъ волостяхъ на соху доброй земли было положено 800 четвертей; [196] а въ книгѣ сошного письма хранящейся въ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ, и относящейся къ первой половинѣ XVI вѣка, въ дворцовыхъ волостяхъ въ соху доброй земли положено 1300 четвертей; [197] или въ этой же книгѣ, въ черныхъ волостяхъ на соху доброй земли полагается 600 чети; а въ писцовой книгѣ по городу Твери 1588, четыреста чети; [198] въ рукописи же находящейся въ библіотекѣ А. Дм. Черткова, въ чер-

---

191 Арх. Мин. Иностр. дѣлъ № 4.

192 Тамъ же № 5.

193 Тамъ же № 6.

194 Арх. Вотч. Деп. №№ 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669.

195 Тамъ же № 666.

196 Тамъ же № 16. 056.

197 № 1043.

198 Арх. Вотч. Денар. № 1.

ныхъ волостяхъ на соху доброй земли принимается пятьсотъ четвертей. На неодинаковость мѣры сохъ по времени прямо указываетъ одна царская грамота Тверскому намѣстнику, писанная въ 1589 году, гдѣ сказано: «а .та вотчина Воскресенская написана въ сошномъ письмѣ *тяжело* сго семдесять четыре чети; а до писца до Ондрея Клабукова платили онѣ съ тое свое отчины всякіе наши подати съ двунадцати четьи, и отъ того Ондреева письма и отъ всякихъ проѣзжихъ людей, и достальные крестьянишки разбрелися розно и стало пусго.» [199] Всѣ сіи факты прямо свидѣтельствуютъ, что Московское правительство увеличивало и уменьшало мѣру сохъ, соображаясь съ нуждами Государства, оно не измѣняло номинальнаго количества податей, опредѣленнаго для податной единицы или сохи, но увеличивало ихъ или уменьшало увеличеніемъ или уменьшеніемъ числа самыхъ единицъ при помощи сокращенія или расширенія сохъ въ ихъ объемѣ. Московскіе Государи не безосновательно считали эту мѣру настолько рѣзкою и ощутительною для народа какъ номинальное увеличеніе или уменьшеніе самыхъ податей, ибо ее прикрывали частые переходы крестьянъ не прикрѣпленныхъ къ землѣ.

2-е. Соха имѣла не одинаковую мѣру смотря по мѣстности или по отношенію земли къ народнымъ промысламъ. Въ краяхъ болѣе земледѣльческихъ, гдѣ доходы жителей преимущественно получались съ земли, гдѣ землѣпашество составляло главный промыселъ жителей, Московское правительство расширяло объемъ сохъ, тогда какъ въ то же время сокращало его въ странахъ ремесленныхъ или торговыхъ, гдѣ промыслы были въ меньшей зависимости отъ пространства земли, и даже иногда въ такомъ случаѣ не полагало никакого различія между сохами доброй, средней и худой земли. Такъ, напримѣръ, въ однихъ и тѣхъ же годахъ Московская соха въ Тверскомъ уѣздѣ полагалась для доброй земли въ 800 четвертей, для средней въ 1000 четвертей, и для худой въ 1200 четвертей; [200] тогда какъ въ Новгородской области безъ всякаго отношенія къ качеству она полагалась въ 300 четвертей для всѣхъ земель. [201] Въ иныхъ мѣстахъ для опредѣленія сохъ даже вовсе не обращалось вниманія на четвертную пашню, и соха опредѣлялась

---

[199] А. А. Э. Т. I, 343.

[200] Арх. Вотч. Деп. № 16, 056.

[201] Тамъ же № 659.

дворами; такъ въ грамотѣ 1646 года сказано: «Чердынскій уѣздъ росписать по писцовымъ книгамъ въ выти и въ сошное письмо противъ указу дворами, по 392 двора въ соху, а не противъ четвертные пашни » [203] И вообще въ городахъ, посадахъ, слободахъ и рядкахъ, такъ какъ собственно ремесленныхъ, а не земледѣльческихъ поселеніяхъ четвертная пашня вовсе не принималась въ разсчетъ при росписаніи сохъ, и всѣ размеры производились по дворамъ и промысламъ.

3-е. Сохи соразмѣрялись съ качествомъ земли. Въ этомъ отношеніи земли обыкновенно дѣлились на добрыя, среднія и худыя; здѣсь достоинство земли оцѣнивалось получаемыми съ нея доходами, и неравенство доходовъ необходимо должно было произвести неравенство платежныхъ единицъ относительно ихъ объема. Московское правительство, желая соблюсти сколько можно болѣе единства въ сборѣ податей и въ то же время уравнять плательщиковъ, необходимо должно было прибѣгнуть къ системѣ удобренія земель неравныхъ по своему качеству, и для этого положило для себя правиломъ дѣлать наддачу на сохи въ среднихъ земляхъ на четвертую долю противъ добрыхъ, а въ худыхъ на цѣлую половину; а посему если въ соху доброй земли полагалось 800 четвертей, то въ средней тысяча, а въ худой тысяча 1200 четвертей; или ежели въ соху доброй земли полагалось 600 четвертей, то средней 750, а худой 900 четвертей; впрочемъ это правило не вездѣ наблюдалось въ одинаковой мѣрѣ; напримѣръ по свидѣтельству рукописи о сошномъ письмѣ, хранящейся въ библіотекѣ А. Д. Черткова, а также и въ книгѣ сошной мѣры, принадлежащей Архиву Иностранныхъ Дѣлъ, для удобренія средней земли противъ доброй назначалась шестая доля, а для худой третья, т.-е. на 600 четв. доброй земли полагалось средней земли 700 четвертей, а худой восемьсотъ.

4-е. Соха соразмѣрялась съ отношеніями поземельнаго владѣнія къ Государству. Уставная Бѣлозерская грамота 1488 года говоритъ: «на Рождество Христово намѣстникомъ нашимъ дадутъ кормъ со всѣхъ сохъ, со княжихъ, и съ боярскихъ, и съ монастырскихъ, и съ черныхъ, и съ грамотчиковъ и со всѣхъ безомѣны съ сохи за полоть мяса два алтына, за десятеро хлѣбовъ

---

[203] А. А. Э. Т. VI. № 6.

десять денегъ, за бочку овса десять денегъ, за возъ сѣна два алтына». [204] Эта грамота, равно какъ и многія другія прямо показываютъ, что Московское правительство постоянно держалось одного правила, чтобы не разнообразить сборной податной единицы; по этому правилу всѣ землевладѣльцы Московскаго Государства номинально должны были платить одинакую подать, не смотря ни на какое различіе правъ, сопряженное съ тѣмъ или другимъ владѣніемъ; такъ какъ видимъ въ грамотѣ и княжескія и боярскія и монастырскія и черныя и грамотчичьи сохи должны были давать намѣстникамъ поровну по два алтына за полоть и проч. и таковое равенство сбора встрѣчается не только въ намѣстничьихъ доходахъ, но и во всѣхъ податяхъ и службахъ. А посему, чтобы не уничтожить правъ принадлежащихъ тому или другому поземельному владѣнію, и въ то же время не измѣнить правилу однообразія въ сборѣ податей и раскладкѣ повинностей, Московское правительство необходимо должно было прибѣгнуть ко введенію различной мѣры плательныхъ единицъ, т.-е. для каждаго разряда поземельныхъ владѣній назначить особый объемъ сохи; такъ чтобы всѣ землевладѣльцы, номинально платя одинаковую подать, на самомъ дѣлѣ платили ее одни противъ другихъ больше или меньше, смотря по правамъ предоставленнымъ тому или другому владѣнію. Поземельныхъ владѣній, какъ мы уже видѣли, было пять разрядовъ: земли черныя, вотчинныя, монастырскія, дворцовыя и помѣстныя, почти столько же разрядовъ мы находимъ и въ измѣреніи сохъ: сохи черныя, сохи монастырскія, сохи помѣстныя и вотчинныя, сохи дворцовыя и сохи тарханныя или грамотчичьи. Первое мѣсто по тяжести податей и службъ занимали черныя земли, какъ непосредственная собственность общины и потомъ Государства; а посему и черныя сохи были мелче всѣхъ другихъ сохъ; ихъ maximum было 600, а minimum 400 четвертей для доброй земли. Второе мѣсто по мелкости сохъ занимаютъ монастырскія и владычни земли, не превышавшія въ своей мѣрѣ 600 четвертей для доброй земли; слѣдовательно и по тяжести податей онѣ были ближайшими къ чернымъ землямъ; а посему неудивительно, что правительство въ древности до самаго Царя Ивана Васильевича IV нисколько не вмѣшивалось въ переходы земель изъ вотчиннаго владѣнія въ монастырское или епископское. Государство

---

[204] А. А. Э. т. I, № 123.

здѣсь не теряло, а пріобрѣтало, потому что съ монастырскихъ сохъ, какъ ближайшихъ по мѣрѣ земли къ черными сохамъ, въ казну поступало болѣе доходовъ нежели съ вотчинныхъ земель. Да и самъ Иванъ Васильевичъ IV, нѣсколько сократившій переходъ земель изъ вотчинныхъ владѣній въ монастырскія, причиною таковаго сокращенія выставилъ только пользу службы; въ его дополнительной статьѣ къ Судебнику, изданной въ 1572 году, прямо сказано: »чтобъ въ службѣ убытка не было, и земля изъ службы не выходила«. [205]) Здѣсь, какъ мы видимъ, нѣтъ и помину объ убыли въ податяхъ отъ распространенія монастырскихъ владѣній, о чемъ бы, конечно, не упустилъ упомянуть законодатель, ежели бы казна сколько нибудь терпѣла отъ передачи вотчинныхъ земель монастырямъ; объ упадкѣ же службы отъ растраты вотчинныхъ земель мы имѣемъ ясное свидѣтельство, относящееся почти къ этому же времени; въ 1550 году Царь нашелся въ необходимости раздать служилымъ людямъ 118,000 четвертей земли въ одинъ разъ. [206]) Слѣдовательно, служба въ это время имѣла большую нужду въ земляхъ; а посему, чтобы не прибѣгать къ новой большой раздачѣ земель служилымъ людямъ, естественно было ограничить растрату вотчинъ, уже состоящихъ во владѣніи служилаго класса людей. Эта мѣра для Царя Ивана Васильевича тѣмъ была необходимѣе, что при переходѣ вотчинныхъ земель въ монастырскія онъ по тогдашнему своему положенію терпѣлъ двойную потерю: съ одной стороны ему приходилось вознаграждать потерю вотчинныхъ земель своими собственными, ибо помѣстья преимущественно назначались изъ дворцовыхъ земель, а съ другой стороны—переходомъ вотчинныхъ земель въ монастырскія усиливалась земщина, которую ему хотѣлось стѣснить. Здѣсь нельзя оставить безъ замѣчанія, что мѣра монастырскихъ и владычнихъ сохъ,—ближайшая къ мѣрѣ сохъ черныхъ, была стариннымъ учрежденіемъ въ Московскомъ государствѣ, ибо еще въ писцовой книгѣ 1506 года было уже различіе между помѣстными и монастырскими сохами; тогда на соху помѣстной земли, въ Новгородскомъ краю, полагалось 126 четвертей земли, а на соху монастырской земли только 18 четвертей. [207]).

Значительнѣйшею льготною передъ черными и монастырскими

---

[205] Ак. Ист. т. 1 № 154.

[206] А. А. т. 1 № 225.

[207] Арх. Иностр. Дѣлъ. № 4.

землями пользовались земли вотчинныя и помѣстныя. Ихъ сохи на цѣлую треть были крупнѣе высшей мѣры черныхъ и монастырскихъ земель, ихъ minimum равнялся 800 четвертей доброй земли на соху, а средней земли 1000 четвертямъ, худой же 1200 четвертей земли; причиною столь значительной привилегіи очевидно была служба вотчинниковъ и помѣщиковъ, которую они должны были нести съ своихъ земель. Кромѣ того, относительно вотчинныхъ владѣній нельзя упускать изъ виду и того, что они составляли частную собственность своихъ владѣльцовъ, и принадлежали Государству только по территоріи. То же, нѣкоторымъ образомъ, можно отнести и къ помѣстнымъ владѣніямъ, ибо они, образовавшись изъ дворцовыхъ земель, въ сущности своей, составляли собственность Государя, а не Государства.

Самый льготный классъ земель составляли подклетныя или дворцовыя земли. По свидѣтельству книги о мѣрѣ сошнаго и четвертнаго письма, принадлежащей Архиву Иностранныхъ Дѣлъ, на соху доброй земли въ дворцовыхъ владѣніяхъ полагалось 1300 четвертей. [208]. Слѣдовательно, дворцовыя земли платили болѣе нежели вдвое податей менѣе черныхъ земель; причина таковой льготы при сборѣ государственныхъ податей заключалась въ сильныхъ поборахъ съ сихъ сохъ въ пользу Государя непосредственно, чему мы уже видѣли ясное доказательство въ Тверской платежной книгѣ 1588 года, приведенной выше.

О тарханныхъ или грамотничьихъ сохахъ мы не можемъ сказать ничего опредѣлительнаго, ибо здѣсь не было общей мѣры, и все зависѣло отъ грамоты, данной частному владѣльцу. Сохи увеличивались и уменьшались рѣшительно отъ произвола Государя, который могъ или освобождать отъ извѣстныхъ податей, или растягивать сохи, чтобы платежъ былъ болѣе или менѣе легокъ для владѣльца, имѣющаго грамоту. Такъ, напримѣръ, льготною грамотою 1548 года вотчины и помѣстья путнаго ключника Дурова на четыре года были освобождены отъ всѣхъ податей и повинностей; [209] или въ царской грамотѣ въ Соль-Вычегодскую 1589 года велѣно вотчины Коряжемскаго монастыря отписать въ особыя сохи отъ посадскихъ и волостныхъ земель: «въ прошломъ 96 году послана къ тебѣ наша грамота, а велѣно тебѣ по той нашей грамотѣ ихъ мо-

[208] № 1043.

[209] А. А. Э. т. 1 № 218.

настырскую вотчину отъ посадскихъ людей и Окологородныя и Пачеозерскія волости отъ крестьянъ деревни и починки отписати о прочѣ». [210].

Относительно посадскихъ, слободскихъ и рядскихъ земель сохи измѣрялись не четвертями, а дворами. Здѣсь такъ же какъ и въ волостныхъ или уѣздныхъ земляхъ не было одинаковой и постоянной мѣры; такъ, напримѣръ, по свидѣтельству царской грамоты 1589 года, въ Соли Вычегодской, на посадѣ, положено было по 62 двора и полтрети двора въ соху [211]; а по грамотѣ 1646 года, на Чердыни кладено въ соху по 392 двора [212]); или по Крастининской таблицѣ сошнаго письма, на соху лучшихъ торговыхъ людей полагалось по 40 дворовъ, среднихъ людей по 80 дворовъ, молодшихъ по 160 дворовъ, слободскихъ по 320 дворовъ, бобыльскихъ по 960 дворовъ. По сошной же выписи 1574 года, въ Муромѣ на посадѣ въ соху было положено по 147 дворовъ молодшихъ людей [213]). При раскладкѣ въ сошное письмо посадскихъ, слободскихъ и рядскихъ земель, принималисѣ различныя отношенія, но очевидно, неодинаковыя съ отношеніями волостныхъ или уѣздныхъ земель, ибо по самому свойству сихъ земель къ нимъ нельзя было приложить нѣкоторыхъ отношеній, которыя прилагались къ уѣзднымъ землямъ; и во 1-хъ, здѣсь нужно было принимать въ разсчетъ качество земли, ибо доходы городской поземельной собственности условливались не плодородіемъ или безплодіемъ земли; во 2-хъ, здѣсь также не имѣло мѣста отношеніе земли къ промышленности жителей, ибо во всѣхъ городскихъ земляхъ промышленность всего менѣе связана съ землею; и въ 3-хъ, наконецъ, отношенія поземельнаго владѣнія къ Государству въ городскихъ земляхъ не имѣло никакого значенія, ибо въ раскладку или только черныя, или тяглыя городскія земли; всѣ же другіе виды поземельной собственности, извѣстные въ городахъ подъ именемъ бѣлыхъ или нетяглыхъ земель, не причислялись къ городскимъ сохамъ, и не шли въ мірской разрубъ. Этому свидѣтельствомъ служатъ всѣ дошедшія до насъ древнія писцовыя и переписныя книги и сошныя выписи. Итакъ, изъ отношеній, принимавшихся въ разсчетъ, при раскладкѣ въ сохи

---

[210] А. А. Э. т. 1 № 343.

[211] Тамъ же.

[212] А. А. Э. т. IV № 6.

[213] Ак. Юрид. № 229.

волостныхъ или уѣздныхъ земель, въ посадскихъ или слободскихъ земляхъ шло только отношеніе ко времени или нуждамъ Государства, что и свидѣтельствуетъ приведенная выше царская грамота 1589 года, гдѣ прямо сказано: «А у Соли на посадѣ, по вашему письму, живущихъ черныхъ 334 двора, а людей въ нихъ тожъ; а сошного письма пять сохъ съ третью и съ пол-пол-пол-третью сохи, а кладено въ соху по шестидесяти по два двора и пол-пол-трети двора». Здѣсь изъ словъ: *а кладено въ соху по шестидесяти по два двора и пол-пол-трети двора,* непосредственно выгекаетъ заключеніе, что можно было класть въ соху и больше и меньше дворовъ, и что число ихъ рѣшительно зависѣло отъ соображеній правительства, и не было опредѣленнымъ и одинаковымъ. Кромѣ отношенія къ нуждамъ правительства, при раскладкѣ городскихъ поземельныхъ владѣній въ сохи, принималось въ расчетъ различіе капиталовъ, что при раскладкѣ волостныхъ земель было опущено изъ виду; по этому различію городскія поземельныя владѣнія дѣлились на сохи лучшихъ торговыхъ людей, коихъ въ соху полагалось по 40 дворовъ: на сохи среднихъ людей, которыхъ число дворовъ увеличивалось вдвое противъ первыхъ; на сохи молодшихъ людей, коихъ число было вчетверо больше противъ лучшихъ людей; и на сохи бобыльскія, коихъ 24 двора равнялись одному двору лучшихъ людей. При таковомъ порядкѣ, хотя податная единица была одинакова для всѣхъ сохъ, но далеко не одинаково лежала на плательщикахъ, ибо доля подати, лежавшая на одномъ лучшемъ дворѣ, раздѣлялась между 24 дворами бобыльскими. Столь рѣзкое различіе между уѣздными сохами и городскими имѣло основаніемъ своимъ различіе капиталовъ, доставлявшихъ доходы; въ уѣздахъ основнымъ капиталомъ была земля, въ городахъ же промыселъ: земля, по сущности своей, не могла допускать сильнаго различія въ цѣнности; и потому уѣздныя сохи, въ отношеніи къ качеству земли, не могли увеличиваться или уменьшаться больше какъ на половину; промыселъ же, какъ плодъ и поприще способностей человѣка, разнообразился въ огромныхъ размѣрахъ; ибо и гость, торговавшій съ Ганзою и Константинополемъ и Персіею, былъ также промышленникъ, какъ и бобыль, выносившій на рынокъ лапти, сплетенныя имъ наканунѣ. Это-то столь сильное различіе между городскими промыслами, не допускаемое въ земледѣліи, было причиною что городскіе жители постоянно старались отстранять сельчанъ и деревенщиковъ отъ участія въ городскихъ промыслахъ; подати номинально были болѣе или менѣе одинаковы

для всѣхъ податныхъ классовъ, но раскладка въ сохи представляла огромную разницу, отъ которой и городскимъ жителямъ приходилось терпѣть большіе убытки въ случаѣ допущенія къ ихъ промысламъ не горожанъ; къ томужъ правительство у негорожанина имѣло въ виду одинъ только капиталъ, — землю, а посему у сего послѣдняго всякій промыселъ, сверхъ земледѣлія, не шелъ въ окладъ, и слѣдовательно, для него было много выгоднѣе нежели для горожанина,

Показавши различные виды сохъ, теперь слѣдуетъ перечислить дроби, на которыя дѣлились сохи. Дроби сіи были утверждены самимъ правительствомъ и постоянно оставались неизмѣнными; здѣсь основаніемъ служило дѣленіе сохи на два и на три; и поэтому было два разряда дробей, половинные и третные; къ первымъ принадлежали полсохи $^1/_2$, четь сохи $^1/_4$, пол-чети $^1/_8$, пол-пол-чети $^1/_{16}$, пол-пол-пол-чети $^1/_{32}$; ко вторымъ треть сохи $^1/_3$, пол-трети $^1/_6$, пол-пол-трети $^1/_{12}$ и пол-пол-пол-трети $^1/_{24}$. Это опредѣленіе дробей правительствомъ было необходимо, потому что частныя поземельныя владѣнія не всегда составляли полныя сохи; а посему при раскладкѣ податей и службъ необходимо было знать какая доля податной единицы падаетъ на дробь платежной единицы; безъ опредѣленія же самыхъ дробей въ разсчетѣ нельзя было избѣжать запутанностей и произвола сборщиковъ, и описчиковъ; чго все устранялось введеніемъ постоянныхъ и неизмѣнныхъ правилъ дробленія.

Общая условная единица мѣры сохъ была четь или четверть. Вѣроятно для принятія таковой общей мѣры основаніемъ служило прямое значеніе сохи, которое первоначально могло быть отнесено къ однимъ пахотнымъ землямъ, и только уже въ послѣдствіи получило переносное значеніе мѣры поземельнаго капитала и даже промысловъ, да и тутъ въ соху или въ негородскихъ владѣніяхъ однѣ только пахотныя земли, сѣнокосы же, лѣса и другія угодья принимались только не болѣе какъ придача къ пахотнымъ землямъ и имѣли свою мѣру: сѣнокосы въ копны, а лѣса въ версты и десятины; а посему всего естественнѣе было измѣрять негородскія сохи мѣрою посѣва, т. е. четвертями, или пространствомъ земли засѣваемымъ четвертью хлѣба, пространство сіе по обще принятому правилу въ администраціи Московскаго государства равнялось половинѣ десятины, о чемъ ясно сказано въ книгѣ сошнаго письма, принадлежащей Императорскому Обществу Исторіи и Древно-

стей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ; на десятину земли ржи сѣется двѣ чети. Ачто здѣсь говорится именно о тѣхъ четяхъ, на которыя дѣлилась соха, тому доказательствомъ служатъ многія мѣста писцовыхъ книгъ, гдѣ прямо писано, что сохи измѣрялись посѣвомъ. Такъ въ писцовой книгѣ Деревской пятины 1583 года сказано: «И всего въ 11 деревняхъ Духова монастыря пашни живущіе 19½ обежъ, ржи сѣютъ 195 чети, а въ пустѣ 78½ обежъ, а четвертныя пашни впустѣ 785 чети.» Или тамъ же: «(Дер.) Погорѣлое стоитъ на двое (в) Меньшичько Григорьевъ, (в) Илѣйка Ортемьевъ; а живутъ на полуобжѣ, ржи сѣютъ пять четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна косятъ 15 копенъ» [214]. Что же касается до отношенія четверти къ Новгородской обжѣ, то уже извѣстно, что въ писцовыхъ книгахъ этого времени на обжу полагалось десять четвертей. И такъ четверть не была собственно геометрическою мѣрою земли, но только примѣрнымъ исчисленіемъ поземельнаго дохода, геометрически же земля измѣрялась въ десятины, по 80 саженъ длиннику и по 40 саженъ поперечнику, или по 60 длиннику и 60 поперечнику; впрочемъ эта мѣра не была опредѣленною; такъ въ рукописи сошнаго письма, принадлежащей А. Д. Черткову, на десятину положено длиннику 80 саженъ, а поперечнику 30 саженъ. Но какъ бы то ни было древніе офиціальные документы прямо говорятъ, что земля измѣрялась десятинами, въ четверти же раскладывалась только для податныхъ сборовъ. Такъ въ грамотѣ 1580 года сказано: « а земли дати въ Хлыновъ подъ городомъ пустошь Семеновскую да Ямскую, пашни перелогомъ десять четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ; да къ той пустоши пожня въ Нероновскомъ лугу сѣна ставится 70 копенъ. И выбъ тѣхъ пустошей досмотрили и измѣрили въ десятины и всякіе угодья смѣтно». [215]. Или еще яснѣе въ Царской грамотѣ Новодѣвичьему монастырю на Черемшанской островъ 1696 года: «а велѣно ему Ивану съ сторонними людьми тое землю измѣрити въ десятины и положити въ четверти» [216].

При раскладкѣ земли въ чети въ нашихъ старинныхъ офиціальныхъ документахъ обыкновенно употребляется выраженіе: *столько-то чети* въ *полѣ, а въ дву потомужъ*. Это выраженіе указы-

[214] Арх. Вотч. Деп. 667.

[215] А. А. Э. т. I. № 305.

[216] Библіотек. Цогод. Сборн. № 279.

ваетъ на трехпольное хозяйство нашихъ предковъ, какъ ясно свидѣтельствуетъ Царская грамота 1512 года, гдѣ сказано: «И тыбы ѣхалъ на Ергольское да на ямскомъ дворѣ хоромы велѣлъ подѣлати, да и земли бы сіи отмѣрилъ къ яму ямщикомъ на пашню, и паженъ на сѣно и ямскимъ конемъ на выпускъ, чья земля нибуди, которая пришла вкругъ яму, во всѣхъ трехъ полѣхъ по десяти десятинъ въ полѣ да на 60 копенъ сѣна» [217]. По сему выраженіе, напримѣръ, *пять чети* въ *полѣ*, *а въ дву потомужъ*, надобно принимать такъ, что во всѣхъ трехъ поляхъ 15 четвертей, какъ у насъ и принято въ межевыхъ законахъ, чтобы, значущуюся въ старинныхъ писцовыхъ книгахъ каждую четь въ полѣ а въ дву потомужъ считать за полторы десятины или за три четверти. Слѣдовательно и въ сохахъ вездѣ число чети надобно принимать втрое, напримѣръ: если въ сохѣ сказано 1200 четвертей, то значитъ что здѣсь указывается только на одно поле, и по сему тутъ должно подразумѣвать, *а въ дву потомужъ*, т. е. что въ сохѣ во всѣхъ трехъ поляхъ было 3600 четвертей, а отнюдь не четыреста четвертей въ одномъ полѣ, и 1200 четвертей во всѣхъ трехъ поляхъ. Для примѣра я разберу показаніе раздаточной Тверской книги 1580 г. Въ этой книгѣ на соху положено по 1200 четвертей худой земли, а соха раздѣлена на 75 вытей, на выть же кладено по 16 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ; слѣдовательно на соху приходилось прямо 1200 чети въ полѣ а въ дву потомужъ, т. е. во всѣхъ трехъ поляхъ 3600 четвертей. [218].

Четверти также какъ и сохи имѣли свои дроби, они были слѣдующія: 1) осмина, т. е. $^1/_2$ четверти; 2) полуосмина $^1/_4$, 3) четверикъ $^1/_8$, 4) полчетверика $^1/_{16}$, 5) пол-пол-четверика $^1/_{32}$, 6) пол-пол-пол-четверика $^1/_{64}$ и наконецъ малый четверикъ $^1/_{128}$; эти дроби половинныя, которыхъ первоначальнымъ основаніемъ было раздѣленіе цѣлаго на два; потомъ слѣдовали дроби третныя въ такомъ порядкѣ: 1) третьникъ $^1/_3$, 2) пол-третника $^1/_6$, 3) пол-пол-третника $^1/_{12}$, 4) пол-пол-пол-третника $^1/_{24}$ и 5) малый третникъ $^1/_{48}$; третники еще раздѣлялись на третники четвертные и третники осминные.

Въ Новгородскихъ актахъ встрѣчается еще мѣра сохи коробьями. Эта мѣра была одинакова съ десятинною, т. е. въ каждомъ

[217] А. А. Э. т. I. № 156.

[218] Арх. Вот. Деп. № 16,056.

коробѣ было по двѣ четверти, какъ это свидѣтельствуетъ слѣдующее мѣсто одной писцовой Новгородской книги 1580 года, гдѣ сказано: «И всего за Ондреемъ Обуховымъ пашни паханые помѣщиковы и крестьянскіе десять коробей, а четвертные пашни двадцать четьи, да перелогомъ пашни 62 коробьи съ полукоробьею, да лѣсомъ поросло 40 коробей, и обоего перелогомъ и лѣсомъ поросло 102 коробьи съ полукоробьею, а четвертные пашни 205 четвертей». [219].

Мелкія платежныя единицы, на которыя непосредственно расписывалась и пахотная земля съ угодьями, и по которымъ раскладывался платежъ податей.

Мелкими платежными единицами назывались въ Московскихъ владѣніяхъ *выти*, а въ Новгородскихъ *обжи*. Выти подобно сохамъ не имѣли одинаковой мѣры, но измѣнялись иногда вмѣстѣ съ мѣрою сохъ, а иногда отдѣльно. Вмѣстѣ съ измѣненіемъ сохъ выти и обжи измѣнялись: 1-е. По отношенію ко времени или нуждамъ Государства: напримѣръ, въ писцовой Новгородской книгѣ 1583 г. сказано: «А по приговору бояръ князя Ѳедора Михайловича Трубецкаго съ товарищи . . . . . писали пашни на обжу по десяти чети». [220] Слѣдовательно можно было писать больше и меньше. Или въ приправочной книгѣ Московскаго уѣзда, 1571 года на соху Монастырской средней земли положено 35 вытей и по 20 четвертей въ выти; [221] тогда какъ по Крестиннинской таблицѣ въ такихъ же монастырскихъ земляхъ на соху назначено по 75 вытей, а на выть по 10 четвертей. 2-е. По отношенію къ качеству земли, выти на добрую землю сокращались, а на среднюю и худую расширялись; такъ по Крестиннинской таблицѣ въ помѣстныхъ земляхъ на выть доброй земли положено 12 четвертей, на выть средней земли 14 четвертей, и на выть худой земли 16 четвертей; или иначе на соху доброй земли 67 вытей безъ трети, на соху средней земли 71 выть съ полу безъ пол-пол-четверти выти и съ четверикомъ пашни, на соху худой земли 75 вытей. 3-е. По отношенію позе-

---

[219] Арх. Вот. Гет. № 658.

[220] Тамъ же. № 666.

[221] Тамъ же № 2.

мельнаго владѣнія къ Государству; такъ въ рукописи о сошномъ письмѣ, принадлежащей А. Д. Черткову, на соху доброй земли въ помѣстныхъ владѣніяхъ положено 67 вытей; на соху таковой же земли въ черныхъ волостяхъ 42 выти безъ трети; въ монастырскихъ же земляхъ на соху 50 вытей; или въ Тверской раздаточной книгѣ 1580 года въ дворцовыхъ земляхъ на выть кладено: доброй земли 16 четвертей, или 8 десятинъ; средней земли 18 четвертей или 9 десятинъ; худой земли 20 четвертей или 10 десятинъ; слѣдовательно, на соху въ добрыхъ земляхъ (которая тамъ положена въ 800 чети) 50 вытей; въ среднихъ земляхъ (въ 1000 четвертей соха) 55 вытей съ дробями; въ худыхъ земляхъ (по 1200 чети соха) 60 вытей. [222] Кромѣ того, смотря по владѣнію, иногда даже не полагалось различія въ вытяхъ въ отношеніи къ качеству земли; такъ въ Крестининской таблицѣ сошнаго письма въ монастырскихъ земляхъ на выть положено по десяти четвертей и въ добрыхъ и въ среднихъ и въ худыхъ земляхъ. Такимъ образомъ приведенные примѣры показываютъ, что выти измѣнялись вмѣстѣ съ сохами; но изъ нихъ же видно, что измѣненіе вытей производилось не по одинаковымъ правиламъ съ сохами: такъ, напримѣръ, въ помѣстныхъ владѣніяхъ на соху средней земли и противъ доброй земли дѣлалась наддача четверть сохи, а въ худой землѣ половина сохи; въ вытяхъ же по тѣмъ же владѣніямъ, на выть средней земли противъ доброй надлавалась одна шестая доля выти, а въ худой землѣ третья доля выти; или въ дворцовыхъ земляхъ, по свидѣтельству Тверской раздаточной книги 1580 года, гдѣ увеличеніе сохъ или наддача дѣлалась на четвертую долю и на половину; увеличеніе же или наддача вытей шла на восьмую долю въ средней землѣ и на четвертую въ худой. Теперь раждается вопросъ: что было причиною неодинаковости правилъ въ сокращеніи и расширеніи сохъ и вытей? Древніе официальные документы, сколько мнѣ извѣстно, не даютъ прямаго отвѣта на этотъ вопросъ; впрочемъ, нѣкоторымъ образомъ можно заключать, что различіе въ правилахъ основывалось на двухъ различныхъ взглядахъ на предметъ. При распредѣленіи сохъ, Московское правительство все свое вниманіе обращало только на землю, какъ на капиталъ, съ котораго должно было получать доходы. Слѣдовательно, при таковомъ взглядѣ, естественно главною цѣлію въ распредѣленіи сохъ было

---

[222] Арх. Вот. Деп. № 16,056.

возможное уравненіе платежныхъ единицъ смотря по получаемымъ съ нихъ доходамъ; тутъ вся забота состояла въ томъ, чтобы платежъ съ сохъ былъ одинаковъ. При распредѣленіи же вытей у Правительства были въ виду не одинъ поземельный капиталъ, но и плательщики, черезъ посредство которыхъ получался доходъ съ капитала. Ежели бы плательщики, т.-е. крестьяне, имѣли одинаковое состояніе, и каждый жилъ на цѣлой выти, то, конечно, Правительству лучше бы всего держаться при распредѣленіи вытей того же порядка, котораго оно держалось при распредѣленіи сохъ; но по состоянію плательщики были далеко не одинаковы между собою: иной жилъ на цѣлой выти, даже на двухъ и на трехъ вытяхъ, другой же только на полвыти, или четверти выти, и даже на двѣнадцатой долѣ выти. А посему правила, прилагавшіяся къ сохамъ, были неудобоприложимы къ вытямъ: такъ, напримѣръ, если-бы количество вытей на соху положить постоянно одинаковымъ для земель хорошаго, средняго и худаго качествъ, то выть земли худаго качества растянулась бы такъ обширно, что малосемейному и бѣдному крестьянину не подъ силу бы было совладѣть не только съ 12-ю, но даже съ 20-ю долею выти, а это повело бы къ излишнему дробленію вытей отяготительному въ администраціи; и наоборотъ въ краяхъ, гдѣ земледѣльцы богаты и въ силахъ обработывать большее пространство земли, слишкомъ мелкія выти естественно должны были сдѣлаться не нужнымъ дробленіемъ платежныхъ единицъ, несоотвѣтственнымъ съ наличными силами плательщиковъ. Все это поставило Московскую администрацію въ необходимость принять другія правила при распредѣленіи вытей, а не тѣ, которыя были приняты при распредѣленіи сохъ, и именно соразмѣрять величину вытей сколько можно ближе съ силами земледѣльцевъ. А отъ этого и произошло, что иногда въ земляхъ разныхъ по качеству выти были одинаковы, иногда же въ земляхъ, одинаковыхъ по раскладкѣ въ сохи, выти являлись не одинаковыми. Фактовъ на это можно представить не одну сотню, изъ которыхъ даже видно, что иногда при раскладкѣ вытей значеніе сохъ вовсе упускалось изъ виду. Это именно дѣлалось такъ: пахотная земля, принадлежащая извѣстному селу или деревнѣ, писалась особою статьею общимъ числомъ сколько приходилось на цѣлую деревню или село; выти же считались отдѣльно своимъ чередомъ черезъ сложеніе дробей, записанныхъ за крестьянами, даже не справляясь, придется ли число дробей вытныхъ на число четвертей пашни. Вотъ одинъ изъ многочисленнѣйшихъ образчиковъ

таковаго счета: въ писцовыхъ книгахъ Старицкаго уѣзда вотчинамъ Троицкаго Сергіева монастыря, писанныхъ въ 1594 году, сказано: «Въ Иворовской волости село Станишино, а въ немъ церкви Илья Пророкъ... А въ селѣ крестьянскихъ дворовъ (Д) Савка Левоновъ на чети выти, (Д) Иванко Ниловъ на чети, (Д) Гришка Михайловъ на чети, (Д) Оксенко Ональинъ на чети, (Д) Исачко Григорьевъ на полувыти, (Д) Филка Григорьевъ на полвыти, (Д) Иванко Герасимовъ на чети, (Д) Иванко Ивановъ начети, (Д) Иванко Кузминъ на полвыти, (Д) Казминъ Савельевъ на полвыти, (Д) Куземка Григорьевъ на чети, (Д) Гришка Нестеровъ на чети, (Д) Оргемко Іевлевъ на полвыти, (Д) Селуянко Кузминъ на полвыти, (Д) Михалко Ондреевъ на полвыти, (Д) Трафимко Іевлевъ на чети, (Д) Тимошка Семеновъ на чети, (Д) Ивашко Давыдовъ на чети, (Д) Томилко Пономаревъ на чети; пашни крестьянскіе середніе земли пятдесятъ чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна пятдесятъ три копны, лѣсу рощи елнику и березнику въ бревно 15 десятинъ да лѣсу пороснягу 9 десятинъ съ полу-десятиною; въ живущемъ шесть вытей съ полу-вытью. Тогожъ села деревни: (Дерев.) Шлеково а Шевцово Станишино тожъ; а въ ней крестьянъ: (Д) Тимошко Митрофановъ на чети, (Д) Иванко Ивановъ на чети, (Д) Первушка Ивановъ на чети, (Д) пустъ Тренки Григорьева жилъ на выти, (Д) пустъ Ширяйка Сидорова жилъ на чети, (Д) пустъ Латышовской жилъ на чети; пашни паханые середніе земли восмь чети, да перелогомъ двѣ чети съ осминою, да лѣсомъ поросло шесть чети въ полѣ а въ дву потомужъ, сѣна 17 копенъ, лѣсу пашенного три десятины; въ живущемъ выть безъ чети, а въ пустѣ полторы выти. (Дерев.) Чупрово, а въ ней крестьянъ: (Д) Гаврилко Алексѣевъ на чети, (Д) Петрушка Семеновъ на чети; пашни паханые середніе земли восмь чети, да перелогомъ 12 чети, да лѣсомъ поросло 16 чети въ полѣ а въ дву потомужъ, сѣна 15 копенъ; въ живущемъ полвыти. (Дерев.) Ѳалѣево, а въ ней крестьянъ: (Д) Тихонко Ивановъ на полчети, (Д) Некраско Ортемовъ на полчети, (Д) Осташко Васильевъ на полвыти, (Д) Васка Павловъ на чети, (Д) Панька Іевлевъ на чети, (Д) Серга Елизаровъ на чети, (Д) Гришка Филиповъ на чети пашни. Паханые середніе земли тридцать двѣ чети, да перелогомъ девять чети, да лѣсомъ поросло пашни семь десятинъ съ полудесятиною, сѣна 55 копенъ; въ живущемъ двѣ выти безъ чети. (Дерев.) Кошелево, а въ ней крестьянъ: (Д) Иванко Захаровъ на трети, (Д) Митька Григорьевъ на трети, (Д) Иванко Степановъ на трети, (Д) Богдашко Ивановъ на

трети, (Д) Сидорко Ивановъ на трети, (Д) Ѳедотко Климовъ на трети; пашни паханые середніе земли 31 четь съ осминою, да перелогомъ 12 чети съ осминою въ полѣ а въ дву потомужъ, лѣсу пашеннаго семь десятинъ съ полудесятиною, сѣна 60 копенъ; въ живущемъ двѣ выти.» Здѣсь видно прямо, что при раскладкѣ и счетѣ вытей принимали въ соображеніе только одни вытныя дроби, числящіяся за крестьянами, о количествѣ же земли, приходящейся на вытную дробь или на выть, раскладчики и не думали; ибо въ одномъ и томъ же году, въ одномъ и томъ же уѣздѣ, въ однихъ и тѣхъ же монастырскихъ вотчинахъ, и совершенно въ одинаковыхъ земляхъ по ихъ качеству, изъ четырехъ деревень ни въ одной не приходится по одинаковому количеству четвертей на выть: такъ въ Шевцовѣ 8 четвертей середніе земли приходятся на три четверти выти; а въ Чупровѣ то же количество четвертей на полвыти; или въ Ѳалѣевѣ 32 четверти пашни на одну выть и три четверти выти, въ Кошелевѣ же 31 четь съ осминою на двѣ выти. А еще разительнѣе несходство въ самомъ селѣ Станишинѣ, гдѣ пятдесятъ чети пашни приходится на шесть вытей съ полувытью. Все это показываетъ, что раскладчики заботились только о счетѣ вытей, чтобы знать, съ кого сколько требовать въ общую податную единицу; крестьяне же воздѣлывали землю сколько кому по силамъ, остальное же обращалось въ перелогъ или поростало лѣсомъ. Впрочемъ таковой порядокъ могъ быть только въ частныхъ владѣніяхъ, т. е. въ вотчинныхъ и помѣстныхъ земляхъ, гдѣ все зависѣло отъ произвольныхъ взаимныхъ условій землевладѣльца и крестьянина; въ черныхъ же и дворцовыхъ земляхъ этого не допускалось. Тамъ правительство напередъ опредѣляло мѣру вытей и ихъ отношеніе къ сохамъ, разумѣется, имѣя въ виду состояніе плательщиковъ, слѣдовательно держась неодинаковаго разсчета въ сохахъ и вытяхъ, и даже при одинаковомъ качествѣ земли, иногда разнообразя мѣру выти. Такъ, напримѣръ, въ Тверской писцовой книгѣ 1580 года письма и мѣры Григорья Ивановича Свѣчина, въ Кушалинской волости кладено на выть доброй земли восемь десятинъ, средней девять десятинъ и худой десять десятинъ, въ прочихъ же волостяхъ Тверскаго и Никулинскаго уѣзда въ той же книгѣ кладено на выть доброй земли шесть десятинъ, средней семь и худой восемь, по всѣмъ дворцовымъ владѣніямъ; причемъ смотря по угодьямъ росписано даже поскольку на выть сѣнокоса и лѣсу: напримѣръ, въ волости Воловичахъ дано на выть сѣна по сороку копенъ и по три копны волоковыхъ, лѣсу по три десятины. Или

въ волости Судмѣ сѣна положено на выть по десяти копенъ, лѣсу дровянаго по двѣ десятины. Или въ волости Шесткѣ дано на выть сѣна по четыре копны, а лѣсу по двѣ десятины. Въ Куталинской же волости сѣна крестьянамъ дано на выть по тридцати копенъ, лѣсу по двѣ десятины безъ чети. Даже въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ не всегда допускался произволъ владѣльцевъ при раскладкѣ вытей; такъ въ Новгородскихъ писцовыхъ книгахъ 1582, 83 и 84 годовъ мы находимъ общую мѣру обжи по десяти четвертей для всѣхъ земель и черныхъ и вотчинныхъ и дворцовыхъ и помѣстныхъ; также въ приведенной выше Тверской книгѣ, въ Куталинской волости мѣра выти по 8 десятинъ въ хорошей, по девяти въ средней и по десяти въ худой назначена не для однихъ дворцовыхъ земель, но и для монастырскихъ и помѣстныхъ.

Выти имѣли одинаковыя дроби съ сохами, т. е. дѣлились на два и на три. Это дѣленіе было слѣдующее: на два выти дѣлились на полвыти, четь выти, полчети выти, пол-пол-чети выти и пол-пол-пол-чети выти; на три-треть выти, пол-треи выти пол-пол-трети выти и пол-пол-пол-трети выти. Правила таковаго дѣленія были утверждены Правительствомъ и постоянно оставались неизмѣнными.

Какъ сохи, такъ и выти съ ихъ дробями еще имѣли одно общее названіе кости. *Костъ* въ административномъ языкѣ Московскаго Государства означала разрядъ категоріи одинаковыхъ единицъ относительно сбора податей и отправленія повинностей, которыя несли всѣ повинности и платили подати по общему разводу цѣлой кости. Такъ въ Царской грамотѣ данной Тольскому монастырю въ 1582 году сказано: «Что деи писана ихъ (Тольскаго монастыря) вотчина Спасскаго монастыря съ вотчиною въ одной кости; что деи Архимандритъ (Спасскій) Феодосѣй ихъ крестьянъ имая въ тюрму металъ, и ималъ всякіе подати на ихъ крестьянъ вдвое насильствомъ, и отъ его деи насильства запустѣло ихъ монастырскіе вотчины десять деревень, кои деревни были списаны съ Спасскою вотчиною въ одной кости. И мы ихъ пожаловали, по ихъ челобитью велѣли имъ дать росписную грамоту, и всякіе наши подати съ нихъ имать порознь». [223] Или въ подобной же грамотѣ данной въ 1589 году. «И велѣтибъ тѣ ихъ (Коряжем-

[223] Ак. Ар. Эк. т. I. № 313.

скаго монастыря) дворы и полянки и пажни отъ Соли отъ посаду опроче отписати, и наши бъ оброчныя и данныя денги съ тѣхъ ихъ дворовъ и съ пожень и съ полянокъ платити самимъ опрично посадскихъ людей: а съ Усольцы деи съ посадскими людьми въ однихъ сохахъ быти нельзѣ; потому что они накладываютъ на ихъ посадскіе дворы всякія наши подати не по ихъ промысломъ и по угодьямъ». [224]. Или еще яснѣе въ грамотѣ 1646 года: «велѣно Чердынцемъ уѣзднымъ крестьяномъ выборнымъ людемъ, Чердынской уѣздъ для платежу денежныхъ доходовъ росписать по писцовымъ книгамъ въ выти и въ сошное письмо порознь, по костямъ, кому съ кѣмъ ближе въ платежѣ быть» (226) при росписаніи земель на кости съ одной стороны обращалось вниманіе на качество сохъ, а съ другой на состояніе и промыслы плательщиковъ; по сему сохи равныя по платежу податей зачислялись въ одну кость, и имѣли общіе между собою разрубы и розметы, и наоборотъ сохи не подходящія подъ общій уровень писались отдѣльно особою костью съ тѣми которые съ ними одинаковы; отъ чего и произошло обычное въ древнихъ нашихъ оффиціальныхъ актахъ выраженіе. «Быть имъ въ однихъ сохахъ съ такими-то», или «съ такими-то въ однихъ сохахъ быть немочно», напримѣръ въ приведенной выше Царской грамотѣ 1589 года сказано: «А съ Усольцы деи съ посадскими людьми въ однѣхъ сохахъ быть нельзѣ», т. е. монастырскимъ дворамъ. Очевидно что монастырскіе дворы не могли быть въ одной кости съ черными дворами; ибо черныя и монастырскія сохи были только близки другъ къ другу, но отнюдь не одинаковы по платежу податей. Это различіе костей въ отношеніи къ качеству сохъ. Теперь разсмотримъ кости въ отношеніи къ промысламъ плательщиковъ. Въ отношеніи къ промысламъ плательщики состоящіе даже въ одной сохѣ, т. е. живущіе на одинакихъ земляхъ на черныхъ, или на вотчинныхъ или на другихъ какихъ, не могли верстаться между собою въ податяхъ и повинностяхъ, если ихъ промыслы были не одинаковы; напримѣръ земледѣлецъ не могъ идти въ разметъ съ рыболовомъ или ремесленникомъ, точно также разрубы посадскихъ людей не сходились съ разрубами селчанъ и деревенщиковъ. И посему люди принадлежащіе къ извѣстной сохѣ, но по своимъ промысламъ не подходящіе подъ общій уровень другихъ участни-

[224] Тамъ же № 343.

ковъ той же сохи, писались особою статьею, которая называлась костью, и получалу отдѣльную сотную, или выпись изъ общихъ писцовыхъ книгъ уѣзда, гдѣ прописывались всѣ дворы и земли причисляемые къ кости, и назначались подати и службы сообразныя съ промыслами пайщиковъ кости, по которой сотной они и верставались между собою. Напримѣръ въ сотной 1557 года данной на волость Барокъ, сказано: «Лѣта 7065 февраль 10 день, по Цареву и В. К. Ивана Васильевича всеа Русіи приказу, дана сотная съ Пашехонскихъ книгъ письма Ѳедора Ивановича Чулкова да дьякона Ѳедора Фатьянова; въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ волость Ивановъ-Борокъ, деревня сельцо Бережное на Шекснѣ, (Д). Захарка Малышкинъ, (Д) Спирка Матвѣевъ, (Д) Окишко Ивановъ, (Д) Ѳедко Ѳѳонинъ, (Д) Ивашко Погожей, пашни восемь десятинъ въ полѣ, а въ дву полѣхъ потомужъ, сена тридцать копенъ, да на Ившинѣ паволокѣ у рѣчки у Каменки тридцать копенъ, выть. Дерев. Косино Филиповъ починокъ, на рѣкѣ на Косинкѣ, (Д) Якимко Гридинъ, пашни полторы десятины въ полѣ а въ дву полѣхъ потомужъ, сѣна двадцать копенъ, полчетверти выти. Дерев. Бонема..... И всѣхъ деревень въ волости Иванова Борку 19, да деревень пустыхъ и пустошей 8, а дворовъ сорокъ, а людей въ нихъ 41 человѣкъ, да 13 дворовъ пустыхъ, пашни 77 десятинъ съ полудесятиною, перелогу 41 десятина въ полѣ, а въ дву полѣхъ потомужъ, сѣна 506 копенъ; а лѣсу чернаго болшаго бору и болота въ длину на четыре версты, а поперекъ на три версты..... а вытей десеть безъ трети выти и пол-пол-чети выти, и пол-пол-полтрети выти, да пустыхъ выть съ четью выти, а сошные пашни полтрети сохи..... И съ тое волости Иванова Борку ямскихъ денегъ имъ не платити, и посошные службы съ нихъ не наряжати, и города имъ не дѣлати; а за ямскіе денги и за посошную службу и за городовое дѣло, бити имъ Царевъ и Вел. Князи ѣзъ Порожской подъ деревнею подъ Олферовской.... А съ того Порожскаго ѣзу давати было имъ Царю и В. Князю оброку, съ году, на годъ по писцовымъ книгамъ, восмь осетровъ, двадцать пять стерлядей..... А приказщикова доходу съ тое волости, въ годъ на три праздники корму два рубля». (227). Здѣсь рыболовы отдѣлены по платежу податей отъ своихъ сосѣдей земледѣльцевъ, писанныхъ по общимъ писцовымъ книгамъ уѣзда въ однихъ сохахъ, по немогшихъ съ ними верстаться по своимъ промысламъ; и по сему рыболовамъ дана отдѣльная сотная, по которой бы они составляли особую кость, и верстались между со-

бою въ податяхъ, при разкладкѣ податей и повинностей принимались въ ращетъ не одни промыслы но даже состояніе плательщиковъ; а посему богатые и зажиточные члены извѣстной сохи составляли особую кость, средніе особую, бѣдные также особую; отъ чего бѣдные въ случаѣ притѣсненія со стороны богатыхъ, которые желали-бы съ ними равняться въ податяхъ, обыкновенно говорили; «намъ де съ ними въ одной кости быть тяжело, не по животомъ и промысломъ». Въ слѣдствіе таковаго разпорядка жители обыкновенно дѣлились на лучшихъ, среднихъ и молодшихъ, и каждый изъ этихъ классовъ составлялъ особую кость, и при раскладкѣ податей для каждой кости правительство назначало особую мѣру, которая обыкновенно означалась количествомъ дворовъ на соху, принималась плательщиками въ соображеніе при верстаньи между собою. Для образца таковаго порядка я здѣсь выписку изъ одной платежной книги Рязанскаго уѣзда писанной въ 7103 году: «Городъ Николы Зарайскаго, посадъ, а на посадъ въ острогѣ и за острогомъ тяглыхъ дворовъ лучшихъ людей пять дворовъ, а людей въ нихъ 8 человѣкъ; да середнихъ людей 25 дворовъ, а людей въ нихъ 36 человѣкъ; да молодшихъ и убогихъ людей 131 дворъ, а людей въ нихъ 164 человѣкъ; и всего тяглыхъ дворовъ лучшихъ, середнихъ и молодшихъ и убогихъ людей 161 дворъ, а людей въ нихъ 208 человѣкъ; да 24 двора бобыльскихъ, а людей въ нихъ 26 человѣкъ бобылей; да 13 дворовъ пустыхъ, да 12 мѣстъ дворовыхъ. А сошнаго письма въ живущемъ соха съ третью и пол-полчети сохи, а въ пустѣ четверть сохи; а въ соху положено лучшихъ людей по 80 дворовъ, а середнихъ людей по 100 дворовъ, а молодшихъ и убогихъ людей по 120 дворовъ. А впредь имъ въ Государевыхъ Царевыхъ и В. Князя Бориса Ѳеодоровича всея Русіи податяхъ верстатися самимъ по животомъ и по промысломъ; а бобыльскіе дворы въ сошное письмо не положены». [228]. Здѣсь по назначенію правительства лучшіе люди платили каждый дворъ восемдесятую долю податной единицы, середніе сотую и молодшіе или бѣдные стодвадцатую; и этими долями каждая кость версталась сама со-

---

[228] Книги платежныя Рязанскія письма и мѣры Василья Яковлевича Волынскаго да Ивана Аѳонасьевича Нащокина, да подьячаго втораго Ильина да Олексѣя Молохова лѣта 7103, 7104 и 7105 году.

бою уже безъ вмѣшательства со стороны правительства, какъ сказано въ актѣ: «а въ Государевыхъ податяхъ верстатися самимъ по животомъ и по промысломъ».

Жители, ихъ права и обязанности.

Въ Москвѣ равно какъ и въ другихъ городахъ Руси жители раздѣлялись прежде всего на земцовъ и княжчанъ, или на земщину и княжую дружину; первые носили названіе своего города или племени, Москвитяне, Любчане, Сѣверяне и проч., а вторые назывались по имени князя, Изяславля дружина, Мстиславля Ярославля. Различіе между земцами и княжею дружиною очень ясно выражено у Нестора вслѣдъ за описаніемъ Литвинской битвы Ярослава съ Мстиславомъ: «Мстиславъ же о свѣтѣ за утро видѣвъ лежачіе сѣчены отъ своихъ Сѣверъ, и Варягы Ярославлѣ, и рече: «кто сему не радъ? се лежитъ Сѣверянинъ, а се Варягъ, а дружина своя цѣла». [229]. Здѣсь Мстиславъ хотя и называетъ Сѣверянъ своими, но не признаетъ ихъ за одно съ дружиною, которая для него дороже Сѣверянской земщины. Таковое же различіе земщины отъ княжчины находимъ и въ Московскихъ оффиціальныхъ документахъ. Такъ въ договорной грамотѣ В. К. Дмитрія Ивановича Донскаго съ К. Владиміромъ Андреевичемъ писанной въ 1388 году сказано:

«А коли ти будетъ послати на рать своихъ воеводъ, а твоихъ бояръ кто иметъ жили въ моемъ удѣлѣ и въ великомъ княженьи, тѣмъ поѣхати съ моимъ воеводою, а моимъ потому же съ твоимъ воеводою. А Московская рать кто ходилъ съ воеводами, тѣ и нонѣча съ воеводами, а намъ ихъ не пріемати». [230]. Димитрій Донской прямо говоритъ, что Московская рать т.-е. земская совсѣмъ не то, что дружина княжая, что она ходитъ своихъ всеводами и князья не имѣютъ права вступаться въ нее (*«а намъ ихъ не пріимати»*), хотя она дѣйствуетъ за одно съ князьями и участвуетъ въ ихъ походахъ. То же подтверждаетъ во многихъ мѣстахъ Никоновская лѣтопись. Такъ подъ 1304 годомъ въ ней сказано, что К. Иванъ Даниловичъ узнавши о походѣ Тверичъ къ Переяславлю: «укрѣпи всѣхъ своихъ бояръ и переславцовъ и къ Москвѣ

---

229 Нест. по Лавр. сп., стр. 64.

230 Соб. Г. Г. и Д. Т. I, № 33.

посла совокупляя рать»; или при описаніи самой битвы съ Тверичами. «И выиде противу К. Иванъ Даниловичъ Московскій съ нимъ же Переславская рать единомысленно бѣ и крѣпко стояше, къ тому же приспѣла и Моск. рать» (Ник. III. 102); или говоря о битвѣ К. Святослава Брянскаго съ татарами въ 1310 г.: «Брянцы выдаша князя Святослава Глѣбовича Брянскаго, и стяги пометаша и сами побѣгоша, Князь же Святославъ точію съ своимъ дворомъ много биеся съ татары, послѣди убіенъ бысть въ полку» (III. 106). Я здѣсь поставилъ рядомъ свидѣтельство Нестора съ свидѣтельствомъ Московской договорной грамоты конца XIV вѣка собственно для доказательства, что Московская земщина имѣла одинаковое значеніе съ земщиною другихъ городовъ Руси, что различіе между земщиною и княжею дружиною не было какимъ-либо Московскимъ нововведеніемъ, но искони принадлежало всѣмъ городамъ Руси и начало свое ведетъ отъ призванія въ Новгородъ Рюрика съ его дружиною.

Земцами или земщиною назывались племенные и исконные жители города и его области; къ княжной же дружинѣ принадлежали пришельцы сопровождавшіе Князя и съ нимъ вмѣстѣ принятые городомъ. Пришельцы сіи первоначально преимущественно состояли изъ Варяговъ соплеменныхъ Рюрику, съ которыми онъ пришелъ въ Новгородъ и которые нѣсколько времени пополнялись новыми дружинами изъ Скандинавіи; но потомъ Князья стали принимать въ свои дружины всѣхъ охотниковъ безъ различія къ какому бы народу и племени они ни принадлежали; причемъ вмѣстѣ съ чужеземцами начали поступать въ княжескія дружины по разнымъ разсчетамъ и жители городовъ занятыхъ князьями. Когда потомки Александра Невскаго утвердились въ Москвѣ, то княжія дружины уже преимущественно состояли изъ городскихъ земцовъ, находившихъ болѣе выгодъ служить какому-либо князю чѣмъ зависѣть отъ городскихъ общинъ; въ это время къ предпріимчивому и ласковому князю толпами собирались дружинники со всѣхъ краевъ изъ Руси, изъ Германіи и даже изъ Орды; такъ напримѣръ къ В. К. Ивану Даниловичу Калитѣ изъ Орды пріѣхалъ Мурза Четъ, изъ Германіи Ондрей Кобыла, изъ преднѣпровья богатый и стариннаго рода земскій бояринъ Родіонъ Несторовичъ, который привелъ съ собою княжатъ и дѣтей боярскихъ и своего двора до тысячи семисотъ человѣкъ.

Дружинники жили въ городѣ только до тѣхъ поръ пока жилъ тамъ князь; съ удаленіемъ же или съ смертію князя удалялись

и его дружинники, и или приставали къ его наслѣдникамъ, или искали другихъ князей. Такъ по смерти В. К. Андрея Александровича по свидѣтельству Никоновской лѣтописи: «бояре его, съ ними же Акинфъ бояринъ его, поживотѣ его отъѣхаша во Тверь къ В. К. Михаилу Ярославовичу Тверскому», (Ник. Т. III. стр. 101.

Показавши различіе между земщиною и княжею дружиною теперь слѣдуетъ объяснить отношеніе ихъ другъ къ другу. Рюрикъ первый Русскій Князь, пришедшій изъ Скандинавіи въ Новгородъ, нашелъ уже тамъ сильную и богатую городскую общину, которая вела обширную торговлю съ востокомъ и западомъ и далеко распространила свои владѣнія въ сѣверо-западныхъ краяхъ нынѣшней Руси; община эта пригласила Рюрика только для введенія порядка и разбора ссоръ между родами ее составлявшими, *иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву или рядилъ по ряду*, какъ говоритъ намъ древнѣйшій лѣтописецъ Несторъ [231]. Преемники Рюрика постепенно распространявшіе свои владѣнія почти то же находили и въ другихъ городахъ Руси, которые имъ удавалось занимать по Днѣпру, по Западной Двинѣ, по Окѣ и по ихъ притокамъ; городскія общины, сильныя противъ немногочисленныхъ дружинъ княжескихъ, но болѣе мирныя чѣмъ воинственныя, почти вездѣ безъ сопротивленія принимали князей [232], но не какъ

---

[231] Лавр. сп. Нест., стр. 8. Подробно объяснено въ моей статьѣ о городахъ на Руси, помѣщен. въ журн. Министер. Народ. Просв. 1848 года, № 2.

[232] Такъ безъ сопротивленія занятъ былъ Кіевъ сперва Аскольдомъ и Диромъ, потомъ Олегомъ; такимъ же образомъ заняты Любечь, Смоленскъ, Черниговъ и Переяславль. О Смоленскѣ и Любечѣ лѣтописецъ говоритъ слѣдующимъ образомъ: «и прiиде къ Смоленску съ Кривичи и прiя градъ и посади мужъ свой. Оттуда поиде внизъ, и вся Любечь, и посади мужъ свой». (Лавр. стр. 10). О Переяславлѣ же и Черниговѣ онъ даже не упоминаетъ, какимъ образомъ они были заняты, и только уже въ договорѣ Олега съ греками называетъ ихъ зависящими отъ Олега. Но всѣ сіи города не были ничтожными деревушками, о ихъ богатствѣ и торговлѣ знали уже въ Константинополѣ, какъ свидѣтельствуетъ Императоръ Константинъ Багрянородный; слѣдовательно таковые города могли быть заняты или послѣ сильнаго боя, или по взаимному договору, но не какъ побѣжденные, а на условіяхъ равныхъ съ равными, какъ и можно заключить изъ договора Олега съ греками, гдѣ онъ равняетъ Русскіе города съ своею дружиною и требуетъ съ грековъ дани какъ для дружины, такъ и для городовъ, т. е. для земщины. Или еще яснѣе видно это въ договорѣ Игоря, гдѣ послы говорятъ о себѣ: «Посланіи отъ Игоря великаго князя Русскаго, и отъ всякая княжья,

побѣжденные побѣдителей, а какъ равные равныхъ; община уступала князю часть своей земли, * которою онъ могъ владѣть и надѣлить своихъ дружинниковъ, въ продолженіи всего того времени пока былъ княземъ города и его области, кромѣ того по взаимному согласію она давала ему опредѣленную дань и нѣкоторые доходы; князь же съ своей стороны принималъ на себя судъ и управу внутреннюю, и защиту общины отъ внѣшнихъ непріятелей, но не вмѣшиваясь самовластно въ распорядки общественниковъ [233]. Даже самая защита общины отъ внѣшнихъ непріятелей принадлежала собственно не одному князю и его дружинѣ, въ ней участвовала вся община и для сего имѣла свое городовое войско и своихъ предводителей, и въ этомъ отношеніи хотя она дѣйствовала за одно съ княземъ, но только тогда, когда княжія распоряженія были согласны съ волею народа, въ противномъ же случаѣ община оставляла князя, или требовала чтобы онъ дѣйствовалъ по ея желанію [234].

и отъ всѣхъ людіи Русскія земля». (Лавр. стр. 20). Здѣсь договоръ прямо говоритъ, что вмѣстѣ съ Княжими посланниками были и посланники отъ народа, отъ Земщины, чего конечно нельзя бы было допустить еслибы народъ былъ побѣжденъ и не добровольно принялъ князя на взаимныхъ условіяхъ равнаго съ равнымъ.

* Объ этой уступкѣ говоритъ В. К. Иванъ Васильевичъ Новгородцамъ въ 1478 году. «И о волостяхъ и о селахъ, чтобъ наша вотчина В. Новгородъ дали намъ волости и села, понеже намъ В. Княземъ Государство свое держати на своей вотчинѣ В. Н. безъ то нальзѣ». (Томъ 5, стр. 67).

[233] О княжескихъ земляхъ часто говорятъ наши лѣтописи; такъ на примѣръ при осадѣ Святослава Ольговича въ Новгородѣ Сѣверскомъ Мстиславъ Изяславичъ съ своими союзниками послалъ грабить села Игоревы и Святославля. (Ипат. стр.) а еще болѣе встрѣчается упоминаніе о таковыхъ селахъ въ оффиціальныхъ грамотахъ Московскихъ князей. Или по свидѣтельству Нестора Великой княгинѣ Ольгѣ былъ уступленъ Вышгородъ: «Бѣбо Вышегородъ гродъ Волзинъ». (Лавр. стр. 25).

[234] Такъ напримѣръ когда В. К. Изяславъ Мстиславичъ условясь съ своими союзниками о походѣ на К. Юрія Владимировича Долгорукаго, настойчиво началъ приглашать Кіевлянъ къ этому походу; то они прямо отвѣчали ему: «Княже! ты ся на насъ не гнѣвай, не можемъ на Володимірѣ племя руки взняти; огня же Олговичь, хотя и съ дѣтьми». (Ипат. стр.) или прежде при Изяславѣ Ярославичѣ народъ потребовалъ чтобы В. Князь вторично вооружился на Половцевъ; и когда Изяславъ отказался исполнить требованія народа; то Кіевъ объявилъ своимъ Княземъ Всеслава. А Москва оказывала свое неудовольствіе даже Іоанну III во время войны съ Ахматомъ; а Іоаннъ IV даже нашелся въ необходимости созвать соборъ во время войны съ Баторіемъ.

Права земщины очень долго сохраняли свою силу; и князья даже въ переговорахъ и расчетахъ между собою или передъ судомъ ханскимъ во время татарщины признавали голосъ земщины за одно съ голосомъ князей. Такъ въ 1296 году на съѣздѣ во Владимірѣ Переяславцы вмѣстѣ съ Тверскимъ и Московскимъ князьями стояли противъ князей Владимірскаго, Ростовскаго и Ярославскаго (Ник. Т. III. стр. 94), или Новгородцы неоднократно отправляли своихъ пословъ въ Орду, когда туда съѣзжались Русскіе князья.

Таковыя отношенія общины къ Князю условливали ея отношенія къ княжеской дружинѣ. Дружинникамъ, поселеннымъ между общинниками, предстояли двѣ задачи,—или сдѣлаться привилегированнымъ классомъ народа, или слиться съ общинниками. Въ первомъ они никогда не могли успѣть, ибо вся сила ихъ и все вліяніе заключалось въ силѣ и вліяніи князя, которому они служили; князь конечно былъ на ихъ сторонѣ, ему выгоднѣе было поддерживать преданныхъ и вполнѣ зависящихъ отъ него дружинниковъ а, не общину, которая была сильна и самостоятельна; но онъ нѣкоторымъ образомъ самъ зависѣлъ отъ общины, которая могла сказать ему: ты намъ не надобенъ, мы сыщемъ другаго князя [235]. Итакъ привилегированность дружинниковъ никогда не могла осуществиться какъ законъ, хотя иногда и осуществлялась на время какъ фактъ [236]. А посему дружинникамъ оставалось слиться съ общиною; но и это было не такъ легко, какъ кажется съ перваго взгляда; лучшимъ свидѣтельствомъ сему служитъ дружина князей московскихъ, которой при всѣхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ едва въ триста лѣтъ удалось успѣть въ этомъ. Здѣсь представлялись важныя препятствія.

Родословные и богатые общинники не охотно сближались съ чужеродными и часто иноземными дружинниками, которыхъ терпѣли только по необходимости. Пріобрѣтать поземельную соб-

---

[235] Подобныя выраженія не разъ употребляли Новгородцы, Кіевляне, Галичане, Ростовцы, Полочане и Владимірцы, Нижегородцы, другіе; но не Москвичи.

[236] Такъ напримѣръ въ Кіевѣ при Всеволодѣ Ярославичѣ и Святополкѣ Изяславичѣ, во Владимірѣ при Андреѣ Боголюбскомъ; но съ смертію сихъ князей дружинники падали, подвергались мщенію оскорбленной земщины, которая грабила ихъ имѣнія, а самихъ изгоняла.

ственность для дружинника было довольно трудно, ибо община не уступала ему ничего, а роды преимущественно старались удерживать свою землю за собою, чему служатъ доказательствомъ разныя узаконенія о правѣ выкупа родовыхъ вотчинъ родичами; дружинникъ могъ владѣть только землею данною отъ князя, или пользоваться доходами отъ поручаемой ему должности,—кормленіемъ, которое скорѣе отдаляло отъ него земщину, а не располагало къ нему. Сами князья для своихъ выгодъ конечно старались о соединеніи общины съ дружиною, но не иначе какъ когда земцы или общинники записывались въ дружинники [237]; переходъ дружинниковъ, въ земщину явно противорѣчилъ княжескимъ выгодамъ, и князья, не имѣя права удерживать при себѣ свободныхъ дружинниковъ рѣшительно всегда старались по крайней мѣрѣ ограничивать эту свободу допущеніемъ перехода къ другимъ князьямъ, а не къ общинникамъ или земцамъ, чему служатъ доказательствомъ всѣ договорныя грамоты Московскихъ князей, въ которыхъ постоянно повторяется одно и то же выраженіе: «а боярамъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля».

Такимъ образомъ для соединенія дружины съ земщиною оставалось одно только средство,—переходъ земцевъ въ дружину; а это естественно не могло сдѣлаться скоро, ибо земщина должна была дорожить своею самостоятельностію, и князь не могъ представить столько выгодъ, чтобы вся земщина, отступясь отъ своихъ правъ и безусловно перешла въ его службу; частные случаи таковыхъ переходовъ могли быть нерѣдки по неудовольствіямъ народичей или по другимъ разсчетамъ; но они мало имѣли вліянія на цѣлую земщину, и дѣйствіе ихъ такъ было слабо и медленно, что ни въ одномъ княжествѣ Руси, кромѣ Москвы, не совершилось полнаго поглощенія земщины дружиною, и даже въ нѣкоторыхъ произошло противное, дружина перешла на сторону земщины, и тѣмъ погубила своихъ князей, а вмѣстѣ съ князьями и самостоятельность княженій; такъ это было въ Нижнемъ

---

[237] Такъ В. К. Иванъ Васильевичъ защищалъ Новгородскихъ бояръ перешедшихъ въ его службу, его посланники прямо говорили Новгородскимъ боярамъ и народу «о боярехъ Новгородскихъ, и о дѣтехъ боярскихъ которые служатъ В. Князю, чтобъ имъ не мстити ни которою хитростію». (Таг. кн. 5, стр. 70).

Новгородѣ, * Смоленскѣ, ** въ Твери, Рязани и нѣкоторыхъ другихъ княженіяхъ, которыя всѣ покорились Москвѣ или Литвѣ [238].

Для поглощенія земщины княжескою дружиною, кромѣ продолжительности времени, необходимыми условіями были: 1) богатство князя и постоянный успѣхъ въ предпріятіяхъ, отъ чего быстро увеличивалась дружина, ибо къ богатому, ласковому и счастливому князю болѣе собиралось охотниковъ служить; 2) постоянное удерживаніе власти въ одномъ княжескомъ домѣ, и особенно переходъ власти отъ отца къ сыну, а не отъ брата къ брату; ибо такимъ образомъ земщина постепенно сживалась и съ князьями и съ ихъ дружинниками, которые росли на ея глазахъ, и мало-по-малу роднились съ нею. Оба сіи условія очень удачно соединились въ домѣ Даніила Александровича, родоначальника Московскихъ великихъ князей: самъ Даніилъ успѣлъ соединить съ Москвою сильное Переяславское княжество, причемъ получилъ огромныя богатства, собранныя тамошнимъ княжескимъ родомъ; сынъ его Юрій покорилъ Коломну и Можайскъ, которыя доставили ему много земель для раздачи дружинникамъ въ помѣстья, а второй сынъ Даніиловъ Іоаннъ Калита такъ уже былъ богатъ сокровищами собранными отцомъ и братомъ и полученными въ добычу изъ разграбленной Твери, что могъ покупать не только села, но и цѣлые города, которые раздавалъ въ помѣстное и вотчинное владѣніе своимъ дружинникамъ; къ нему стекались на службу не только изо всѣхъ краевъ Руси, но изъ другихъ земель. Преемники Калиты также постоянно увеличивали свои богатства, и тѣмъ болѣе и болѣе привлекали къ себѣ дружинниковъ, такъ что нечувствительно ихъ дружина если не превзошла,

---

* Въ той же лѣтописи подъ годомъ 1301 К. Борисъ Константиновичъ Нижегородскій проситъ своихъ бояръ чтобы они защитили его отъ Московскаго князя, но тѣ сложась съ земщиною Нижегородскою измѣнили ему и предали городъ и князя В. К. Василію Дмитріевичу Московскому. Причемъ Московскіе бояре начали дѣло съ земщиною и вступя въ городъ собрали народъ колокольничьимъ звономъ на площадь (ibidem, стр. 240—41).

** О завоеваніи Смоленска Никон. лѣтопись говоритъ подъ 1404 годомъ. «Князю Юрью Святославовичу Смоленскому еще на Москвѣ сущу, а измѣнницы его Смоленстіи бояре, крамолу зду сотворивша послаша тайно къ Витовту глаголюще: скоро пріиди подъ Смоленскъ». (Ник. IV, стр. 309.)

[238] Соб. Г. Г. и Д. № 23.

то по крайней мѣрѣ уравновѣсилась съ земщиною какъ въ числѣ, такъ и въ богатствѣ владѣній. Домъ Даніила Александровича не менѣе былъ счастливъ въ непосредственномъ вліяніи на земщину. Въ немъ въ первые сто лѣтъ не было междоусобныхъ войнъ дядей съ племянниками;* Москва постоянно переходила сперва отъ старшихъ бездѣтныхъ братьевъ къ младшимъ—отъ Юрія къ Іоанну, отъ Симеона къ другому Іоанну, а потомъ отъ отцовъ къ старшимъ сыновьямъ. Московская земщина въ продолженіи всего этого времени не имѣла ни одного случая, гдѣ бы могла принять роль посредника между своими князьями, или гдѣ бы встрѣтилась съ новою княжескою дружиною. Она въ это время участвовала во всѣхъ военныхъ походахъ своихъ князей, и послѣ каждой войны болѣе и болѣе привязывалась къ нимъ, ибо всѣ войны оканчивались счастливо, и съ одной—стороны обогащали земщину участіемъ въ добычѣ, а съ другой—льстили ея самолюбію; она гордилась видя какъ князья старѣйшихъ земщинъ сгибались передъ ея князьями, и какъ знаменитѣйшіе города Руси постепенно другъ за другомъ становились въ разрядъ Московскихъ областей. Все это такъ привязывало Московскую земщину къ дому Даніила, что Москва считала этотъ домъ для себя роднымъ, и готова была пожертвовать всѣмъ для его благоденствія, что и доказывала во многихъ случаяхъ. Такъ десятилѣтній Димитрій Ивановичъ Донскій въ 1363 году изгналъ Димитрія Константиновича Суздальскаго изъ Владимира, смирилъ Ростовскаго князя Константина, выгналъ изъ княженій князей Галицкаго и Стародубскаго единственно стараніями Московскихъ бояръ, которые рады были случаю торжествовать надъ князьями другихъ городовъ. (Тат. IV, 198). Но эта любовь и привязанность Московской земщины къ своему княжескому дому далеко еще не была безусловною покорностію и совершеннымъ отступничествомъ отъ своей самостоятельности. Княжая дружина и Московская земщина хотя дружно и ревностно служили однимъ и тѣмъ же князьямъ, но еще не составляли одного нераздѣльнаго цѣлаго: каждая имѣла свои частные интересы, и

* Въ продолженіе первыхъ ста лѣтъ лѣтописи только одинъ разъ замѣтили несогласіе между Московскими князьями: въ 1305 году при Юрьѣ Даниловичѣ. Но и тутъ дѣло не доходило до войны, младшіе братья Юрьевы только отъѣхали въ Тверь къ его сопернику Михаилу, и вѣроятно жили тамъ недолго, ибо въ 1314 году одного изъ нихъ Аѳанасія мы уже видимъ участникомъ въ Юрьевомъ походѣ въ Новгородъ (Ник. III, стр. 104 и 109).

представители земщины земскіе бояре еще долго отличались отъ бояръ дружинниковъ, и наши лѣтописи нерѣдко отличали ихъ даже особымъ именемъ *вельможъ*. Такъ у Татищева подъ годомъ 1351 этимъ именемъ представители Муромской земщины отличены отъ бояръ княжескихъ. У него сказано: «Князь Юрій Ярославичъ Муромскій обнови градъ и постави дворъ свой во градѣ; также и бояре его, вельможи и купцы и черные люди поставиша дворы своя» (IV. 171); или въ Никоновской лѣтописи также отличены земскіе бояре отъ княжихъ подъ тѣмъ же годомъ: «Митрополитъ Ѳеогностъ посовѣтовавъ съ сыномъ своимъ съ В. Кн. Семеномъ Ивановичемъ и съ бояры и съ вельможи и послаша послы своя въ Царьградъ» (Ник. III, стр. 201); или подъ 1353 годомъ: «Рязанцы взяша Лопасню, вельможи и намѣстника В. Князя изимаше». (Тат. IV, 177). По этому Московскіе князья постоянно должны были вести себя съ большою осторожностію, и постепенно и незамѣтно уничтожать различіе между дружиною и земщиною и мало-по-малу ограничивать тѣ права земцовъ, которыя были не согласны съ великокняжескою властію. Такъ еще Симеонъ Іоанновичъ Гордый старался ограничить право перехода земскихъ бояръ отъ одного князя къ другому. Въ его договорной грамотѣ съ братьями, писанной въ 1341 году, сказано: «А что Олексѣ Петровичъ вшелъ въ каромому къ великому князю, намъ князю Ивану и князю Андрею къ собѣ его не пріимати, ни его дѣтий и не надѣятись ныего къ собѣ до Олексѣева живота, воленъ въ немъ В. Князь и въ его женѣ и въ его дѣтехъ» [239]. Но эта попытка, какъ несвоевременная и неудачная, была оставлена, и до самаго В. К. Ивана Васильевича III мы уже болѣе не встрѣчаемъ подобныхъ ограниченій, ибо князья болѣе находили выгодъ въ свободномъ переходѣ бояръ особенно земскихъ. Людей же нужныхъ и полезныхъ они умѣли перезывать къ себѣ опять, хотя бы даже они оставили Московскую службу вслѣдствіе какихъ-либо неудовольствій. Такъ напр. В. К. Іоаннъ Іоанновичъ въ 1358 году перезвалъ къ себѣ двухъ Московскихъ бояриновъ изъ Рязани, которые десять лѣтъ тому назадъ оставили Москву по случаю насильственой смерти Московскаго тысяцкаго Алексѣя Петровича [240]. Къ числу важныхъ ограниченій, которыя Московскіе князья ввo-

[239] Собр. Г. Г. и Д. Т. I, № 23.

[240] Татищ. Т. IV, стр. 185.

дили постепенно для стѣсненія земщины, безъ сомнѣнія принадлежитъ уничтоженіе должности Московскаго тысяцкаго, который представлялъ главу земщины, и нѣкоторымъ образомъ препятствовалъ полному развитію великокняжеской власти. Важность и большое значеніе должности земскаго тысяцкаго доказываютъ два случая записанные въ нашихъ лѣтописяхъ. Въ 1348 году, узнавши о насильственной смерти Московскаго тысяцкаго Алексѣя Петровича, народъ возмутился, сравнивалъ смерть его съ смертію В. К. Андрея Боголюбскаго, многіе же изъ бояръ бѣжали въ Рязань съ женами и дѣтьми [241]. А въ 1374 году, когда по смерти послѣдняго Московскаго тысяцкаго Василья Вельяминова В. К. Дмитрій Іоановичъ уничтожилъ званіе Московскаго тысяцкаго, то сынъ Васильевъ самовольно назывался тысяцкимъ и бѣжалъ въ Тверь, откуда съ согласія тамошняго князя отправился въ Орду вѣроятно съ жалобою на Димитрія [242]. Но подобныя жалобы уже потеряли свое значеніе: ханы болѣе не имѣли прежняго могущества и ничего не могли сдѣлать сильному Московскому князю, и мятежный самозванецъ тысяцкій былъ посланъ и привезенъ въ Москву, гдѣ его публично казнили на Кучковѣ полѣ; причемъ Московская земщина заплатила обильными слезами своему неблаговременному заступнику. Что со смертію Василья Вельяминова уничтожена должность собственно Московскаго земскаго тысяцкаго и что бѣжавшій въ Тверь сынъ его, Иванъ, добивался и стоялъ только за это земское тысяцство, а не за другое какое, это ясно свидѣтельствуетъ распоряженіе самого Димитрія Іоанновича, который сперва далъ должность великокняжескаго тысяцкаго второму Васильеву сыну Николаю [243], а потомъ и меньшому его брату Тимоѳею, о которыхъ обоихъ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ подъ 1380 годомъ, гдѣ они названы именно великокняжескими тысяцкими, а не московскими, какъ назывался ихъ отецъ [244]. Вскорѣ по

---

[241] «Убіенъ бысть, яко же К. В. Андрей Боголюбскій отъ Кучковичевъ, и бысть мятежъ великій на Москвѣ убивства того ради; тояжъ зимы по послѣднемъ пути большіе бояре Московскіе отъѣхаша на Рязань съ женами и съ дѣтьми». (Никон. лѣт. Т. IV,

[242] Татищ. Т. IV, стр. 232.

[243] Въ 1380 году передъ войною съ Мамаемъ: «Въ малѣ же бысть тихость отвсюду и Великому Князю бывшу на пиру у Микулы Васильевича тысяцкаго съ братомъ своимъ княземъ Володимеромъ Андреевичемъ, и со всѣми тогда пришедшими князи и воеводы, и се паки пріидоша вѣсти». (Тат. Т. IV, стр. 268).

[244] При описаніи битвы съ Мамаемъ въ 1380 году сказано: «Князь бо Глѣбъ,

уничтоженіи должности земскаго тысяцкаго уничтожено и званіе отдѣльныхъ земскихъ воеводъ, и земская рать передана подъ начальство княжескихъ бояръ. Еще при В. К. Дмитріѣ Іоанновичѣ Донскомъ Московская городская рать имѣла своихъ воеводъ. Такъ въ 1380 году на битву съ Мамаемъ ее велъ сынъ покойнаго тысяцкаго Тимоѳей Васильевичъ [245]. Или въ договорной грамотѣ Донскаго съ Кн. Владимиромъ Андреевичемъ, писанной въ 1388 году, сказано: «а Московская рать, кто ходилъ съ воеводами, тѣ и нонѣча съ воеводами, а намъ ихъ не пріимати» [246]. Но съ Василья Дмитріевича во всѣхъ уже договорныхъ грамотахъ повторяется одинаковое выраженіе: «а Московская рать ходитъ съ моимъ воеводою,» (т.-е. великокняжескимъ) [247]. Впрочемъ съ отмѣною отдѣльныхъ полузависящихъ отъ Князя земскихъ воеводъ не уничтожилось существованіе отдѣльной земской или городской рати не причастной къ великокняжескому двору или дружинѣ. Мы ее встрѣчаемъ еще въ полной силѣ при В. К. Иванѣ Васильевичѣ III-мъ [248], а слѣды ея оставались до позднѣйшаго времени въ такъ называемой службѣ *съ городомъ*, которая постоянно является во всѣхъ разрядныхъ книгахъ вплоть до преобразованія Русскаго войска, сдѣланнаго Петромъ Великимъ. Но тѣмъ не менѣе уничтоженіемъ должности земскаго тысяцкаго и отмѣною городскихъ воеводъ сдѣланъ былъ сильный ударъ земщинѣ: лучшія и богатѣйшія земскія фамиліи, не находя болѣе въ земской службѣ должностей имѣющихъ важное значеніе, волей-неволей должны были переходить въ великокняжескую дружину,

---

Брянскій и тысяцкій Великаго Князя Тимоѳѣй Васильевичъ храбріи и сильни зѣло крѣпце бьющеся и не дающе Татаромъ одолѣвати». (Татищевъ. Томъ IV, стран. 280).

[245] Тамъ же, стр. 273.

[246] Соб. Г. Г. и Д. Т. I, № 33.

[247] Тамъ же № 35. Догов. грам. В. К. Василья Дмитріевича съ К. Владимиромъ Андреевичемъ, 1389 года, № 45. Дог. Гр. В. К. Василья Васильевича съ Кн. Васильемъ Ярославичемъ Боровскимъ 1433 года, № 78. Дог. Гр. его же и съ нимъ же 1451 года № 84; его же съ нимъ же въ 1456 году.

[248] Такъ, напримѣръ, у Татищева подъ 1468 годомъ сказано: «Іюня 4, изъ Новгорода Нижнего застава Вел. Князя, Князь Ѳедоръ Хрипуновъ съ Москвичи идоша на Волгу». (Кн. V, стр. 5). Или подъ 1470 годомъ: «По великомъ дни на другой недѣлѣ послалъ В. Князь на Казанскія мѣста рать въ судѣхъ, воеводу Константина Беззубцева Александровича, а съ нимъ многіе».

дабы вовсе не лишиться вѣсу и уваженія въ народѣ и у Князя. Послѣдствія таковаго порядка дѣлъ лучше всего высказались при преемникѣ Василья Дмитріевича, сынѣ его Васильѣ Васильевичѣ, во время продолжительныхъ и упорныхъ войнъ его съ своимъ дядею Юріемъ Дмитріевичемъ и его сыновьями. Москва такъ крѣпко держалась за своего молодаго Князя, что ни малолѣтство его, ни превратности военнаго счастія—ничто не могло отдѣлить Москвичей отъ Василія. Москва нѣсколько разъ переходила то къ Юрію, то къ его сыновьямъ; но немосковскіе Князья ни разу не могли удержаться въ ней, Москвичи толпами шли къ своему Великому Князю, то въ Коломну, то на Бѣлоозеро, то въ Тверь, они почти только своими собственными средствами всегда успѣвали возвращать къ себѣ своего прирожденнаго Государя. Конечно такого дружнаго дѣйствія княжеской дружины и Городской земщины нельзя бы было ожидать, ежели бы дальновидный Василій Дмитріевичъ не успѣлъ воспользоваться любовью народа къ своему дому и не соединилъ интересовъ лучшихъ земскихъ фамилій съ интересами собственной дружины и слѣдовательно съ своими и своихъ потомковъ. Преемники Василія, вѣроятно руководимые своими дружинниками, которые видѣли въ томъ свою пользу, продолжали идти по проложеннымъ слѣдамъ, и до того привязали къ себѣ Московскую земщину, что безъ всякаго опасенія могли дать ей одинакое значеніе съ дружиною, и до того возвысить ее передъ другими земщинами, что служить по Московскому списку для всѣхъ дружинниковъ другихъ князей и для земщинъ иныхъ городовъ считалось уже привилегіею и высшимъ почетомъ. Московскіе Князья, принимая къ себѣ въ службу другихъ князей, ихъ дружинниковъ и бояръ изъ иныхъ городовъ, уже записывали ихъ по Московскому списку, а не по своему двору, какъ бывало прежде. Такимъ образомъ, не уничтожая Московской земщины, Московскіе государи безъ шума и безъ споровъ сдѣлали ее вѣрнѣйшимъ и надежнѣйшимъ орудіемъ для распространенія своей власти и для покоренія земщинъ другихъ городовъ Руси, которыя, правду сказать, видя умѣнье Московскихъ князей жить въ согласіи съ своею земщиною, за небольшими исключеніями почти не оказывали сильнаго сопротивленія; такъ что Московскому князю стоило только захватить или выгнать какого князя изъ его владѣнія, и тамошняя земщина спѣшила присоединиться къ Москвѣ.

Ближайшимъ слѣдствіемъ таковаго порядка дѣлъ было то, что земщина и Княжая дружина нечувствительно очутились при

одинаковыхъ правахъ, и только нѣкоторая разница осталась въ томъ отношеніи—принадлежалъ ли кто къ Московской или къ иногородной земщинѣ. А посему важнѣйшій вопросъ при изслѣдованіи различія правъ разныхъ жителей Московскаго государства состоитъ не въ показаніи, кто принадлежалъ къ дружинѣ или земщинѣ, но въ томъ, какъ раздѣлялись всѣ жители по классамъ или сословіямъ въ отношеніи ихъ обязанностей къ Государю и Государству. Въ этомъ отношеніи всѣ жители Московскаго Государства раздѣлялись на два общіе разряда, *на служилыхъ* и *не служилыхъ людей*. Служилые постоянно состояли на службѣ, и по первому требованію должны были являться туда, куда укажетъ Государь, безъ различія, была ли назначаемая служба гражданская, или военная, или придворная; неслужилые же занимались различными промыслами, и смотря по промысламъ и капиталамъ платили государственныя подати и отправляли разныя повинности; они также иногда требовались въ военную и гражданскую службу; но это всегда бывало только на извѣстные и опредѣленные случаи, и большею частію по выборамъ, производимымъ самими неслужилыми людьми между собою.

Быть служилымъ или неслужилымъ зависѣло отъ собственнаго произвола каждаго; каждый житель Московскаго государства, пока не причислился къ какому-либо извѣстному классу, обыкновенно назывался *вольнымъ Государевымъ человѣкомъ*[249]. Но такъ какъ Государство таковымъ вольнымъ людямъ не давало никакихъ правъ, кромѣ права личной безопасности, то естественно каждый стремился для обезпеченія своего существованія причислиться къ какому-либо классу, и обыкновенно поступалъ въ тотъ классъ, въ который его принимали, т.-е или дѣлался земледѣльцомъ, или какимъ-либо промышленникомъ, или служилымъ человѣкомъ, или поступалъ въ кабалу къ частному лицу; и смотря по тому принималъ на себя тѣ или другія обязанности въ отношеніи къ Государству, и вмѣстѣ съ тѣмъ уже свободно пользовался правами, принадлежащими тому или другому классу. Разумѣется крѣпостные люди не могли имѣть таковаго выбора, они составляли собственность своихъ владѣльцевъ.

Самыми старшими классами служилыхъ людей въ Московскомъ государствѣ, по свидѣтельству древнихъ официальныхъ гра-

---

[249] Ак. Юрид. №№ 198, 201, 203.

мотъ, были *бояре, слуги, ордынцы* и *дѣти.* Объ нихъ въ первый разъ упоминается въ договорной грамотѣ Симеона Іоанновича Гордаго съ братьями, писанной въ 1341 году; потомъ со времени В. К. Василья Васильевича между служилыми людьми являются *боярскіе дѣти*, о которыхъ въ первый разъ упоминаетъ договорная грамота В. К. Василья Васильевича съ К. Васильемъ Ярославичемъ, писанная въ 1433 году. И наконецъ съ Царя Ивана Васильевича начинаютъ упоминаться въ разныхъ официальныхъ актахъ *дворяне* какъ представители перваго класса служилыхъ людей, и далѣе, *стрѣлцы, казаки, затинщики, воротники, плотники, пушкари, кузнецы* и другіе.

Всѣ служилые люди принимались правительствомъ въ двоякомъ отношеніи: съ одной стороны оно смотрѣло на нихъ какъ на жителей извѣстной области или уѣзда и вслѣдствіе этого признавала въ нихъ извѣстныя права и обязанности наравнѣ съ прочими жителями той же области; а съ другой стороны оно видѣло въ нихъ только людей обязанныхъ извѣстною службою и съ опредѣленными правами службы.

(Объ обязанностяхъ и правахъ службы мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ; теперь же займемся общимъ обзоромъ правъ и обязанностей принадлежащихъ служилымъ людямъ какъ жителямъ извѣстной области или уѣзда.)

Въ этомъ отношеніи служилые люди принимались въ счетъ жителей уѣзда не по службѣ своей, а по владѣніямъ и землямъ имъ принадлежащимъ, по которымъ они и состояли судомъ и управою въ вѣдомствѣ начальниковъ уѣзда, и тянули въ дань и другія повинности вмѣстѣ съ неслужилыми земскими людьми. Вотъ на это свидѣтельство духовной грамоты К. Владимира Андреевича, писанной въ 1410 году: «А боярамъ и слугамъ судомъ и данью потянути по удѣломъ, гдѣ кто живетъ [250]. Службу же свою они несли не по отношенію къ мѣсту жительства, но по особымъ условіямъ сдѣланнымъ съ тѣмъ или другимъ княземъ, за которымъ и должны были идти по первому требованію; впрочемъ въ случаѣ нападенія непріятелей на тотъ уѣздъ гдѣ находились владѣнія служилыхъ людей, они должны были защищать его наравнѣ съ прочими жителями, хотя бы этотъ уѣздъ, принадлежалъ и не тому

[250]. Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I, № 40.

князю, которому они служатъ. Такъ договорная грамота В. К. Василья Дмитріевича съ Кн. Андреемъ и Петромъ Дмитріевичами говоритъ: «А боярамъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля. А хто которому князю служитъ, гдѣ бы ни былъ, полѣсти ему съ тѣмъ княземъ, которому служитъ; а городская осада, гдѣ кто живетъ тому туто и сѣсти»[251]. Таковое двоякое отношеніе служилыхъ людей и по службѣ и по имѣнію получило свое начало въ правѣ ихъ свободнаго перехода отъ одного князя къ другому. Князья, имѣя свои разсчеты въ дозволеніи свободнаго перехода, въ это же время должны были обезпечить неприкосновенность территоріи своихъ княженій, дабы не поставить ее въ зависимость отъ произвола частныхъ лицъ. А посему въ народномъ Русскомъ правѣ составилось общее правило, постоянно и неизмѣнно имѣвшее свою силу во всѣхъ договорныхъ грамотахъ между князьями, состоящее въ томъ, что *переходъ служебнаго лица отъ одного князя къ другому не простирается на недвижимую собственность переходившаго, и съ тѣмъ вмѣстѣ хозяинъ недвижимой собственности не лишается на нее своихъ правъ, несмотря на то, что перешелъ въ службу къ другому князю.* Это общее правило наблюдалось отъ древнѣйшихъ временъ вплоть до совершеннаго прекращенія удѣловъ. Для удостовѣренія я представлю здѣсь свидѣтельство двухъ договорныхъ грамотъ, принадлежащихъ къ двумъ крайнимъ точкамъ Московскаго удѣльнаго періода. В. К. Симеонъ Іоановичъ Гордый въ своей договорной грамотѣ съ братьями, писанной въ 1341 году, говоритъ: «А по животѣ кто изъ бояръ и слугъ иметъ служити у нашихъ княгинь и у дѣтей . . . . нелюбья не держати, ни посягати безъ исправы, но блюсти какъ и своихъ».[252] Почти то же повторяетъ и одинъ изъ послѣднихъ удѣльныхъ князей Владиміръ Андреевичъ, почти уже лишенный владѣтельныхъ правъ Царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ. Онъ въ своей записи, писанной въ 1554 году, говоритъ: «А которые бояре и дьяки и дѣти боярскіе и слуги сына твоего учутъ жити въ моей княжь Володимировѣ отчинѣ, на своихъ отчинныхъ замляхъ и на купляхъ: и мнѣ ихъ блюсти какъ и своихъ людей». [253] Въ этихъ двухъ актахъ указанія, на двоякое отношеніе служилыхъ людей по службѣ и владѣніямъ, выражены не совсѣмъ полно; но

[251] Ibid. № 37.

[252] Соб. Гос. Гр. и Дог. Т. I. № 23.

[253] Тамъ же № 169.

они здѣсь приведены только для опредѣленія границъ времени, когда дѣйствовало право перехода служилыхъ людей съ сохраненіемъ правъ на недвижимыя имѣнія, остававшіяся во владѣніяхъ государя, отъ котораго хозяинъ переходилъ въ службу другаго князя. Полное же и ясное выраженіе права перехода и двоякаго отношенія служилыхъ людей по службѣ и по владѣніямъ можно видѣть въ любой договорной грамотѣ, относящейся къ срединѣ Московскаго удѣльнаго періода. Для примѣра я здѣсь представлю свидѣтельство договорной грамоты В. К. Василья Васильевича съ Княземъ Михаиломъ Андреевичемъ Можайскимъ, писанной въ 1448 году. Въ этой грамотѣ ясно и опредѣленно сказано: «А кто иметъ жити твоихъ бояръ и дѣтей боярскихъ и слугъ въ моей вотчинѣ въ великомъ княженьи: и мнѣ ихъ блюсти какъ и своихъ. А кто иметъ жити моихъ бояръ и дѣтей боярскихъ и слугъ въ твоей вотчинѣ и тебѣ ихъ блюсти какъ и своихъ. А кто которому князю служитъ, гдѣ бы ни жилъ, тому съ тѣмъ и ѣхати, которому служитъ. А городная осада гдѣ кто живетъ, тому туто и сѣсти, опрочѣ бояръ введеныхъ и путниковъ. А бояромъ и дѣтемъ боярскимъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля».[254] Такимъ образомъ двоякое отношеніе служилыхъ людей по службѣ и по владѣніямъ имѣло своимъ основаніемъ чисто политическое начало, образовавшееся и развившееся въ продолженіе Московскаго удѣльнаго періода; но оно пережило удѣльный періодъ и продолжало существовать и во время единовластія Московскихъ Государей до самаго Петра Великаго; только изъ политическаго начала оно преобразилось въ общее административное правило,— *не смѣшивать условій службы съ условіями владѣнія.* А посему при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, при его сынѣ Ѳеодорѣ, даже при Михаилѣ Ѳедоровичѣ и въ первые годы царствованія Петра Великаго, мы не рѣдко встрѣчаемъ въ грамотахъ, что люди, по разрядамъ службы состоящіе по Переяславлю, Бѣлуозеру, Москвѣ, или другому какому городу, судомъ и управою и разными повинностями по мѣсту жительства и по имѣніямъ тянутъ къ Дмитрову, Владимиру, Коломнѣ или другимъ городамъ. Даже въ самомъ управленіи отношенія по службѣ были въ разныхъ вѣдомствахъ съ отношеніями по владѣніямъ; всѣ расчеты по службѣ находились въ вѣдомствѣ разряднаго приказа, который велъ чередъ службы

[254] Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I. № 70.

по разрядным книгамъ; расчеты же по владѣнію состояли въ вѣдѣніи помѣстнаго приказа или которой либо четверти, которыя вели свои счеты по писцовымъ, окладнымъ и смѣтнымъ книгамъ тѣхъ городовъ, въ уѣздѣ которыхъ находились недвижимыя имѣнія служилыхъ людей. Иногда правительство дѣлало попытки ограничивать и даже не допускать права владѣнія недвижимымъ имѣніемъ, ежели пріобрѣтатель не состоялъ на службѣ по тому городу, къ которому было приписано имѣніе. Такъ въ соборномъ приговорѣ 1551 года сказано: «И впредь въ Тфери и въ Микулинѣ, на Бѣлѣозерѣ, и на Рязани, и въ Оболенску иногородцомъ вотчинъ и купель не продавати» [255]. Но эти попытки не имѣли всеобщаго успѣха и не распространялись на всѣ земли Московскаго Государства, и отношенія по службѣ оставались по прежнему отдѣльными отъ отношеній по владѣніямъ или мѣсту жительства.

Первымъ классомъ служилыхъ людей были *бояре*. Этимъ именемъ въ нашихъ древнихъ официальныхъ памятникахъ первоначально означалось вообще все высшее первенствующее сословіе служилыхъ людей въ государствѣ, а не чинъ или должность, данныя тому или другому лицу. Боярами назывались вообще всѣ знаменитѣйшія и богатѣйшія фамиліи безъ различія—состояли ли онѣ въ службѣ дружинной или земской. Поэтому боярство было собственно родовымъ исконнымъ достоинствомъ извѣстныхъ фамилій и родовъ безъ всякаго отношенія къ степенямъ служебной іерархіи; каждый представитель боярскаго рода безъ различія, старшій или младшій, былъ уже бояриномъ, какъ скоро поступалъ въ службу. Такъ напримѣръ въ договорной грамотѣ В. К. Василія Дмитріевича съ К. Владимиромъ Андреевичемъ, писанной въ 1389 году, сказано: «А коли ми послати своихъ воеводъ изъ которыхъ городовъ, и твои бояре поѣдутъ съ твоимъ воеводою» [256]. Здѣсь прямо и ясно названо боярами цѣлое служилое сословіе, которому назначался особый княжескій воевода. Или у Татищева подъ годомъ 1369 сказано: «Олгердъ дойде рѣки Тростны и тамо изби сторожевой полкъ В. Князя Дмитрія Ивановича, заставу Московскую и князи и воеводъ и бояръ всѣхъ поби». Или тамъ же подъ 1372 годомъ: «Князь Михайло Александровичъ Тверскій пойде ратію

[255] Ак. Ар. Эк. Т. I. № 227.

[256] Собр. Г. Гр. и Д. т. I. № 35.

къ Дмитрову и взя съ града окупъ, а посады, власти и села позже, а бояръ и людей изымавъ приведъ во градъ Тверь» (стр. 224. томъ IV.) Еще раньше подобное свидѣтельство встрѣчаемъ въ Никоновской лѣтописи, гдѣ подъ 1370 годомъ сказано: «А Князь Великій Дмитрей Іоанновичъ Московскій по всѣмъ градамъ бояре и черные люди привелъ къ цѣлованью недаватись В. Князю Михайлу Александровичу Тверскому»[257]. Лѣтописецъ прямо противополагаетъ сословіе бояръ сословію черныхъ людей, и съ тѣмъ вмѣстѣ указываетъ на городскихъ или земскихъ бояръ не принадлежавшихъ къ княжеской дружинѣ, о которыхъ еще яснѣе свидѣтельствуетъ уставная Двинская грамота В. К. Василья Дмитріевича, данная въ 1398 году, въ ней сказано: «Пожаловалъ есмь бояръ своихъ Двинскихъ, также сотскаго, и всѣхъ своихъ черныхъ людей Двинскіе земли. Коли кого пожалую своихъ бояръ, пошлю намѣстникомъ къ нимъ въ Двинскую землю, или кого пожалую намѣстничествомъ изъ Двинскихъ бояръ, и мои намѣстницы ходятъ по сей моей грамотѣ Великаго Князя» [258].

Происхожденіе бояръ относится къ глубочайшей древности и было общимъ у всѣхъ славянскихъ народовъ. Собственно въ Россіи боярство появилось и развилось какъ необходимое слѣдствіе родоваго и общиннаго быта нашихъ предковъ. Всѣ древніе Русскіе города первоначально были общинами, составленными изъ нѣсколькихъ родовъ. Въ этихъ общинахъ каждый родъ имѣлъ своихъ старшинъ, первенствующихъ представителей въ семействахъ своихъ родоначальниковъ; и изъ этихъ представителей родовъ первоначально составились земскіе или городовые бояре, [259] которые въ нашихъ лѣтописяхъ въ древнѣйшія времена назывались *нарочитыми лучшими мужами держащими землю* [260]. Съ принятіемъ въ нашихъ городахъ Варяго-Русскихъ князей въ одну категорію съ земскими боярами стали знаменитѣйшіе княжіе дружинники, называвшіеся прежде мужами княжескими. [261] Названіе это скоро вырочемъ

---

[257] Ник. лѣт. т. IV, стр. 28.

[258] Акт. Арх. Эк. т. I. № 13.

[259] Моя статья о городахъ помѣщенная въ Журналѣ Минист. Нар. Просв 1848 г. № 2 объясняетъ этотъ предметъ во всей подробности.

[260] Лавр. лѣт. стр. 24.

[261] Ibid. стр. 9, 10, 13 и 19.

перешло въ названіе бояръ. Такъ уже въ Игоревомъ договорѣ съ Греками, вмѣсто *мужи* употреблено *бояре*, гдѣ послы Русскіе говорятъ Грекамъ: «И великій князь нашъ Игорь и бояре его, и людье вси рустіи послаша ны» [262]. Въ послѣдствіи времени бояре дружинники пополнялись новыми пришельцами изъ разныхъ странъ, которые поступали въ ряды княжихъ бояръ или по знаменитости своего происхожденія и по извѣстной славѣ въ бояхъ и совѣтѣ, или по особеннымъ заслугамъ, оказаннымъ Князю. Въ Московскомъ государствѣ бояре искони составляли главныхъ и всегда готовыхъ защитниковъ страны, они обыкновенно были первыми воинами и главными совѣтниками князей и въ то же время надежными и вѣрными исполнителями княжескихъ приказаній въ дѣлахъ суда и расправы [263]. Войско Московскихъ великихъ князей рѣшительно состояло изъ однихъ бояръ, которые вмѣстѣ съ собою приводили на службу и своихъ людей, съ своимъ оружіемъ и запасами; каждый бояринъ выводилъ съ собою вооруженныхъ людей, смотря по своимъ владѣніямъ и по помѣстнымъ землямъ, даннымъ отъ Князя. Внѣ военной службы бояре отправляли высшія придворныя должности: конюшихъ, ловчихъ, ключниковъ и другихъ; знаменитѣйшіе изъ бояръ засѣдали въ княжескомъ совѣтѣ, [264] а другіе управляли разными городами и областями подъ именемъ воеводъ и намѣстниковъ; въ эти должости иногда назначались и земскіе бояре, какъ мы уже видѣли въ вышеприведенной Двинской уставной грамотѣ 1398

---

[262] Ibid стр. 20.

[263] Соб. Г. Г. и Д. т. I. № 36 и 44.

[264] Князья во всѣхъ своихъ дѣлахъ постоянно держали совѣтъ съ боярами. На это наши лѣтописи представляютъ множество свидѣтельствъ: Такъ по лѣтописямъ приводимымъ у Татищева значится подъ 1368 годомъ: «Князь же Великій разумѣ яко недобрѣ бояре его о Князѣ Михаилѣ совѣтоваша; (стр. 212) или подъ 1366 годомъ: Князь же Вел. Дмитрій Ивановичъ совѣтоваше со Княземъ Владимиромъ Андреевичемъ и со всѣми своими старѣйшими боярами ежебы ставити градъ Москву каменный» (стр. 206); или подъ годомъ 1378· «той же (Митяй) по совѣту В. Князя Дмитрія Ивановича и бояръ его оставя архимандритію взыде во дворъ митрополичь» (стр. 245); или подъ 1389 годомъ: В. К. Дмитрій Ивановичъ въ завѣщаніи къ дѣтямъ говоритъ: «Бояръ же своихъ любите, честь имъ достойную воздавайте противо дѣла коегождо; безъ ихъ думы ничто же творите»: (стр. 350.) Или еще раньше В. Князь Симеонъ Ивановичъ Гордый въ своей духовной грамотѣ, писанной въ 1353 году, говоритъ своимъ братьямъ: «а слушайте бы есте отца нашего владыки Олексѣя, такожде старыхъ бояръ кто хотелъ отцу нашему и намъ добра». (Соб. Г. Г. и Д. т. I. № 24.)

года. Иные изъ бояръ посылались въ области для надзора за княжескими доходами съ какихъ-либо извѣстныхъ статей, и тогда они вообще назывались *путниками* или *боярами путными*, [265] и въ частности по статьямъ доходовъ они носили названіе боярина *конюшаго пути*, или *ключника съ путемъ*, или *ловчаго съ путемъ* и подоб. Наконецъ еще князь иногда посылалъ бояръ для суда и расправы въ частныхъ дѣлахъ по жалобамъ и челобитьямъ частныхъ лицъ или обществъ мимо намѣстниковъ и волостелей, и тогда они обыкновенно назывались *боярами или судьями введеными* [266].

Бояре въ отношеніи къ службѣ пользовались большими правами: 1.Они какъ люди совершенно свободные могли безпрепятственно перемѣнять службу и переходить отъ одного князя къ другому, что, какъ мы уже видѣли, подтверждалось всѣми договорными грамотами князей другъ съ другомъ; изъ иныхъ грамотъ даже видно, что князья обязывались не держать нелюбья на таковыхъ отъѣзщиковъ. Такъ въ договорной грамотѣ В. К. Дмитрія Ивановича съ К. Владимиромъ Андреевичемъ 1362 года сказано: «А кто будетъ бояръ и слугъ къ тобѣ брату моему молодшему отъ мене отъѣхалъ до сего доконьчанья, или по семъ доконьчаньи къ тобѣ пріѣдетъ, па тѣхъ ми нелюбья недержати». Но съ постепеннымъ ослабленіемъ удѣловъ право перехода бояръ стало мало по малу стѣсняться. Такъ въ дух. грам. В. Кн. Ивана Васильевича, писанной въ 1504 году, бояре, оставлявшіе москов. службу, уже лишались своихъ поземельныхъ владѣній: «А бояромъ и дѣтямъ боярскимъ Ярославскимъ съ своими вотчинами и съ куплями не отъѣхать отъ моего сына Василія; а кто отъѣдетъ и земли ихъ сыну моему». (Соб. Г. Г. и Д. т. I. № 144). Потомъ для ограниченія вольныхъ переходовъ бояръ изъ одной службы въ другую Моск. государи постановили правиломъ понижать въ разрядахъ таковыхъ бояръ и не давать имъ щету въ мѣстничествѣ съ своими сверстниками. «Князь Юрій Васильевичъ Лыковъ съ братомъ своимъ съ Княземъ Ондреемъ отъѣзжали отъ васъ государей въ удѣлъ ко Князю Андрею Ивановичу Старицкому; и по вашему государеву уложенью кто отъ васъ государей отъѣзжалъ въ удѣлъ, и тѣмъ, государь, въ своемъ роду

---

[265] Собр. Г. Гр. и Д. т. I. №№ 33, 35, 47 и др.

[266] Ibid. № 45. Жал. Гр. Костром. Намѣстнику 1499 года. (Ак. Ист. т. I. № 110.)

щету вы государи не давали, кому они въ версту». Дѣло Пильменова съ княземъ Лыковымъ 1602 года (Руск. Ист. Сбор. 1838 г. т. II. стр. 286). [267] 2. Боярскіе роды имѣли полное право считаться другъ съ другомъ степенями службы по старшинству, что называлось мѣстничествомъ. Это право такъ было священно и такимъ пользовалось уваженіемъ, что ни польза государственной службы, ни воля государя здѣсь не имѣли никакой силы: бояринъ, считавшій себя обиженнымъ въ назначеніи какой-либо службы, до тѣхъ поръ не принималъ сего назначенія, пока государь не удовлетворялъ его судомъ съ тѣмъ, кто ему былъ предпочтенъ, а въ случаѣ неудовлетворенія, вовсе отказывался отъ назначенія или даже оставлялъ службу и государь здѣсь не могъ употребить никакого принужденія. Этимъ важнымъ правомъ бояре пользовались во всей силѣ даже при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ, который всегда терпѣливо выслушивалъ мѣстническіе споры и рѣшалъ ихъ, не отступая отъ правилъ освященныхъ обычаемъ. Съ какого именно времени началось мѣстничество между Русскими боярами, мы указать не можемъ; но что оно въ Московскомъ государствѣ было уже при первыхъ князьяхъ, на это есть довольно ясный намекъ въ Ростовской лѣтописи: гамъ подъ 1332 годомъ сказано, что, когда по приглашенію Велик. Князя Ивана Даниловича пришелъ въ Москву служить одинъ изъ Кіевскихъ вельможъ «Родіонъ Несторовичъ и съ нимъ княжата и дѣти боярскія и двора его до 1700. Князь же Великій пріятъ его съ радостію, и даде ему боярство на Москвѣ, и устави ему надо всѣми большинство.... Въ тѣже поры бысть на Москвѣ боринъ Акинѳъ Гавриловичъ, и не восхотѣ быти подъ Родіономъ въ меньшихъ и отбѣжа въ Тверь и съ нимъ дѣти и внуцы его». [268]

Бояре, какъ сословіе въ Московскомъ великомъ княженіи, оставались очень долго, несмотря на то, что по службѣ уже составилось при Московскомъ дворѣ особое достоинство бояръ и окольничихъ. Ибо еще въ 1341 году въ договорной грамотѣ Симеона Іоанновича съ братьями бояре и окольничіе упоминаются какъ сановники, а не какъ сословіе. «А тутo были.... Петръ, архимандритъ Московскій, Филимонъ, архимандритъ Переяславскій, Василій.... тысяцькій Михайло Александровичъ.... Васильевичъ, Василій Окатьевичъ, Онатья, окольнич.... Иванъ Михайловичъ». (Собр. Гос. гр. и дог. Т. I.).

---

[267] Соб. Г. Г. и Д. т. I. № 27.

[268] Ист. Г. Рос. т. IV. примѣч. 324.

Между тѣмъ какъ изъ сословія бояръ образовались дворяне, бояре же начали быть извѣстными только какъ первые сановники въ государствѣ не прежде 1566 года, ибо только въ приговорной грамотѣ Іоанна Васильевича IV, 1566 года, по случаю войны съ Литвою, въ первый разъ упоминается о дворянахъ, какъ о сословіи, замѣнившемъ сословіе бояръ. Гдѣ такимъ образомъ, перечисливъ чиновниковъ двора, упоминается о дворянахъ: «А Государя своего Царя и Великаго Князя бояре, и мы Государя своего и Великаго Князя окольничіе; а мы Государя своего казначеи, азъ печатникъ; а у бояръ въ судѣ азъ Борисъ Ивановичъ Сукинъ; мы Государя своего дьяки, межи себя говорили есмя о литовскомъ дѣлѣ. А мы Государя своего дворяне 1-я статья: азъ князь Иванъ княжъ Андреевъ сынъ Шуйскаго, азъ князь Михайло, княжъ Юрьевъ сынъ Оболенскаго и другіе, и потомъ далѣе другія сословія». (Собр. Гос. гр. № 192).

Но съ сего времени бояре, какъ сословіе, а не санъ, не упоминаются въ грамотахъ, и, кажется, сословіе бояръ обратилось въ дворянъ, между тѣмъ какъ служебные князья остались по прежнему высшимъ сословіемъ. Такъ въ грамотѣ 1608 года сказано: «А здѣсе у насъ въ Галичѣ, князи и дворяне, и дѣти боярскіе, Галичане посадскіе люди и Галицкихъ пригородовъ и черныхъ волостей крестьяне, хотимъ всѣ за одно за православную крестьянскую вѣру помереть». (Ак. Ар. Эк. Т. II, № 91).

Бояре, какъ княжескіе, такъ и городовые или племенные, имѣли свои вотчины, родовыя и покупныя, съ которыхъ платили разныя въ казну повинности, и помѣстья, которыя имъ давались отъ князей въ кормленье и съ которыхъ должны были нести свою службу; въ кормленье имъ давались иногда цѣлыя области, съ которыхъ они имѣли право сбирать въ свою пользу всѣ подати. Грамота Великаго Князя Василья Ивановича 1516 года: «Изъ Ярославцевъ пожаловалъ слугу своего, князя Василья Ивановича судомъ и дацью, а дань емлетъ князь Василей на собя съ тѣхъ селъ и деревень (Ярославскаго уѣзда) съ году на годъ по сохомъ потому жъ какъ азъ коли вемо взять дань на собя съ своихъ городовъ съ Боровска и Можайска, по колку сохъ». (Грам. Троицк. мон. № 15. Библ. Стров.).

Во время удѣльнаго періода помѣстья или кормленья отбирались въ казну княжескую, по переходѣ владѣльца въ другую службу, съ вотчинъ же онъ получалъ доходъ и оставался постоян-

нымъ ихъ хозяиномъ, хотя и перемѣнялъ службу, только въ такомъ случаѣ онъ не могъ перечислить вотчины въ другой удѣлъ, она постоянно всѣми казенными сборами тянула къ тому князю, въ владѣніяхъ котораго находилась. О кормленьяхъ или помѣстьяхъ, вотъ какъ говоритъ грамота Донскаго 1362 года: «А который бояринъ поѣздетъ изъ кормленья отъ тобѣ ли ко мнѣ, отъ мене ли къ тобѣ, а службы не отслуживъ, тому дати кормленье по исправѣ, а люба служба отслужити ему». (Собр. Гос. гр. и дог, Т. I, № 27).

Бояре, какъ и князья, имѣли свои родовыя вотчины очень давно, такъ что нерѣдко у нихъ покупали вотчины владѣтельные князья; такъ это видно изъ духовныхъ грамотъ Іоанна Даниловича Калиты въ 1328 году и Симеона Іоанновича въ 1358 году, въ первой говорится такъ: «а селце на Масѣ, что купилъ у *Авинея*, то даю сыну моему Ивану, а что есмь купилъ село Варварьское и Мѣсовьское у *Юрьева*, то даю сыну моему Андрею». Во второй: «село Семеновское Володимерское волости, что есмь купилъ у воеводы у Ивана, село на Костромѣ Александровское, село въ Дмитровѣ, что есмь купилъ у Ивана у Дрюцьского, и Заберегъ, что есмь купилъ у Семена у Новосильского». (Собр. Гос. гр. и дог. Т. I, №№ 22—24).

Изъ послѣдней грамоты видно, что многіе бояре имѣли вотчины не въ одномъ уѣздѣ и не въ одномъ удѣлѣ, такъ у Друцьского были вотчины и въ Костромѣ и въ Дмитровѣ; а также и бояре покупали у князей; такъ въ грамотѣ договорной Василья Васильевича съ Васильемъ Ярославичемъ Боровскимъ 1451 года сказано: «А отступилъ ти ся своеѣ вотчины Бѣжецкаго верха, опричь тѣхъ селъ, што есмь продалъ своимъ бояромъ, князю Семену Ивановичу Оболенскому, Тостиково и съ деревнями, да Ѳедору Михайловичу село *Микитиньское*». (Собр. Гос. гр. Т. I).

Бояре съ своихъ родовыхъ и купленныхъ вотчинъ платили въ казну великокняжескую. Дух. гр. Василья Васильевича 1462 года говоритъ: «А кому буду давалъ своимъ княземъ и бояромъ и дѣтемъ боярскимъ, свои села въ жалованье, или хотя и въ куплю кому дамъ, иное тѣ мои села моимъ дѣтемъ, во чьемъ удѣлѣ будетъ, иное тѣ тому и есть». (Собр. Гос. гр. и дог. Т. I). Или въ

грамотѣ 1410 года: «А бояромъ и слугомъ судамъ и данью потянути по удѣламъ, гдѣ кто живетъ. (Собр. Гос. гр. и дог. Т. I). [1].

Бояре сперва имѣли полное право мѣнять службу и переходить отъ одного князя къ другому, лишаясь только помѣстьевъ, но оставаясь владѣльцами вотчинъ. Такъ многіе грамоты прямо говорятъ: «бояромъ и слугамъ нашимъ вольнымъ воля» [2].

Но въ послѣдствіи сіе право прекратилось и оставляющій службу одного князя лишался уже и вотчинъ, которые находились въ удѣлѣ того князя; такъ въ Дух. гр. Ивана Васильевича 1504 года: «Бояромъ и дѣтемъ боярскимъ Ярославскимъ съ своими вотчинами и съ куплями не отъѣхать отъ моего сына Василія, а кто отъѣдетъ и земли ихъ сыну моему». Потомъ для огражденія таковыхъ вольныхъ переходовъ изъ одной службы въ другую, Москов. Вел. Князья постановили правиломъ понижать въ разрядахъ таковыхъ бояръ, и не давать имъ щету въ мѣстничествѣ съ своими сверстниками, что было большимъ ударомъ для боярскаго честолюбія. Вотъ на это указаніе изъ дѣлъ по мѣстничеству. «Князь Юрьй Васильевичь Лыковъ съ братомъ своимъ съ княземъ Андреемъ отъѣзжали отъ васъ Государей въ удѣлъ къ Князю Андрею Ивановичу Старицкому, и по Вашему Государеву уложенью, кто отъ васъ Государей отъѣзжалъ въ удѣлъ, и тѣмъ Государь въ своемъ роду счету вы Государи не давали, кому она въ версту». Дѣло съ Князя Лыкова 1602 года. (Руск. Истор. Сборникъ 1838 г. Т. II, стр. 286).

---

[1] Дог. Гр. Дон. съ Влад. Андр. 1389 года. А хто живетъ твоихъ бояръ въ нашихъ удѣлѣхъ и въ отчинѣ въ велико-княжіи и тѣхъ ны блюсти какъ и своихъ, а дань взяти какъ и на своихъ, а хто живетъ нашихъ бояръ въ твоей отчинѣ и въ удѣлѣ, а тыхъ тобѣ блюсти какъ своихъ, а дань взяти какъ и на своихъ (С. Г. Г. и Д. т. 1, № 55).

[2] Догов. Гр. Донскаго съ Мих. Андр. Тверскимъ 1368 г. Догов. Гр. Вас. Вас. съ Мих. Андр. Можайскимъ 1448 г. Догов. Гр. Дон. съ Влад. Андр. 1389 г. (Соб. Г. Г. и д. т. I. № 35). Догов. Гр. Вас. Дмитр. съ Ряз. Княземъ Ѳед. Олг. 1402 г. С. Г. Г. т. I. № 36. Или въ Догов. Грамотѣ Васил. Дмит. съ Мих. Алек. Тверскимъ 1398 г. «А боярамъ и слугамъ мѣжи насъ вольнымъ воля; а домы имъ свои вѣдати, а намъ ся въ нихъ невступати; а данью и судомъ потянути имъ по землѣ и по водѣ. (Ак. Ар. Эк. Т. 1. № 14).

Былъ еще классъ бояръ путныхъ и введеныхъ; какое ихъ отличіе отъ другихъ бояръ, и что значатъ бояры путные и введеные, историческіе памятники на это не представляютъ никакихъ свидѣтельствъ. Вотъ все, что говорится объ нихъ въ древнихъ грамотахъ: «А коли намъ взяти на своихъ боярехъ на путныхъ и тобѣ взяти на своихъ боярехъ на десяти». (Дог. гр. Вас. Дм. съ Влад. Андр. 1389 г.). «А городская осада, гдѣ хто живетъ, тому тута и сѣсти, опричь путныхъ бояръ». (Дог. гр. Вас. Дмитр. съ братьями 1405 года). (Собр. Гос. гр. и дог. Т. I). «А городная осада, гдѣ хто живетъ, тому туто и сѣсти, опричь бояръ введеныхъ и путниковъ». (Дог. гр. Вас. Яросл. Боровск. съ Вас. Вас. 1433 года). Введеные и путные бояре не значили ли тѣхъ, которые получали путь или вводились во владѣніе для кормленья и по смыслу грамотъ, кажется, они [1] были еще *бояре большіе*. Догов. гр. Донскаго съ Владимиромъ Андреевичемъ 1388 года: «А коли ми взяти дань на своихъ боярѣхъ на большихъ и на путныхъ, тогды ти взяти на своихъ также по кормленью и по путемъ». (Собр. Гос. гр. и дог. Т. I, № 33).

Въ послѣдствіи времени слово бояринъ стало означать собственно старшаго сановника при дворѣ государевомъ, а не первое сословіе служебныхъ людей, для означенія же сословія стали употреблять названіе боярскихъ дѣтей; [2] впрочемъ утвердительно

---

[1] Жалов. Гр. Костромскому намѣстнику 1499 года. «Отъ Великаго Князя Ивана Васильев. всеа Руси боярину нашему введеному Костромскому намѣстнику, пану Ивану Судимонту Кондратьевичу. Здѣся мнѣ билъ челомъ Яковъ Захарьевичъ, что вамъ обѣма на Костромѣ сыгымъ быти не съ чего: и язъ здѣсе Князь Вел. Якова пожаловалъ городомъ Володимеромъ, а тебѣ есми пожаловалъ продалъ другую половину Костромы съ правдою». (Ак. Ист. Т. 1, № 110).

[2] «Бѣ въ той мысли (объ освобожденіи *Темнаго*) тогда съ ними Князь Иванъ Васильевичъ Стрига, да Иванъ Осчера съ братомъ Бобромъ, да Юшка Драница и иные многіе *дѣти боярскіе* двора Вел. Князя». 1446 года. Татищ. IV, стр. 569). Въ дополненіи къ Судебнику 1550 года сказано: «въ полкахъ быти княжатамъ и дѣтемъ боярскимъ съ воеводами безъ мѣстъ, и въ томъ отечеству ихъ униженія нѣтъ; которые будутъ впередъ въ боярехъ или въ воеводахъ, и они считаются, по своему отечеству. (Ист. А. Т. 1, № 154. стр. 251). Вотъ свидѣтельство объ этомъ изъ временъ Іоанна IV до 1566 г. «Что напредь сего жаловали есмя бояръ своихъ и князей и дѣтей боярскихъ, городы и волости давали имъ въ кормленья». Устав. Грам. Переславскимъ рыболовамъ 155 года (Ак. Ар. Эк. Т. 1, № 242).

сказать объ этомъ наши древніе памятники не дозволяютъ, можетъ-быть боярскими дѣтьми назывались младшія боярскія фамиліи; (Никон. лѣт. Т. V, стр. 110—112) употребленіе имени боярскихъ дѣтей въ этомъ значеніи продолжалось до Іоанна Васильевича IV, при которомъ, и именно съ 1566 года, названіе боярскихъ дѣтей для означенія перваго служебнаго сословія, было замѣнено названіемъ дворянъ, боярскіе же дѣти стали означать низшій классъ служащихъ людей. Боярскіе дѣти, какъ первое сословіе служебныхъ людей или какъ означеніе младшихъ боярскихъ фамилій, въ первый разъ встрѣчаются въ грамотѣ договорной Василья Ярослав. Боровск. съ Вас. Васильев. 1433 года, гдѣ сказано: «А которые господа не бояре и дѣти боярскіе служатъ тобѣ Великому Князю или твоей братье, а живутъ въ моемъ удѣлѣ, и тѣ господине ходятъ съ тобою съ Великимъ Княземъ и съ вашими воеводами» (Собр. Гос. гр. Т. I, № 45) и продолжается въ этомъ значеніи даже при Іоаннѣ Васильевичѣ IV, при которомъ въ дополненіи къ Судебнику 7064 года въ первый разъ упоминается о боярскихъ дѣтяхъ, какъ служебномъ классѣ, низшемъ дворянъ. Статья 11-я: «А свѣдаетъ бояринъ или дьякъ и всякой приказной человѣкъ или дворянинъ и всякій сынъ боярской, что въ обыску люди ихъ лгали и имъ сказати правду Государю, и въ томъ ему отъ Государя опалы нѣтъ, а дѣло сыскавъ въ правду вершити». (Ак. Ист. Т. I, стр. 256, и далѣе хорошо на стр. 263). (Собр. Гос. гр. и дог. Т. I, № 184 [1].)

А съ 1566 года когда уже Царь Іоаннъ Васильевичъ всѣхъ служащихъ людей раздѣлилъ на разряды и статьи, и далъ военной службѣ лучшій порядокъ и устройство; первое мѣсто въ служебномъ сословіи заняли дворяне, а вслѣдъ за ними боярскіе дѣти, которые такимъ образомъ уже перестали представлять въ своемъ имени высшее служебное сословіе, а только вторую его степень, какъ это видно изъ приговорной грамоты духовныхъ особъ,

---

[1] Еще въ 1563 году въ дух. завѣщаніи Митрополита Макарія не упоминается о дворянахъ, и вмѣсто ихъ боярскіе дѣти, которые уже не означали сыновей бояръ, а особое сословіе; вотъ слова грамоты: «Боголюбивымъ же боярамъ и кня. земъ и съ ихъ женами и съ дѣтьми, оставляю миръ и благословеніе и прощеніе. Дѣтемъ же боярскимъ и дьякомъ и гостемъ, съ ихъ женами и съ дѣтьми, и съ прочимъ христолюбивымъ воинствомъ оставляю миръ и благословеніе и прощеніе. (Ак. Ист. Т. 1, № 172).

бояръ, окольничихъ, дьяковъ, дворянъ, дѣтей боярскихъ гостей и купцевъ объ отказѣ Польскимъ посламъ въ перемирьѣ 1566 года, [1] гдѣ сословія участвовавшія въ приговорѣ написаны въ такомъ порядкѣ: 1) А мы Государя своего богомольцы Архіепископы и Епископы (поименно кто былъ). 2) А мы Государя своего бояре (также поименно) а мы Государя своего окольничіе (поименно). А мы Государя своего дьяки (поименно). (Сіи сановники подавали одно мнѣніе). 3) А мы Государя своего дворяне 1) статья, (гдѣ помѣщены и многіе князья и подавали одно мнѣніе). 4) А мы дворяне и дѣти боярскіе другіе статьи (тутъ уже нѣтъ князей). 5) А мы Торопецкіе помѣщики. 6) А мы Лутцкіе помѣщики. 7) А мы Государя своего дьяки и приказные люди. 8) А мы гости и купцы и Смольняне. (Собр. Гос. Гр. и Дог. т. I, № 192). До сего же времени названіемъ дворянъ кажется означались только низшіе придворные служители, или вообще тотъ классъ людей, который съ сего времени сталъ называться боярскими дѣтьми. Вотъ слова грамотъ: «А на Орлецѣ дворяномъ хоженаго бѣлка; а желѣзнаго четыре бѣлки, только человѣка скуютъ, а не будетъ по немъ поруки, а болѣ того дворянину не взяти ничего». (Уставная Двин. грамота 1398 года). «А дворяномъ нашимъ какъ пошло, погонъ имати отъ князя по пяти кунъ, а отъ тивуна по двѣ куны. А дворяномъ нашимъ у купцовъ повоза не имати, развѣе ратныя вѣсти». (Договор. грам. Новгородская съ Иван. Васил. 1471 года). «А кто кого позоветъ въ селѣ позовкою или дворяниномъ, ино дать срокъ на сто верстъ двѣ недѣли». (Судная Новгород. грам. 1471 г.). «А намѣстницы мои Бѣжецкіе и ихъ тіуни не всылаютъ дворянъ своихъ къ нимъ ни почто». [2] (Жал. гр. Иван. Вас. 1494 г.) (Ак. Ар.

---

[1] И въ этой грамотѣ особенно подтверждаетъ наше мнѣніе то, что многія лица въ предшествовавшихъ грамотахъ гдѣ не было этого раздѣленія, назывались боярскими дѣтьми, а въ этой грамотѣ названы дворянами. Такъ въ грамотѣ 1565 года Ѳома Иваповичъ сынъ Третьяковъ, Князь Романъ княжъ Васильевъ сынъ Охлябининъ, Михайло Васильевъ сынъ Годуновъ писались боярскими дѣтьми, а въ грамотѣ 1566 года, написаны дворянами.

[2] «А намѣстницы мои городецкіе и ихъ тіуни не всылаютъ дворянъ своихъ въ то село Присѣцкое». (Жал. гр. Дмитр. Юрьев. Углиц. 1440 г. Акт. Ар. Эк. т. I, № 37). Нельзя ли заключить изъ слѣдующей грамоты о различіи между прежними боярскими дѣтьми и дворянами. «А кто мои княжь Михайловы Андреевичи бояре пойдутъ на Уломскую слободку, или князи или воеводы или дѣти боярскіе, или мои дворьныи люди. Жал. гр. Бѣлозерск. Кн. Мих. Андр. 1460 г. (Ак. Ар. Эк. т. I, № 65). А о боярскихъ дѣтяхъ вотъ какъ: «Мои бояре и дѣти

Эк. т. I, №№ 13, 91, 92, 131). И такъ изъ сословія древнихъ бояръ существовавшихъ до Василья Васильевича, и ихъ преемниковъ боярскихъ дѣтей при Іоаннѣ IV образовалось дворянское сословіе; дворяне перемѣною названій ни мало не измѣнили своихъ правъ и обязанностей, они также какъ и древніе бояре пользовались свободою службы, вотчиннымъ и помѣстнымъ правомъ и правомъ имѣть рабовъ или холопей, имъ также какъ и боярамъ древнимъ былъ открытъ доступъ ко всѣмъ важнѣйшимъ должностямъ въ Государствѣ они состояли по прежнему изъ княжескихъ и древнихъ боярскихъ родовъ. [1] Но они получили большее устройство, ихъ раздѣляли на статьи смотря по состоянію и по службѣ лучшую среднюю и худшую, сообразно съ сими статьями они стали получать помѣстья, и сообразно съ помѣстьями и статьями являться на службу въ извѣстномъ вооруженіи и съ положеннымъ числомъ вооруженныхъ слугъ. Служба дворянъ была не одна военная, но придворная и гражданская. Такъ они бывали стряпчими, стольниками, рындами, постельничими и другими придворными чиновниками, потомъ воеводами или намѣстниками въ городахъ, городничими, [3]

боярскіе въ тѣхъ селѣхъ не ставятся (гр. Ив. Вас. 14 66 г. Ак. Ар. т. I, № 82). А вотъ о боярскихъ дѣтяхъ послѣ 1566 года: «А для Государева Царева и В. К. Ѳедора Ивановича всеа Русіи дѣла и на разсылку взяти имъ, у воеводъ, дѣтей боярскихъ 20 человѣкъ по списку». Царск. наказъ о заготовленіи матеріаловъ для строенія Смоленской крѣпости 1595 года (Ак. Ар. Эк. т. I, № 365). Наказъ Астрах. воеводамъ, 1591 года. «Будетъ ли то каменное дѣло впередъ, прочно а приставилъ бы у того дѣла, у мастеровъ, дѣтей боярскихъ своего полку, мимо ихъ, кому вѣритъ; а подмастерья де и каменьщики, и извѣстные мастеры, тою извѣстью города дѣлати не имаются». (Ак. Ист. т. I, № 230). Или тамъ же далѣе. «Чтобы тѣ запасы отвезчи на Терку на спѣхъ, и назадъ бы съ порожними суды, дѣти боярскіе и стрѣльцы, которые тѣ запасы на Терку повезутъ, воротилися къ нимъ въ Астрахань».

[1] Иванъ Вас. IV, въ 1572 году учредилъ даже чинъ думнаго дворянина, т. е. допустилъ лучшихъ дворянъ засѣдать въ Царской думѣ. Такъ значится въ послужныхъ спискахъ старинныхъ чиновниковъ въ Россіи 7080 года сказано. «Дворянинъ въ думѣ Романъ Васильевичъ Олферьевъ». (Древняя Россійская Вивліоѳика, т, XX, стр. 52).

[2] Дѣло Князя Лыкова съ Княземъ Дмитр. Мих. Пожарскимъ 1609 года. «Иные Государь Пожарскіе Князи, бывали во многихъ годѣхъ въ городѣхъ городовые прикащики, иные въ объѣзжихъ головахъ меньши всѣхъ меньшихъ головъ, а иные Государь Пожарскіе Князи бывали въ Ямскихъ стройщикахъ». (Ист. Сбор. т. II, стр. 288). Дѣло Вельяминова съ Княземъ Вяземскимъ 1631 года. И въ Полоцкѣ головы стрѣлецкіе были: «Василій Огаревъ, да Микита Соротчіевъ, да

губными старостами, тіунами. [1] Съ Іоанна Васильевича III служба дворянъ или какъ тогда еще называли боярскихъ дѣтей получила болѣе опредѣленности и порядка, для нее были заведены разрядныя книги.

Дворянство состояло изъ прежнихъ удѣльныхъ князей изъ старинныхъ знаменитыхъ племенныхъ родовъ, или изъ знатныхъ чужестранцевъ, поступившихъ на службу Московскихъ Государей, всегда твердо помнило свое происхожденіе, и рѣзко отличалось отъ прочихъ классовъ общества благородствомъ и древностію своихъ родовъ, и для этого всегда вело въ своихъ семействахъ длинныя родословныя росписи, къ которымъ также причислялись записи о службѣ предковъ, изъ которыхъ въ послѣдствіи образовались родословныя и разрядныя книги. Въ примѣръ заботливости дворянскихъ родовъ о сохраненіи своего родословія можно представить нѣсколько родословій изъ дѣлъ по мѣстничеству. Таковы: 1) родословіе Князей Вяземскихъ, еще въ 1631 году подаванное во время споровъ по мѣстничеству съ Велья, миновыми, въ которомъ Вяземскіе производили свой родъ отъ Мономахова сына Мстислава. 2) Родословіе Вельяминовыхъ въ этомъ же спорѣ и въ тоже время: въ которомъ пишется: Пришелъ изъ Большіе Орды къ Вел. Князю Ивану Даниловичу Калитѣ Князь Четъ, а въ крещеніи имя ему Захарей, и у Захарья сынъ Олександръ, а у Олександра сынъ Димитрій Зерно, а у Димитрія Зерно дѣти: Иванъ да Костянтинъ, да Дмитрей; и отъ Ивана пошли Сабуровы да Годуновы, а Дмитріевъ сынъ Зерново Ондрей глазъ, а у Ондрея сынъ Вельяминъ, а у Вельямина было 4 сына, и отъ того пошли Вельяминовы.

Иванъ Васильевъ сынъ Вельяминовъ, да у казаковъ головы были Игнатей Григорьевъ сынъ Вельяминовъ, да Ратой Ивановъ сынъ Голенищевъ. Да на Великихъ Лукахъ осадной воевода былъ Данила Лихачевъ, а съ нимъ былъ въ Губныхъ старостахъ Ондрей Вельяминовъ». (Рус. Ист. Сбор. т. V, стр. 40). Дѣло Зюзина съ Нагимъ 1501 года. «А въ кою пору отецъ мой Ѳедоръ Михайловичъ былъ у Государя бояринъ, а Михайло Шетневъ въ тѣ поры былъ у тюремъ пивунъ». (Рус. Ист. Сбор. т. V, стр. 5).

[1] Цар. гр. въ Казань 1593 г. «Сына боярскаго выбравъ добра, который отъ службы поотбылъ, приказали ему ту слободу вѣдать, и надъ новокрещены беречи того накрѣпко, чтобъ они христіанскую вѣру держали крѣпко, въ церквѣ ходили и въ домѣхъ у себя образы держали и на себѣ кресты носили, и поповъ въ домы свои призывали, и отцевъ духовныхъ себѣ имѣли». (Ак. Ар. т. I, № 358).

Вторымъ служебнымъ классомъ были собственно такъ называемые *слуги*. Они раздѣлялись на два разряда на *вольныхъ* и *на состоящихъ подъ дворскимъ*. Первые составляли высшій классъ, и назывались въ древности дворянами [1], они могли свободно переходить отъ одного Князя къ другому, что продолжалось кажется до Іоанна IV, при которомъ названіе слугъ въ этомъ смыслѣ уже болѣе въ старинныхъ актахъ не встрѣчается; не были ли они при новомъ преобразованіи служебнаго сословія переименованы въ боярскихъ дѣтей, когда прежнихъ боярскихъ дѣтей назвали дворянами? Въ послѣдній разъ о вольныхъ слугахъ упоминается въ Догов. грамотѣ Василья Іоанновича съ братомъ его Юрьемъ Ивановичемъ 1531 года; вотъ слова грамоты: «а бояромъ и дѣтемъ боярскимъ и слугамъ промежъ насъ вольнымъ воля». (Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I, № 160). Слуги, какъ и бояре, имѣли свои вотчины, или получали помѣстья отъ Князей. Такъ объ этомъ говорятъ многія грамоты. Такъ въ Дог. Гр. Ряз. Кн. Ѳедора Васил. съ Моск. Кн. Ив. Васил. 1496 года сказано: «А хто имѣтъ жити твоихъ бояръ и дѣтей боярскихъ и слугъ въ моей отчинѣ, и мнѣ ихъ блюсти какъ и своихъ; а отчинъ мнѣ у нихъ и куплепныхъ земель не отнимати (№ 128)». Тѣ же выраженія употреблены въ грамотахъ 1484 года. «А бояромъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля; а домы имъ свои вѣдати, а намъ ся въ нихъ невступати. А

---

[1] На это довольно ясный намекъ даютъ Новгородскія грамоты, особенно древнѣйшія, напр. въ договорной грамотѣ Новгорода съ Вел. Кн. Михаиломъ Ярославич. Тверскимъ 1265 года сказано: «А въ Вежицахъ Княже тобѣ, ни твоей Княгинини твоимъ бояромъ, ни твоимъ дворяномъ селъ не держати, ни купити, ни даромъ приимати». (Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I, № 1). Тоже сказано во 2 дог. грамтогоже года, потомъ въ гр. 1307 г. съ Мих. Яросл. Твер. Тогда какъ въ грамотѣ 1305 года съ Михаиломъ Яросл. Тверскимъ сказано вмѣсто дворянъ слуги «А въ Бѣжицѣхъ тобѣ Княже ни твоей Княгынч, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ слугамъ селъ ни дьржати, ни купати, ни даромъ пріимати.. Тоже сказано въ грам. 1308 г. 1327, 1375. (Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I, № 7, 9., 15 и 16). Жалован. отчинная грам. Вел. Кн. Вас. Иван. 1615 г. «Государь всея Русіи пожаловалъ есми слугу своего моего Дмитрея Ивановича сына Мирославича, въ Мелыни въ Радомскомъ стану, своимъ Вел. Князя селомъ Сковороденскомъ съ деревнями». (Ак. Арх. Эк. Т. I, № 160). Или вотъ еще въ Исторіи Русской Татищева, Т. IV. стр. 37: «Мнози убо Новгородцы отъ желѣзныя свиніи избіени быша, мнози бояре и слуги Князей Рускихъ падоша». Подъ годомъ 1268 о дворянахъ ни слова. Очевидно, что слуги замѣняли дворянъ. Или тамъ же далѣе подъ годомъ 1281 «До ндеже выидутъ отъ насъ изъ Копорья всѣ бояре твои и слуги твои». (стр. 67).

судомъ и данью потянуть по землѣ и по водѣ. А которыхъ бояръ и слугъ седа, а имутъ жити въ вашей отчинѣ, взяти на нихъ дань и судъ какъ и на своихъ. (Собр. Гос. Гр. Т. I, № 120). Точно тѣ же выраженія слово въ слово въ грам. 1462 г. № 88 и 89. 1451 г. № 76, 77).

Слуги, какъ и бояре, принадлежали преимущественно къ войску; вотъ слова грамоты 1362 года Договорн. Донскаго съ Влад. Андр.: «А коли ти будетъ всѣсти со мною на конь, а кто будетъ твоихъ бояръ и слугъ, гдѣ кто ни живеть, тѣмъ быти подъ твоимъ стягомъ». (Собр. Гос. Гр. Т. I, № 27). Слуги также какъ и бояре платили дань: вотъ свидѣтельство той же грамоты. «А коли ми будетъ брате молодшій, и дань взяти на своихъ боярехъ въ Вел. Княженіи, а кто будетъ твоихъ бояръ и слугъ въ Вел. Княженіи. . . . . ми дань взяти какъ и на своихъ». Отличіе слугъ вольныхъ отъ тѣхъ, которые находились подъ дворскимъ, очень ясно выражено въ духовной гр. Влад. Андреевича 1410 года. «А бояромъ и слугамъ кто будетъ не подъ дворскимъ, вольнымъ воля. А судомъ и данью потянути по удѣломъ, гдѣ кто живетъ. А кто будетъ подъ дворскимъ слугъ, тѣхъ дѣти моц промежи себе не принимаютъ, ни отъ сотниковъ; а кто тѣхъ выйдетъ изъ удѣловъ дѣтей моихъ и княгини моей, инъ земли лишенъ, а земли ихъ сыну моему чей будетъ удѣлъ. (Собр. Г. Т. I, № 40).

Слуги состоящіе подъ дворскимъ, кажется, уже болѣе не состояли въ служебномъ классѣ, и удерживали свое имя только по первоначальному происхожденію; многія древнія грамоты ясно говорятъ, чтобы таковыхъ слугъ не принимать въ службу, напр. вотъ догов. грам. Донскаго съ Влад. Андр. 1388 года: «А которые слуги къ дворскому, а черные люди къ становщику, тѣхъ въ службу не пріимати, а блюсти ихъ съ одиного, а земель ихъ не купити». Или еще прежде въ грамотѣ тѣхъ же Князей 1362 года: «А которые слуги потягли къ дворскому а черные люди къ сотникомъ, тыхъ ны въ службу не пріимати, но блюсти ихъ съ одиного». Неизвѣстно были ли они первоначально свободнаго происхожденія, изъ людей добровольно поступившихъ на службу, и потомъ, выслуживши себѣ земли, оставившихъ службу съ тѣмъ, чтобы поступить въ классъ неслужилыхъ постоянныхъ жителей какого-либо уѣзда, или первоначально они происходили изъ купленныхъ рабовъ княжескихъ, получившихъ свободу по духовнымъ грамотамъ своихъ владѣтелей, на что точно есть нѣкоторые намеки

въ древнихъ актахъ этого рода. Такъ въ дух. гр. Симеона Іоанновича 1353 года сказано: «А что моихъ людей дѣловыхъ, или кого буди прикупилъ, или кто ми ся будетъ въ винѣ досталъ, всѣмъ тѣмъ людемъ далъ есмь волю, куды имъ любо». Или дух. гр. Іоанна Іоан. 1356 г.: «Хто будетъ моихъ людей купленыхъ, грамотныхъ полныхъ, далъ есмь имъ свободу, куда имъ любо». Или дух. гр. Дон. 1371 г.: «А что моихъ людей купленыхъ, а тымъ далъ есмь свободу». Или дух. гр. Вас. Дмит. 1406 г.: Хто моихъ холоповъ купленыхъ, или што есть у Ѳедора у Свибла отоималъ тѣхъ всѣхъ пущаю на свободу и съ женами и съ дѣтьми, не надобны моему сыну и моей княгини». Или егоже въ 3 Дух. 1424 года: «А дастъ моя княгини дочеремъ моимъ изъ моихъ холоповъ по пяти семей, а опроче того вси холопи мои на свободу съ женами и съ дѣтьми. (Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I, № 24, 25, 30, 39, 42). А можетъ быть слуги подъ дворскимъ были того и другаго прихожденія, ясныхъ указаній наши грамоты на это не представляютъ. Но какъ бы то ни было слуги подъ дворскимъ были въ одинакихъ правахъ и обязанностяхъ съ неслужилыми жителями уѣздовъ, и такъ же какъ они платили дань, съ тою только разницею, что они все таки составляли особый классъ, и въ отличіе отъ прочихъ неслужилыхъ управлялись и судились дворскими, а не сотниками и старостами. «А которые слуги потягли къ *дворскому*, а черные люди къ *сотникамъ*, тыхъ ны въ службу не пріимати, но блюсти ны ихъ съ одиного, такоже и *численыхъ людей*. (Дог. Гр. Дон. съ Владим. Андр. 1362 года). Грамота прямо говоритъ, что слуги подъ дворскимъ, подобно численымъ людямъ, составляли постоянныхъ жителей уѣзда, и даже не могли переходить въ другой уѣздъ, или къ другому Князю, удѣльные Князья должны были ихъ какъ казенныхъ людей *блюсти, съ одиного*. Впрочемъ слуги подъ дворскимъ продолжались до позднѣйшихъ временъ, объ нихъ упоминается даже въ Судебникѣ Іоанна IV. 62 § Судебника говоритъ: «А бояромъ и дѣтемъ боярскимъ, судити за которыми кормленія съ судомъ съ боярскимъ; а на судѣ у нихъ и у ихъ тіуновъ быти, гдѣ дворской дворскому да старостѣ и лутчимъ людемъ цѣловальникомъ..... А гдѣ дворскаго нѣтъ, и прежъ сего не бывалъ, ино быти въ судѣ у намѣстниковъ и у ихъ тіуновъ, старостѣ да цѣловальникомъ», (Истор. Акт. Т. I, стр. 236). Изъ сего видно, что въ послѣдствіи слуги подъ дворскимъ совершенно слились въ своихъ правахъ и обязанностяхъ съ земскими

людьми и только отличались управленіемъ дворскихъ, и нельзя ли заключить, что таковыхъ людей очень умножилось и они составили главное населеніе нашихъ селъ и деревень, ибо Судебникъ о людяхъ подъ дворскимъ говоритъ какъ о родѣ, а безъ дворскаго — какъ объ частномъ исключеніи изъ рода: «*А идѣ дворскаго нѣтъ и преждѣ не бывалъ*». Или по крайней мѣрѣ несчитались ли они выше тѣхъ жителей, которые зависѣли не отъ дворскихъ.

Такимъ образомъ въ древнемъ Московскомъ Государствѣ, пока еще оно не поглотило въ себѣ различныхъ княжествъ Сѣверовосточной Россіи, служебный классъ составляли *служебные князи, бояре и слуги*; изъ бояръ въ послѣдствіи въ срединѣ этого времени образовались *боярскія дѣти*, а изъ слугъ можетъ быть *дворяне*. Сіи три разряда служебныхъ людей во время удѣловъ пользовались совершенной свободою службы, у какого Князя хотятъ, что подтверждалось по тогдашнему Русскому народному праву всѣми договорами владѣтельныхъ Князей. Но по уничтоженіи удѣловъ, когда Москва при Іоаннѣ Васильевичѣ IV сдѣлалась царствомъ, раздѣленіе служебнаго класса измѣнилось: бояре и слуги, какъ сословіе, исчезли. Все раздѣленіе служебнаго класса получило слѣдующіе разряды: 1) *дворянъ*, которые раздѣлялись на статьи и замѣняли древнихъ бояръ и среднихъ боярскихъ дѣтей; 2) *Боярскихъ дѣтей*, которые кажется замѣнили прежнихъ слугъ вольныхъ или дворянъ, вообще составили 2 классъ служебныхъ людей какъ по правамъ, такъ и по имуществамъ. Можно ли было переходить изъ боярскихъ дѣтей въ дворяне неизвѣстно; по крайней мѣрѣ какъ дворяне, такъ и боярскіе дѣти за службу повышались изъ низшихъ статей въ высшія и получали болѣе помѣстныхъ окладовъ[1]; 3)

[1] Къ числу правъ боярскихъ дѣтей принадлежитъ свобода отъ холопства во время службы, что простиралось и на ихъ дѣтей неслужащихъ. Судеб. 1550 г. статья 81. «А дѣтей боярскихъ служилыхъ и ихъ дѣтей, которые не служивали, въ холопи не пріймати никому, опричь тѣхъ которыхъ Государь отъ службы отставитъ». (Ак. Ист. Т. I, № 153).

Боярскіе дѣти получали кормленья въ областяхъ. Впрочемъ, кажется, это принадлежало собственно дворянамъ, когда они носили еще названіе боярскихъ дѣтей; такъ въ судебникѣ Іоанна III сказано въ статьѣ о судѣ намѣстниковъ городскихъ: «А бояромъ или дѣтемъ боярскимъ, за которыми кормленье съ судомъ, и имъ судити». (Ак. Ист. Т. I, № 105).

При Іоаннѣ же IV съ новаго раздѣленія служебныхъ классовъ на долю боярскихъ дѣтей достались низшія должности. Такъ въ поручной записи 1567

Городовыхъ казаковъ. Кто были первоначально эти казаки неизвѣстно, съ какого времени началось ихъ существованіе также опредѣлить нельзя, но впрочемъ есть указанія, что они имѣли помѣстья. Такъ напримѣръ въ 1686 году они послѣ Польскаго похода получили по 50 четвертей помѣстнаго оклада и по 5 руб. на человѣка (Ак. Ар. Эк. Т. IV, № 290-й). Они преимущественно были засѣлены по замосковнымъ украинскимъ и низовымъ и Мещерскимъ городамъ; впрочемъ были городовые казаки въ Москвѣ, въ Новѣгородѣ и въ другихъ городахъ. Начало городовыхъ казаковъ не скрывается ли въ древнемъ названіи Ординцевъ, которые во время удѣльнаго періода составляли особый классъ служебный, имѣвшій свои земли, какъ можно заключить изъ договорной грамоты Вас. Дмитр. съ Влад. Андреевичемъ 1389 года и многихъ другихъ. Вотъ слова грамоты: «А Ординци и дѣмоли, а тѣмъ знати своя служба, какъ то было при нашемъ отци при В. Князи; а земель ихъ некупити» (Собр. Г. Г. и Д. Т. I). Какая же именно служба лежала на Ординцахъ нигдѣ невидно. Есть впрочемъ извѣстіе въ Никоновской лѣтописи, что на границахъ съ Ордою у Московскихъ князей были устроены особые доброхоты люди, которые еще при Донскомъ и до него извѣщали о движеніяхъ происходившихъ въ Ордѣ; не были ли это Ординцы? А что изъ Ординцовъ составились въ послѣдствіи городовые казаки, къ такому заключенію служитъ поводомъ то, что первоначально городовые казаки являются въ пограничныхъ мѣстахъ съ Татарами. Сюда же кажется можно отнести и то, что въ Москвѣ урочище Ординка, т. е. Ординская слобода, рядомъ съ казачьей слободою и притомъ Ординокъ двѣ большая и малая и занимаютъ за Москвою рѣкою двѣ довольно большія улицы, казачье же небольше какъ одинъ проулокъ примыкающій къ большой Ординкѣ. Вѣроятно Ординки истари прилегали къ Москвѣ, казачье же получило свое названіе послѣ, когда Ординцы переименовались въ казаковъ, а можетъ быть когда подлѣ Ординцевъ въ Москвѣ стали помѣщаться [illegible] жіе казаки Донскіе, Волжскіе и Яицкіе, на что указываетъ и те-

---

года мы встрѣчаемъ нѣсколько боярскихъ дѣтей рязсыльщиками въ судѣ. «Се язъ Третьякъ Бирилевъ, да язъ Василій Лучининовъ, да язъ Овонасей Обольяниновъ, да язъ Сумарокъ Суминъ, да язъ Василей Карцовъ, всѣ мы разсылочные дѣти боярскіе большіе дьячіе избы поручилися есма Цареву В. Князя діаку Ивану Матвѣеву по Васильѣ Алексѣевѣ сынѣ Свѣрбѣева» и проч. (Ак. Ар. Эк. Т. I, № 274). Боярскіе дѣти не изъ прежнихъ ли княжихъ дѣцкихъ. (Ипат. 97).

перь еще существующее тамъ казачье подворье. Впрочемъ все это небольше какъ догадки, вѣрныхъ указаній пока еще нѣтъ. Можно только сказать, что городовые казаки состояли изъ низшаго класса свободныхъ жителей. Это видно изъ того, что при Іоаннѣ IV во время войны съ Казанью ихъ набирали изъ батраковъ и вообще бездомныхъ нетяглыхъ людей. Они кажется были двухъ разрядовъ помѣстные и безпомѣстные, впрочемъ полное развитіе этого дѣленія является уже въ слѣдующемъ періодѣ.

Къ служебному классу жителей принадлежатъ съ первыхъ временъ Московскаго Государства Дьяки [1] и подъячіе, т. е. дѣльцы (ибо ихъ въ иныхъ грамотахъ называютъ діаками, а въ другихъ дѣлицами) служившіе Государямъ по письменнымъ дѣламъ. Объ нихъ упоминается еще при Іоаннѣ Калитѣ въ 1328 году. Такъ сказано въ Дух. Грам. Калиты того года. «А грамату писалъ дьякъ князя Великого Кострома» (С. Г. Г. и Д. Т. I, № 21). Дьяки прежде были дворовыми людьми князей, и даже не имѣли свободнаго состоянія. Такъ это видно изъ Дух. грамоты Іоанна Ивановича 1336 г. «А хто будетъ моихъ казначеевъ и тіуновъ и посельскихъ, или хто будетъ моихъ дьяковъ, тѣ люди не надобни моимъ дѣтемъ, ни моей княгини, далъ есмь имъ волю». (С. Г. Г. и Д. Т. I, № 25). Въ этомъ же тонѣ объ нихъ упоминается даже въ Дух. Гр. Іоанна III-го 1504 года: «А кто будетъ моихъ казначеевъ и кто будетъ моихъ дьяковъ прибытки мои отъ меня вѣдали, или тіуны или посельскіе или кто женился у тѣхъ: тѣ всѣ ненадобѣ сыну моему

[1] «А что моихъ тіуновъ и дьяковъ» Дух. Гр. Дон. 1371 года. (Соб. Г. Г. Т I. № 30), но при Іоаннѣ IV дьяки и стряпчіе уже имѣютъ вотчины и принадлежатъ къ свободному служилому классу жителей. Купчая 1571 года лѣта 7079-го по Государеву слову, боярин Василій Петровичъ Яковля съ товарищи приговорили дьяку Василію Щелкалову взять вотчину у подьячаго Улана Айгустова. А вотчины Улановы по княжъ Ѳедоровѣ описи, селцо Михайловское, деревня Гребеново, деревня Текунино, дерев. Рогово, деревня Пашигорово. А та вотчина Уланова не продана никому, ни заложена, ни въ кабалахъ кабѣльныхъ, ни въ денежныхъ ни въ поручныхъ записяхъ (Ак. Ар. Т. I. № 280).

Но въ послѣдствіи времени дьяки стали играть важную роль въ государствѣ и иногда были выше воеводъ. Такъ въ дѣлѣ князей Голицына съ Шуйскимъ 1579 года сказано: «А 32 году послалъ князь Великій подъ Казань Царя Шигалея, а съ нимъ воеводъ своихъ въ судѣхъ и полемъ. И конным воеводамъ приказалъ князь Вел. съ Шигоною Поджегинымъ, да съ Дьякомъ Офонасіемъ Курицынымъ. А велѣлъ имъ по полкамъ слать по полкамъ Ист. Сбор. Т. II, стр. 18).

Василію и моимъ дѣтемъ Юрью съ братіею». (Соб. Гос. Гр. и Дог. Т. I, № 144).

Послѣдній классъ служилыхъ людей въ Московской Исторіи 1-го періода составляютъ стрѣльцы, т. е. пѣшіе ратники вооруженные пищалями и бердышами. Они полное устройство получили при Іоаннѣ IV во время послѣдняго Казанскаго похода (Древняя Росс. Вивліоѳика. Т. XX, стр. 232). Они обыкновенно набирались изъ сельскихъ и городскихъ жителей, жили по городамъ въ особыхъ слободахъ. Они обязывались службою лично, но не съ семействами, и считались на службѣ безсмѣнно, до тѣхъ поръ пока не лишались возможности продолжать ее по старости или по болѣзни. Въ мирное время они составляли гарнизоны въ Москвѣ и въ другихъ городахъ особенно пограничныхъ, и отправляли разныя полицейскія должности,—высыльщиковъ приставовъ, таможенныхъ караульныхъ и другія, а во время войны они присоединялись къ прочему войску для поддержанія конницы и осады городовъ.

Стрѣльцамъ были даны разныя преимущества. Каждый получалъ особую землю и выстроенный отъ казны домъ, гдѣ жилъ съ своимъ семействомъ и могъ заниматься разными промыслами; онъ былъ освобожденъ отъ всѣхъ податей, которымъ подлежали городскіе жители, выключая тѣхъ случаевъ, когда онъ торговалъ на сумму выше 50 рублей (что на наши деньги составитъ до 600 рублей), да и въ то время у него брались только подати по торговлѣ; всѣ же прочія городскія службы и разметы на него простирались. Сверхъ того стрѣльцы получали денежное жалованье на одежду и хлѣбный провіантъ, [1] а въ случаѣ войны казенныя подводы на подъемъ.

Іоанна IV можно назвать только разпространителемъ и усовершенствователемъ стрѣлецкой службы, стрѣльцы же или пищальники существовали и до него, они были конные и пѣшіе.

Такъ въ Псковской лѣтописи Малин. говорится, что еще при отцѣ Іоанновомъ Вас. Іоанновичѣ брали съ городовъ пищальниковъ (Ист. Гос. Рос. т. 8. прим. 416.) Да и при самомъ Іоаннѣ IV еще до послѣдняго Казанскаго похода въ 1545 году о наборѣ

[1] Цар. наказъ Астрах. воеводамъ 1591 года. «А въ Госуд. житницахъ хлѣба ни одной четверти, да и ружникомъ да и оброчникомъ и *стрѣльцомъ* хлѣбъ годовой, на 88-й годъ данъ несполна». (Ак. Ист. т. I, № 230.)

съ Нова-города пищальниковъ. «Да съ Новгородскихъ же посадовъ, и съ пригородовъ съ посадовъ, и съ рядовъ, и съ погостовъ, нарядити 2000 пищальниковъ, половина ихъ 1000 человѣкъ на конѣхъ, а другая половина 1000 человѣкъ пѣшихъ; да и у тѣхъ бы пищальниковъ у конныхъ и у пѣшихъ, у всякаго человѣка по пищали по ручной; а на пищаль по 12 гривенокъ безменныхъ зелья, да по 12 гривенокъ свинцу на ядра; а на тѣхъ бы людехъ на всѣхъ на нихъ однорядки, или сермяги крашены». Разрядный и разметный списокъ 1545 года (Ак. Ар. Эк. т. I, № 205.)

Къ служилымъ людямъ принадлежали еще *пушкари,* которые жили въ городахъ и имѣли особые слободы въ уѣздахъ, имъ давалась земля съ угодьями, на которой они селились съ своими семействами и занимались разными промыслами, пахали землю, ловили рыбу и торговали, они освобождались отъ податей, имъ вмѣнялось въ обязанность воздѣлывать свои земли и защищать городъ во время осады, а въ мирное время наравнѣ съ стрѣльцами отправлять разныя полицейскія должности. Объ ихъ службѣ нѣсколько упоминается въ Похвальной Цар. грамотѣ 1580 года. «И ты для Нѣмецкихъ людей сдѣлалъ острогъ, и Нѣмецкіе люди къ острогу приступали; и ты съ стрѣльцы и съ пушкари и съ охочими казаки и съ тутошними людьми, съ Нѣмецкими людьми въ приступѣхъ и на вылазкахъ на многихъ дѣлѣхъ бились. (Ак. Ар. Эк. т. I, № 309.) Ихъ еще въ исходѣ прошлаго столѣтія было до 293 человѣкъ въ Алексинѣ, Новосилѣ, и Каширѣ; они владѣли тогда однимъ селомъ, 1-ю деревнею и 97-ю домами. (Древ. Рос. Вивліоѳика т. XX, стр. 205.)

ДУХОВЕНСТВО.

Къ числу служилыхъ людей въ Моск. Государствѣ принадлежало духовенство, оно дѣлилось на черное и бѣлое, и въ отношеніи къ своему служенію управлялось совершенно независимо отъ гражданской власти, по правиламъ греческихъ и церковныхъ законовъ, и по своимъ соборнымъ уложеніямъ митрополитовъ и епи-

---

Такъ по случаю отдѣленія Кіевскаго края по приказанію Витовта, который велѣлъ избрать въ Кіевскіе митрополиты Григорія Самблака. Митрополитъ Фотій въ 1415—1419 г. писалъ окружное посланіе ко всѣмъ епископамъ, въ которомъ изложилъ правила Апостоловъ и святыхъ отецъ объ этомъ предметѣ.

скоповъ [1]. Но въ отношеніи къ своему недвижимому имуществу, и къ нѣкоторымъ гражданскимъ правамъ, оно наравнѣ съ прочими жителями Государства находилось въ зависимости отъ великихъ Князей, и отъ поставленныхъ ими начальниковъ области. (Ак. Ар. т. I, № 301.) Общаго уложенія объ этомъ дѣлѣ древніе памятники Московской администраціи непредставляютъ; но по жалованнымъ грамотамъ разнымъ духовнымъ лицамъ, по которымъ они освобождались отъ разныхъ повинностей, можно судить, что тѣ, которые не имѣли таковыхъ грамотъ, шли подъ общую управу всѣхъ жителей, и притомъ сіи грамоты нерѣдко покупались платою денегъ, какъ можно видѣть изъ слѣдующей жалованной грамоты В. К. Іоанна Даниловича Новогородскому Юрьеву монастырю 1340 года. «Что земля св. Юрья на Волоцѣ, кто сядетъ на землю св. Юрья, далъ есмь имъ волю непадобѣ имъ потянути къ городу ни въ которую дань, ни въ подводы, ни въ корьми, ни въ стань, ни въ которой проторъ; а волостелемъ ихъ Волоцкимъ на Волоцѣ не судити, опрочѣ татьбы и разбоя и душегубства, а то судитъ ихъ человѣкъ св. Юрья промежи собою. А архимандриту тяглыхъ людей Волоцкихъ непріимати, а Князю Великому дастъ сто рубля». (Ак. Ар. т. I, № 4.) Велик. Князья принимали участіе въ управленіи церковными землями и получали съ нихъ извѣстный

(Ак. Ист. т. I, № 19). Этотъ же митр. Фотій въ 1416 году писалъ посланіе къ Псковичамъ о необщеніи съ стригольниками, гдѣ также утверждалъ на правилахъ семи соборовъ, объ которыхъ такъ говоритъ: «А церковь Божія утверждена Богомъ и даннымъ намъ закономъ новымъ, и ограждена повелѣніями Апостольскими, и укрѣпляема божественными и св. отецъ правилами седми соборовъ». (А. Ист. т. I, № 21). «Основываясь на тѣхъ же правилахъ писано имъ Поученіе къ Псковскому духовенству о строгомъ соблюденіи церковнаго устава и проч. 1416 г. (Тамъ же 22). Грамот. митрополита Макарія Новгородскому архіепископу съ разрѣшеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ по управленію (А. Ар. т. I, № 253).

[1] Такъ напримѣръ предѣлы епархіи опредѣлялись митрополитомъ и соборомъ. Грам. митроп. Ѳеогноста 1334 г. «Нынѣ пріѣхалъ ко мнѣ владыко Рязанскій и привезъ ко мнѣ грамоту брата моего Максима митрополита, а другую грамоту Петра митрополита, — и управливаютъ владыку Рязанскаго [illegible] ему держати всего предѣла свою по великую Ворону; и явилъ мнѣ ихъ грамоту владыки Сарайскаго Софонія, какъ то ся отступилъ того предѣла, что ся ему невступити, занеже не Сарайскій предѣлъ а Рязанскій; и далъ есми владыцѣ Рязанскому Кириллу грамоту правую, какъ-то и братья моя дали митрополиты. И вы (т. е. всѣ христіяне того края) имѣйте къ нему любовь, и всяко послушаніе и покореніе. А что будетъ церковная пошлина, а то ему давайте по давному по церковному обычаю». (Ак. Истор. т. I, № 1).

доходъ. Такъ это видно изъ устав. грамоты Вас. Дмитр. и митр. Кипріана 1389 года. «Управили есмь о домѣхъ о церковныхъ и о волостѣхъ и о земляхъ, и о водахъ и о всѣхъ пошлинахъ о церковныхъ. Судити митрополита Луховца съ волостелемъ или съ доводщикомъ. А искати мнѣ Князю Великому въ выходъ по своей грамотѣ пооброчной, а лише того оброка неимати; а бѣлки, и резанки, неимати В. Князю, но митрополиту». А что села отца нашего митрополита церковныи, которыи даваны издавна и до Олексѣя митрополита и тѣ села потянутъ къ митрополиту, а дань имати съ тѣхъ селъ въ выходъ по оброку по моей грамотѣ В. К. по оброчной, а лише того оброка неимати; а имъ по старинѣ шестый день, а коли мои села Князя Великаго дадутъ, тогды и митрополичи дадутъ. А что люди митрополичи живутъ въ городѣ, а тянутъ къ дворцу, а тѣхъ описавъ да положить на оброкъ, какъ и на моихъ Князя Великаго дворчанъ. (Ак. Ар. Эк. т. I, № 9.) Въ случаѣ жалобы уѣзднаго человѣка на кого либо изъ духовныхъ судъ былъ общій между Духов. и Граждан. начальствомъ, какъ значится въ той же грамотѣ. «А которой человѣкъ мой Князя Великаго ударитъ челомъ на игумена, или на попа, или на черньца, ино судъ вобчой. А будетъ кто ударитъ челомъ мнѣ Князю Вел. на митрополича намѣстника, или на десятинника, или на волостеля, и мнѣ Князю Великому судить самому». Духовенство съ своихъ промысловъ и имѣній несло всѣ подати наравнѣ съ прочими жителями, даже выставляло ратныхъ людей [1] и платило дань въ выходъ не смотря на Ханскіе ярлыки. Въ той же грамотѣ: «А митрополичимъ людемъ церковнымъ, который иметъ прикупомъ которымъ торговати, тотъ тамгу даетъ. А коли дань дати въ Татары, тогды и оброкъ дати церковнымъ людемъ: а коли дани не дати въ Татары, тогды и оброкъ не дати церковнымъ людемъ. А про войну, коли язъ самъ Князь Великій сяду на конь, тогды и митрополичимъ бояромъ и слугамъ, а подъ митрополичимъ вое-

[1] Отпись дьяка Истомы Новгородова 1552 года. «Царь и В. Кн. велѣлъ съ Важскіе земли съ посаду и съ Важскаго уѣзду съ становъ и съ волостей; и съ церковныхъ и съ своеземцевыхъ взяти за посошные люди, за 224 человѣка, по старому наряду, деньгами за человѣка по два рубля.» (Ак. Ар. т. I, № 233). 1589. Цар. Гр. «А въ тотъ походъ велѣли есмя взять у васъ, Соловецкаго монастыря вотчинъ, изъ Кеми съ вашего жеребья и съ Сумскаго острогу сто человѣкъ съ воинскихъ людей съ огненнымъ боемъ съ пищальми; а итти имъ съ нашими головами, кого съ Москвы пошлемъ на Кемь Нѣмецкую». (Ак. Ар. т. I, № 345).

водою, а подъ стягомъ моимъ Великаго Князя» [1]. Вѣроятно въ духовенство могли поступать люди всякаго званія [2] выключая тѣхъ, которые обязаны княжескою службою, или находятся въ крѣпости, точно также и духовнаго званія люди, необязанные церковною службою, имѣли право поступать въ любую службу, но впрочемъ имъ предоставлялось возвращаться опять въ свое званіе. Объ этомъ ясно говоритъ таже уставная грамота. «А слугъ моихъ Князя Вел. и моихъ данныхъ людей въ діаконы и въ попы митрополиту не ставити; а который поповичь хотя будетъ писанъ въ мою службу, а всхочетъ стати въ попы или въ діаконы, ино ему вольно стати; а поповичь который живетъ у отца а хлѣбъ ѣстъ отцовъ, ино той митрополичь: а который поповичь отдѣленъ и живетъ опричь отца, а хлѣбъ ѣстъ свой, а то мой Князя Великаго». Но рабовъ и плѣнниковъ не можно было ставить въ священники. Грам. Патріарха Германа къ митроп. Кирил. (1228 г.) (Каталогъ Румянцевскаго музеума. CCXXX—CCXXXIX). Въ судѣ между духовными особенно по церковнымъ дѣламъ совершенно отстранялось гражданское правительство. Такъ объ этомъ говоритъ грамота митрополита Кипріана къ Псковичамъ 1395 года. «Что есмь слышалъ, ажь въ Псковѣ міряне судятъ поповъ и казнятъ ихъ въ церковныхъ вещѣхъ, ино то есть кромѣ хрестьянскаго закона: не годится міряномъ попа ни судити ни казнити, ни осудити его, ни слова на него немолвити: но кто ихъ ставитъ Святитель, но онъ ихъ и судитъ, и казнитъ, и учитъ». (Ак. Ист. т. I, № 9). Даже и не въ церковныхъ дѣлахъ между духов. недопускался гражданскій судъ по крайней мѣрѣ въ монастыряхъ. Посланіе Новгор. Архіеп. Симеона 1416 г. «А какова будетъ котора промежи братьи тоя обители, ино вѣдаетъ про

---

[1] Въ той же Новгород. грамотѣ. 1471 г. «А пошлины вамъ Вел. Княземъ и вашему отцу митрополиту отъ владыки имати по старинѣ, а лишнего не прибавляти». (С. Г. Г. и Д. т. I, № 20).

[2] Дѣло Мирова Вельяминова съ Кн. Василіемъ Вяземскимъ 1631 года. «А дядья его Князь (Вяземскаго) Васильевы родные Князь Богданъ, да Князь Ондрей Княжъ Романовы дѣти Вяземскаго, Князь Богданъ нынѣ въ попѣхъ у нихъ же, въ селѣ Семеновскомъ у церкви, а Князь Ондрей въ церковныхъ дьячкахъ былъ, а нынѣ сынъ его Князь Ондреевъ на ево мѣсто, а иные Вяземскіе Князя служатъ по городамъ въ дѣтѣхъ боярскихъ. (Рус. Ист. Сборн. т. V, стр. 59). Жал. Гр. митр. Іоны 1449 г. «Такожъ діакономъ и дьякомъ, и инокомъ судимъ и міряномъ, въ діаконы поставлятись и въ попы совершатись со испытаніемъ всяко довольно духовнымъ». (А. И. I, № 47)

между ими игуменъ и старци и причетни тоя обители съ старостами Святыя Богородицы; а міряномъ въ то ненадобѣ вступатись по моему благословенію». (Ак. Ист. т. I, № 24). Тоже подтверждаетъ Новгородская запись о церковномъ судѣ 1477 г. «Судить владычню намѣстнику: аже попъ или дьяконъ, или противу черница. или черничижь а будетъ оба непростыи люди, церковныи, ино несудити Князю, ни посаднику, ни судьямъ не судить, занеже той судъ владычня намѣстника». (Ак. Ар. Эк. т. I, № 103). Когда духовное правительство не справится съ озорникомъ, то ему помогаетъ гражданское. Грам. Вас. Іоаннов. въ Бѣлозерскіе волости 1513 г. «А который старецъ учнетъ жити у нихъ въ ихъ пустыни (Ниловой Сорской) безчинно, не по ихъ уставу, и язъ имъ велѣлъ того старца выслати вонъ; а не послушаетъ ихъ тотъ старецъ, и отъ нихъ вонъ не пойдетъ, по моему приказу, и велятъ вамъ (Бѣлозерскимъ старостамъ и десяцкимъ) старцы того черница выслати вонъ, и вы бы его выкинули вонъ, чтобы у нихъ не жилъ». (А. А. т. I, 157). По гражданскимъ дѣламъ судъ между духовными лицами принадлежалъ гражд. правительству. Цар. Грам. 1582 г. въ Ярославль: «И будетъ такъ, какъ намъ Пречистые Тольскаго монастыря игуменъ Ѳеодосей съ братіею билъ челомъ, и какъ къ вамъ (Ярославскимъ городовымъ прикащикамъ) ся наша грамота придетъ, и вы бъ Спаскаго монастыря игумену Ѳеодосію на ихъ (Тольскихъ) монастырскихъ крестьянехъ нашихъ никакихъ податей править не давали». (Ак. Ар. т. I, № 313). Въ послѣдствіи Государи стали вступаться и въ монастырское поведеніе духовныхъ. Цар. Гр. въ Соловец. монастырь 1584 года. «Отъ царя и В. Кн. Ѳедора Ив. всеа Русіи въ Соловецк. монастырь богомольцу нашему Іакову съ братьею. Слухъ насъ дошелъ, что у васъ въ монастырѣ сытятъ квасы медвеные да квасятъ, и уставъ прежній монастырскій перемѣненъ, и намъ того пытати на тебѣ игуменъ и на соборныхъ старцевъ.—И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и вы бъ квасовъ не квасили и прежняго чину монастырскаго нерушили». (Ак. Ар. т. I, № 321).

Церковныя и монастырскія имѣнія стали приводить въ извѣстность и требовать отъ монастырскаго начальства отчетовъ и описей съ 1588 года. Такъ значится въ грамотѣ боярина и Дорецкаго Григорья Годунова Соль-Вычегодскому городовому прикащику. «И какъ къ тебѣ ся грамота придетъ, и ты бъ въ томъ монастырѣ (Николо-Корежескомъ) доискался старыхъ отписныхъ

книгъ, почему игумену Іеву тотъ монастырь отписанъ, да по тѣмъ книгамъ пересмотрѣлъ въ томъ монастырѣ все на лицо и переписалъ церкви и въ церквахъ образы окладные и неокларные и проч. и ты бъ то все велѣлъ написати въ твои книги подлинно, порознь по статьямъ земскому и церковному дьячку; а пересмотря по тѣмъ книгамъ и переписавъ все на лицъ, взялъ бы еси у бывшаго игумена Іева книги приходные и разходные, да по тѣмъ книгамъ бывшего игумена въ томъ счелъ, да тѣ отписные и щетные книги прислалъ бы еси къ Москвѣ въ Приказъ большаго дворца». (Ак. Ар. Эк. т. I, № 337). Такимъ образомъ управленіе и отчетность по всѣмъ монастырскимъ имѣніямъ движимымъ и недвижимымъ перешло въ Приказъ большаго дворца, это съ Іоанна IV, съ соборнаго угоженія. О святительскомъ судѣ въ 1551 году. Гдѣ сказано: «А монастыри и казны монастырскіе вѣдаютъ и отписываютъ по всѣмъ монастыремъ Царя и Вел. Кн. дворецкіе и дьяки, и приказываютъ архимандритомъ и игуменомъ, и строителемъ съ соборными старцы, и считаютъ архимандритовъ и игуменовъ и строителевъ, во всѣмъ приходѣ и расходѣ. Царя же и Вел. Кн. дворецкіе дьяки или кому повелятъ по Цареву слову (Ак. Истор. т. I, № 155).

Въ уголовныхъ дѣлахъ духовенство зависѣло отъ гражданскихъ судей и судилось по царскимъ законамъ. Тоже уложеніе: «А креснаго цѣлованья и по священническому и иноческому чину не присужати ни въ котовыхъ дѣлѣхъ по священнымъ правиламъ, кромѣ душегубства и разбоя съ поличнымъ: въ такихъ винахъ градскіе судьи да судятъ по царскимъ законамъ». Во всѣхъ же гражданскихъ дѣлахъ духовенство судилось Митрополочьими боярами вмѣстѣ съ поповскими старостами, причемъ должны были участвовать городскіе старосты, цѣловальники и земскій дьякъ по тому же уложенію. «А по рядныимъ грамотъ и по духовнымъ и по кабаламъ, и въ покложеѣхъ, и въ боѣхъ, и въ грабежахъ, и въ прочихъ во всякихъ дѣлѣхъ, опричь духовныхъ дѣлъ поповъ и діаконовъ, и всѣхъ причетниковъ и мірскихъ людей, повелѣваютъ святители бояромъ своимъ судити; а у бояръ въ судѣ сидѣти старостамъ поповскимъ, и пятидесятскимъ, и десятскимъ по недѣлямъ, по два и по три, да градцкимъ старостамъ и цѣловальникамъ, да земскому дьяку, которымъ Царь и Государь прикажетъ: и тѣмъ и старостамъ и цѣловальникамъ, и земскому дьяку, съ тѣхъ судныхъ дѣлъ списывати противни, да тѣ судные списки

держати дьякомъ у себя въ ларцѣ, за боярскими печатьми, по Цареву Судебнику. (Стоглав. глав. 68)». Съ 1581 года по соборному приговору Января 15 духовенство лишилось права пріобрѣтать вотчины вновь, впрочемъ старые оставлены за нимъ по прежнему. Церковныя недвижимыя имѣнія кажется находились въ однихъ сохахъ съ земскими, и отписывались въ особыя сохи только по особымъ царскимъ грамотамъ. Царск. грам. въ Соль-вычегодскую 1589 года. «И какъ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ взявъ съ собою старостъ и цѣловальниковъ и людей добрыхъ сколько человѣкъ пригоже, у Соли на посадѣ Николы чудотворца Корижемскаго монастыря анбары и дворы, и полянки, и пожни отъ посадскихъ отъ черныхъ дворовъ отписалъ и въ соленое письмо тѣ ихъ монастырскіе дворы положилъ опричѣ и наши данные и оброчные денги и всякіе подати на тѣ ихъ монастырскіе амбары и дворы, и на пожни на полянки покожитъ по сошному питьму опричь посадцкихъ людей. Да что положить и ты бъ то все велѣлъ написати въ книги подлинно, да тѣ книги за поповыми и за дьяконовыми руками и за своею приписью, прислалъ къ намъ къ Москвѣ въ четверть діака нашего Дружины Петелина, и мы съ тѣхъ книгъ велимъ имъ сотную дати. (Ак. Ар. Эк. т. I, № 343).

Степени духовенства въ гражданскомъ отношеніи суть слѣдующія: Митрополиты, а съ Ѳеодора Патріархи, архіепископы, епископы, монастыри и бѣлое духовенство.

Митрополиты съ самаго начала усиленія Москвы, именно съ Іоанна Даниловича, который первый сталъ называться Великимъ Княземъ, и названъ собирателемъ Русской земли, Петръ Митрополитъ перенесъ свой престолъ изъ Владиміра въ Москву, и съ сего времени Митрополиты всея Руси постоянно оставались въ Москвѣ до 1589 года [1], когда Московскій Митрополитъ Іовъ посвященъ отъ Патріарха Константинопольскаго Іереміи въ Патріархи, въ каковомъ санѣ и утвержденъ Константинопольскимъ соборомъ (Evers. Gesch. стр. 316). Въ началѣ Московскаго владычества Митрополиты иногда избирались изъ Русскихъ духовныхъ лицъ, какъ Петръ, Алексій, Іона и другіе, иногда изъ Грековъ, напр. Ѳеогностъ, преемникъ Петра, который жилъ въ Кіевѣ, Волыни и въ

[1] Впрочемъ они, включительно до Митрополита Іоны, назывались еще Митрополитами Кіевскими, и только уже по смерти его стали именоваться Московскими и всеа Россіи (Истор. Рос. Іерар. Собр. Амрос. т. I, ч. 1, стл. 89—98).

Москвѣ, грекъ Романъ соперникъ Св. Алексія, Исидоръ преемникъ Ѳотія, поставленный въ Митрополиты на перекоръ изъ Византіи Московскому избранію въ этотъ санъ Рязанскаго епископа Іоны. Избраніе въ Митрополиты изъ Русскихъ кажется первонначяльно зависѣло отъ общаго согласія всего народа. По крайней мѣрѣ такъ можно судить изъ слѣдующаго посланія Вел. Кн. Вас. Вас. къ Греческому Императору Константину Палеологу 1448 года.

«Отнелѣ же по Божіей волн, отъиде къ Богу, отъ сего временнаго живота преставися вашъ богомолецъ, отецъ нашъ присноламятный Фотій Митрополитъ Кіевскій и всеа Руси; и отъ тогоже тогдашняго времени; мы, милостію Божіею, съгадавше съ своею матерью съ Вел. Княгинею, и съ нашею братіею съ Рускими князи и съ помѣстными князьми и съ Литовскіе земли Осподаремъ Великимъ Княземъ, и съ святители нашія земли и со всѣми священники и духовными человѣки, общежительми же и пустынными отходники съ святыми старци, и съ нашими бояры, и со всею съ нашею землею Русскою, со всѣмъ православнымъ христіанствомъ избравше, посылахомъ съ нашимъ посломъ, и съ прозбою и съ моленіемъ къ, прежде почившимъ, тогда еще живымъ сущимъ имъ, къ брату святаго ти царства Царю Калояну, и къ патріарху Киръ Іосифу, отца нашего Іону епископа Рязанскаго, дабы его намъ поставили на святѣйшую митрополію Русскую митрополитомъ на Кіевъ и на всю Русь». (Ак. Ист. т. I, № 41). Іона первый изъ Московскихъ митрополитовъ былъ поставленъ въ сей санъ соборомъ Русскихъ епископовъ, неѣздя въ Царьградъ: впрочемъ Велик. Кн. Вас. Ва с. какъ видно изъ вышеприведеннаго посланія, просилъ утвержденія этого постановленія отъ Константинопольской церкви. Вотъ слова посланія. «И церковь наша Русская святѣйшія митропольи Русскія святыя Божія вселенскія соборныя Апостольскія церкви Премудрости Божія святыя Софіи Цареградскія благословенія требуетъ и ищетъ, и во всемъ по древнему благочестію повинуется; и тотъ нашъ отецъ Іона митрополитъ всеа Руси, по тому жъ всячески требуетъ оттолѣ благословенія и соединенія». Но по смерти Іоны митрополиты Московскіе стали возводиться въ свой санъ соборомъ Рускихъ епископовъ уже безъ сношенія съ Константинопольскими патріархами, только съ согласія Великаго Князя; такъ возведены

И даже иногда живали въ Кіевѣ, такъ Митр. Алексѣй жилъ два года въ Кіевѣ послѣ своей поѣздки къ хану Бердибеку. (Ист. Гос. Росс. т. IV, стр. 384).

были митрополиты Ѳеодосій, 1461 [1], Филиппъ, 1465 и Геронтій, 1472. По смерти же Геронтія возведенъ въ санъ митрополита Симоновскій архимандритъ Зосима (1491) по повелѣнію Вел. Князя безъ формальнаго собора епископовъ, и вообще съ сего времени Великіе Князья начали имѣть большое вліяніе на избраніе въ митрополиты, и соборъ епископовъ уже только посвящалъ избраннаго (ежели онъ еще не былъ епископомъ), какъ это можно видѣть изъ чина поставленія митрополита, изданнаго при Іоаннѣ IV въ 1564 году, гдѣ прямо сказано: «Внегда сице благоволитъ Царь или Князь Великій, съ совѣтомъ всѣхъ епископъ возвести единаго отъ епископовъ на митропольскій престолъ, сице бываетъ поставленіе его». (Ак. Ар. Эк. т. I, № 264). Впрочемъ, кажется, была нѣкоторая форма избранія. Такъ въ чинѣ поставленія митрополита Іоасафа 1539 года сказано объ избраніи митрополита такъ: «Во избраніи напишутъ тріехъ, ихъже изберутъ; и запечатавъ отдаютъ архіепископу, онъ же довольно помолився отверзаетъ и тако нарицаетъ митрополита единаго отъ тріехъ тѣхъ именъ написанныхъ». (Ак. Ар. т. I, № 184). Тутъ же сказано, что избраніе производится «во всечестнемъ храмѣ Пречистые Богородицы честнаго и славнаго ея успенія». Не на это ли положеніе указываетъ чинъ 1564 года, гдѣ сказано: «а спустя день или два избраніе учинити по уставу». Объ избраніи митрополитовъ вообще должно замѣтить, что съ перенесеніемъ митрополіи въ Москву, избраніе сіе болѣе получало опредѣленности и зависимости отъ В. Князей Московскихъ, тогда какъ до сего времени въ сихъ случаяхъ никакого не было порядку: кто успѣвалъ своими подарками въ Греціи, тотъ и получалъ митрополію своевольно. Такъ напр. по смерти митроп. Максима какой-то игуменъ Геронтій самъ себя назначилъ въ митрополитскій санъ и захвативъ святительскую утварь и жезлъ

---

[1] Объ избраніи Ѳеодосія такъ сказано въ грамотѣ соборной къ Тверскому епископу Геннадію 1461 года: «Се господинъ нашъ и отецъ Іона митр. Кіев. и всея Руси, разсудивъ по божественнымъ и священнымъ правиломъ и обговоривъ съ своимъ сыномъ съ Вел. Княземъ Вас. Вас. да и съ нами съ своими богомольцы, избралъ и благословилъ на тотъ на превеликій степень святительства, въ домъ Пречистыя Богоматери и къ гробу св. Вел. Чудотворца Петра митрополіи на ту святѣйшую митрополью Русскую, господина и брата нашего старѣйшаго Ѳеодосія Ростов. архіепископа, на свое мѣсто, да и грамоту свою благословенную, на его имя въ святѣй велицѣй соборной церкви Пречистыя Богоматери, за своею подписью и печатью на престолѣ положилъ. (Ак. Истор. т. I, № 69).

пастырскій съ митрополичьимъ причтомъ отправился въ Царьградъ. (Крат. Церк. Рос. Исторія Митр. Платона стр. 154): Напротивъ того съ перенесеніемъ митрополіи въ Москву тамошніе В. Князья не стали принимать митрополитовъ, поставленныхъ уже въ Царьградѣ, если находили это поставленіе своевольнымъ; такъ Димитрій Іоановичъ не принялъ митрополита Кипріана и принялъ его уже только по смерти избраннаго въ Москвѣ архимандрита Мигаяпричемъ своевольно поставившагося въ митрополиты въ Греціи Пимена велѣлъ заточить въ Чухлому (гаже Ист. стр. 206); потомъ подозрѣвая Кипріана въ сношеніяхъ съ Тверскимъ В. Княземъ, принудилъ его удалиться въ Кіевъ, и на Московскую митрополію принялъ отвергнутаго Пимена (стр. 215). Примѣровъ, что Великіе Князья Московскіе удаляли митрополитовъ несогласныхъ съ ихъ волею также очень не мало. Такъ принуждены были оставить митрополію: Исидоръ В. Кн. Вас. Васильевичемъ въ 1438 году, а Іоаннъ Вас. III хотѣлъ удалить митрополита Геронтія, и оставилъ только по просьбѣ Троицкаго игумена Паисія; потомъ въ 1494 г. отставилъ отъ митрополіи митрополита Зосиму за пьянство. Во время малолѣтства Іоанна IV боярская дума въ 1539 году принудила митрополита Даніила отрещися отъ престола; потомъ въ 1542 году таже дума изгнала митрополита Іоасафа и сослала въ заточеніе въ Кирилловъ монастырь; въ 1569 году Іоаннъ IV лишилъ сана и сослалъ въ Тверскоій Отрочь монастырь митрополита Филиппа, Іоанновъ сынъ Ѳеодоръ и, какъ говоритъ нашъ исторіографъ. Годуновъ (С. Г. Д. т. IV, стр. 107) въ 1585 году отрѣшилъ отъ должности митрополита Діонисія и на мѣсто его избралъ Іова, который въ послѣдствіи былъ посвященъ въ патріархи.

Митрополиты какъ въ началѣ, когда еще назначались Константинопольскимъ патріархомъ, такъ и въ послѣдствіи, когда уже избирались соборомъ Рускихъ епископовъ, и наконецъ простымъ назначеніемъ Государя Московскаго, считались въ государствѣ первымъ лицемъ послѣ Вел. Князя, и несмотря на увеличеніе свѣтской верховной власти, долго удерживали независимость своихъ распоряженій, даже нерѣдко въ противность Великимъ Князьямъ, Такъ митрополитъ Іона настоялъ у Димитрія Шемяки отпустить плѣнника Василія Васильевича изъ Углича; митр. Филиппъ, когда ему было предложено Іоанномъ Вас. III встрѣтить папскаго легата съ почестями присвоенными ему въ католическихъ земляхъ, прямо сказалъ Князю, что тому невозможно быть: кто хвалитъ и

чествуетъ чужую вѣру, тотъ свою унижаетъ. Аще же Князь его не послушаетъ: го когда легатъ съ своимъ крестомъ взойдетъ во градъ одними воротами, то онъ пойдетъ изъ града другими; и В. Князь посему принужденъ былъ отложить почести, которыя думалъ сдѣлать легату. (Крат. Рос. Цер. Ист. Плат., стр. 326).

Потомъ въ 1477 году митр. Геронтій въ спорѣ съ архіепископомъ Ростовскимъ о завладѣніи Кирилловскимъ монастыремъ не принялъ посредничества В. Князя и тогда уже отступился отъ своихъ притязаній, когда Князь повелѣлъ созвать соборъ. Тотъ же Геронтій въ 1478 году въ спорѣ съ В. Княземъ о церковномъ хожденіи, съ негодованіемъ уѣхалъ на Симоновъ, и оставилъ свой походъ, и В. Князь едва упросилъ его, чтобъ онъ на свой престолъ возвратился, и спорный вопросъ о хожденіи рѣшительно предоставилъ волѣ митрополита. (Тамъ же ст. 332—334). Сверхъ того митрополитъ и все духовенство имѣло важное право ходатайствовать за обвиняемыхъ, [1] такъ что митрополитъ Филиппъ IV смѣло говорилъ Іоанну Вас. IV объ уничтоженіи опричны и прекращеніи казней даже тогда, когда Іоаннъ принятыми отъ бояръ и духовенства условіями въ Александровской слободѣ въ 1565 году «отнялъ у духовныхъ древнее право ходатайствовать не только за невинныхъ, но и за виновныхъ, еще достойныхъ милосердія». (Ист. Гос. Рос. т. IX, стр. 75). До полнаго утвержденія единодержавія въ Москов. Государствѣ митрополиты имѣли большое вліяніе на дѣла внѣшней политики, впрочемъ всегда дѣйствуя заодно съ Государямъ Московскими; они отлучали отъ церкви строптивыхъ владѣльцовъ удѣловъ, [2] посылали имъ грамоты увѣщатель-

---

[1] Изъ слѣдственнаго дѣла объ Иванѣ Берсенѣ 1525 г. «А прежніе Святители сидѣли на своихъ мѣстѣхъ въ монастыряхъ и печаловалися Государю о всѣхъ людяхъ». (Ак. Ар. Эк. т. I, № 172).

[2] Такъ митр. Петръ въ 1311 году лишилъ благословенія В. Кн. Димитрія Мих. Тверскаго и запретилъ ему идти войною противъ Нижняго-Новгорода. Митр. Осогностъ въ 1329 году возложилъ отлученіе и проклятія на Псковитянъ, нехотѣвшихъ выдать Князя Александра Михайловича, по просьбѣ Калиты. Препод. игуменъ Сергій по повелѣнію митр. Алексія въ 1365 году, когда Борисъ Константиновичъ въ противность В. Князю Димитрію Іоанов. не согласился уступить Нижній-Новгородъ Димитрію Константиновичу, Сергій на Князя и на весь городъ объявилъ запрещеніе и всѣ церкви затворилъ. Въ 1425 году митр. Фотій

ныя [1], посредничествовали въ договорахъ, мирили Князей другъ съ другомъ [2], ходатайствовали у Монголовъ во время ихъ владычества, въ Литвѣ [3], и принимали сильное участіе во время малолѣтства Великихъ Князей.

Митрополитъ, какъ первенствующее лицо послѣ Государя, имѣлъ обширныя владѣнія или вотчины, которыя состояли не

лишилъ благословенія Галицкаго Князя Юрья Дмитріевича и городъ Галичъ, когда онъ, несмотря на убѣжденія митрополита хотѣлъ идти войною противъ В. К. Вас. Вас. Московскаго (Крат. Цер. Рос. Истор. Платона часть I, стр. 156, 166, 188—189, 283).

[1] Таковы два послания митрополита Іоны жителямъ Вятки о покорности В. Князю 1452 г., двѣ грамоты митрополита Филиппа Новгородскаго 1471 года, посланіе Россійскаго духовенства Углицкому Князю Дмитрію Юрьевичу 1447 года. Окружная грамота митр. Іоны съ убѣжденіемъ, чтобы сановники и народъ отложились отъ Князя Дмитрія Юрьевича и покорились Вел. Князю, подъ опасеніемъ церковнаго отлученія, 1448 г. Посланіе митр. Іоны Твер. епископу Иліи, чтобы онъ убѣдилъ Твер. Князя Бориса Александровича отправить вспомогательное войско Моск. Князю противъ Татаръ. (Ак. Ист. т. I, №№ 261, 280, 281, 40, 43 и 51).

[2] Такъ въ 1310 году митр. Петръ ходилъ въ Брянскъ мирить тамошнихъ Князей. Въ 1341 г. митр: Ѳеогностъ примирилъ В. К. Симеона съ Новгородцами. Въ 1367 г. Князья Тверскіе Михаилъ и Еремей позваны были чрезъ пристава митрополита въ Москву предъ митрополита на судъ. (Крат. Цер. Рос. Ист. Плат. т. I, ст. 155, 169, 190). А въ Догов. Гр. Вас. Дмитр. съ Ѳедор. Одыг. Ряз. 1402 г. сказано: «А что ся учинитъ межи васъ какова обида, и вамъ отслати своихъ бояръ, и ни учинятъ исправу; а о чемъ ся сопрутъ, ино имъ третій митрополитъ: а кого митроп. обинитъ ино обидное отдати». (Собр. Гос. Гр. т. I, № 36). Дог. Гр. Дон. съ Влад. Андр. 1388. «А которыя дѣла учинятся межъ нами, и намъ отслати своихъ боярѣ, ихъ исправу учинятъ; а о чемъ сопрутся ино ѣдутъ къ митрополиту».

[3] Посланіе митр. Іоны Смоленскому епископу Мисаилу 1454 года, гдѣ онъ приказываетъ ему ходатайствовать у Короля о выдачѣ бѣжавшаго въ Литву Можайскаго Князя Ивана Андреевича. «И благословляю тебя сына своего, чтобы, есь, сыну, христіанскаго дѣля, и самъ того поберегъ, какъ ти можно, чтобы какъ отъ того Князя Ивана и отъ его людей, въ вотчинѣ сына нашего В. Князя, пакости какіе не было, и его братьи молодшей вотчинамъ, и всѣмъ украинамъ мѣстомъ: занеже, сыну, сынъ нашъ Князь Велик, велми хочетъ съ своимъ братомъ, съ нашимъ сыномъ съ Вел. Королемъ братства и любви и прочаго добраго житья; да того дѣля за нимъ ни самъ не пошелъ, ни братьи, ни дѣтей своихъ, ни своихъ людей не послалъ». (Ак. Ист. т. I, № 56).

изъ однихъ селъ и деревень, [1] но изъ волостей [2] и изъ городовъ. [3] Вотчины Митрополита были или жалованныя Государями, — или купленныя, или закладныя, или жертвованныя частными людьми. Но грамотою 1580 года вотчины, пожертвованныя Государями, были отобраны и даже купленныя у князей взяты, а новыхъ вотчинъ не приказано покупать или пріобрѣтать ни отъ кого. Грамота приговорная всего духовнаго чина 1580 г. генваря 15-го: «А отъ сего дни впередъ съ генваря пятого надесять, вотчинникомъ вотчинъ своихъ по душамъ не отдавати, а давати за нихъ въ монастыри денги, которое село чего судитъ; а село имати вотчинникомъ хотя кто и далеко въ роду: а будетъ у кого роду не будетъ ни дальнего, и та вотчина имать на Государя, а денги за нее платити изъ казны. А Митрополиту и владыкамъ и монастыремъ земель не покупати и закладней не держати. А хто послѣ сего уложенья купитъ землю или закладня

---

[1] 1410 года. А Митрополитъ Фотій, видя все почти отъ Татаръ разорено и Митрополитскій домъ совсѣмъ опустошенъ, и многія владѣнія земель имѣетъ ему принадлежащія, въ общемъ разстройствѣ захвѣченныя другими неправедно, принужденъ былъ отъ тѣхъ, кои по лихоимству и неправдѣ, митрополіи принадлежащими селами, и волостьми, и доходами, и пошлинами домовыми завладѣли, отъискивать и отбирать, и за Митрополитскимъ домомъ утверждать и иныя прикупать. (Кр. Цер. Рос. Ист. Плат. I, 266).

[2] «И какъ Государь буду въ Карашской волости въ митрополичи. (Ак. Юрид., № 17).

Цар. Гр. 1584 г. Митрополиту Діонисію: «Что мѣнялъ прародитель Князь Великій Васил. Дмитр. со отцемъ своимъ Кипріяномъ, Митрополитомъ Кіевскимъ и всея Русіи, взялъ Князь Великій Василей у отца своего, у Кипріяна Митрополита *городъ Алексинъ*, мѣсто домовое св. Богородица, совсѣмъ съ тѣмъ какъ купилъ чудотворецъ Петръ Митрополитъ, съ волостьми и съ селы и со всѣми угодьи, что ни потянло изстари къ городу Алексину; а противъ Алексина далъ сыну Князь Великій Васил. Дмитр. въ домъ Пречистыя Богородицы и св. чудотворца Петра, отцу своему Кипріяну, Митрополиту Кіевскому и всея Русіи, слободку Святославлю, также совсѣмъ, какъ благословилъ прародитель мой, Князь Великій Дмитр. Иванов. сына своего, Великаго Князя Василія». (А. Ист., т. I, № 215)

«Великій Князь Литовскій Витовтъ (1414 года) ограбивъ Митрополита Фотія, возврати къ Москвѣ, а грады митропольскія, Кіевскія церкви, и власти и села раздалъ епископомъ своимъ, а намѣстниковъ Фотіевыхъ ограбивъ, отосла на Москву». (Ист. Тат., т. IV, стр. 467).

[3] 1410 г. Князь Владиміръ Андреевичъ при смерти отказалъ Митрополиту состоящее при Москвѣ село Кудрино съ деревнями. (Ист. Цер. Пл., 267).

учнетъ за собою держати, и тѣ земли имати на Государя безденежно; а которые нынѣ закладни за Митрополитомъ, и за владыками, и за монастыри, и тѣ земли поимати на Государя жъ; а въ денгахъ вѣдаетъ Богъ да Государь, какъ своихъ богомольцевъ пожалуетъ. А которые вотчины княженецкіе даваны прежъ сего, и въ тѣхъ воленъ Богъ да Государь, какъ своихъ богомольцевъ пожалуетъ. А впередъ княженецкихъ вотчинъ не имати; а хто возметъ безъ Государскаго вѣдома, и тѣ вотчины взяти на Государя безденежно; а которые покупили княженецкіе вотчины, и тѣ вотчины взяти на Государя; а въ денгахъ вѣдаетъ Богъ да Государь, какъ своихъ богомольцовъ пожалуетъ. А впередъ Митрополиту, и владыкамъ, и монастыремъ земель не прибавливати никоторыми дѣлы; жити имъ на тѣхъ земляхъ, что нынѣ за ними; а которое мѣсто будетъ убогое, земли будетъ мало или не будетъ: онъ бьетъ челомъ Государю, и Государь съ Митрополитомъ соборне и съ бояры приговоря и устроятъ тотъ монастырь землею, какъ будетъ пригоже, какъ бы ему мочно прожити». (Собр. Госуд. Гр., т. I, № 200).

Дворъ Митрополита состоялъ изъ бояръ, дворянъ, боярскихъ дѣтей, стольниковъ, [1] дворецкихъ, казначеевъ, кравчихъ. 1577 г. Посыльн. грам. арх. Нов. Александра: «Отъ преосвященнаго Александра, архіепископа Вел. Новгорода и Пскова, въ Обонежскую пятину, кравчему нашему Матѳею Михайлову, сыну Шетневу. Здѣсе есмя пожаловали своего сына боярскаго Томила Сергѣева, сына Тяполкова, въ помѣстьѣ деревнями, въ Пиркинскомъ погостѣ, полутретьима обжима. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и тыбъ тѣ деревни, по нашей жалованной грамотѣ, какова грамата наша дана Томилу Тяполкову, отвелъ Томилу и со крестьяны». (Ак. Ист., т. I, № 196). Онъ имѣлъ своего печатника и дьяковъ; [2] были еще чиновники, извѣстные подъ именемъ десятниковъ, прикащиковъ и разныхъ приказныхъ и дворовыхъ служителей;

[1] 1396 г.: «А стольнику митрополичу, который его [illegible], далъ владыко 60 руб.» (Ист. Цер. Пл., 242).

[2] 1580 г. Тарх. Грам.: «Пошлинъ митрополичихъ отдано печатнику митрополичу, старцу Мисаилу, 9 алтынъ и 2 ден., да дьячихъ одное половины отдано въ казну казначею, старцу Пахомію, 4 алтыны и 4 денги, да истопникомъ данъ алтынъ, да дворецкаго алтынъ данъ Матѳею Левскому; а дьякъ Илья Мясной свою выть взялъ 4 алт. и 4 ден.. (Ак. Ист., т. I, № 205).

въ разныхъ владѣніяхъ Митрополита жили его намѣстники тіуны, на дѣльщики, волостели. «Будетъ кто ударитъ челомъ мнѣ, Великому Князю, на митрополича намѣстника, или на десятинника, или на волостеля, и мнѣ, Князю Великому, судить самому». 1389. (Ак. Ар., т. I, № 9). Важнѣйшія должности при митрополичьемъ дворѣ занимали люди изъ знаменитыхъ фамилій, и какъ во время удѣловъ бояре и слуги переходили отъ одного князя къ другому, такъ равно и отъ Митрополита они переходили къ Князьямъ и отъ Князей къ Митрополиту, даже и по утвержденіи единодержавія въ Московскомъ государствѣ, бояре и другіе слуги свободно переходили отъ Великаго Князя къ Митрополиту и отъ Митрополита къ Великому Князю; но соборнымъ уложеніемъ 1551 года таковое своевольство прекращено, тамъ сказано: «да Митрополиту и архіепископомъ, и епископомъ, безъ Царева вѣдома, бояръ отъ себя и дворецкихъ не отсылати и въ тѣхъ мѣста и иныхъ непоставляти. А у которыхъ святителей изведутца бояре и дворецкіе, а отъ тѣхъ родовъ или отъ иныхъ родовъ, такихъ у нихъ не будетъ, которымъ пригоже въ тѣхъ мѣсто быти въ боярѣхъ и въ дворецкихъ, и имъ о томъ бити челомъ Царю, чтобы Государь пожаловалъ изобралъ у собя и далъ имъ, которымъ будетъ пригоже въ томъ чину быти; а и дьяковъ бы имъ у собя дръжати, съ Царева же вѣдома, которымъ будетъ пригоже съ бояры всякія дѣла дѣлати, чтобы было бережно. (Ак. Ист., т. I, № 156).

Митрополиты, какъ владѣтели огромныхъ имѣній, недвижимыхъ по крайней мѣрѣ, первоначально имѣли свое войско, то-есть бояръ и слугъ (то-есть дворянъ), а въ послѣдствіи боярскихъ дѣтей, которые вмѣстѣ съ велико-княжескимъ войскомъ, должны были отправляться на войну и быть подъ стягомъ великокняжескимъ, но съ своимъ воеводою, такъ это сказано въ грамотѣ 1389 года: «а про войну, коли язъ самъ Князь Великій сяду на конь, тогды митрополичимъ бояромъ и слугамъ, а подъ митрополичимъ воеводою, а подъ моимъ стягомъ Великаго Князя; а кто будетъ бояръ или слугъ не служивалъ Алексѣю Митрополиту, а приказался ново-Митрополиту (Кипріяну), а тѣ пойдутъ подъ моимъ воеводою Великаго Князя, гдѣ который живетъ инъ подъ тѣмъ воеводою и есть». (Ак. Ар. Эк., т. I, № 9). Стало быть съ этого времени владычество свѣтское Митрополитовъ начало сокращаться нечувствительно, ибо какъ изъ грамоты видно, вновь поступившіе въ митрополичью службу бояре, уже зависѣли отъ велико-княже-

скихъ воеводъ, тогда какъ прежніе митрополичьи бояре имѣли своего воеводу. Впрочемъ изъ сей грамоты по ея тону и формамъ можно заключать, что Великіе Князья договаривались съ Митрополитами почти какъ съ удѣльными владѣтельными князьями. Но уже при Василѣ же Дмитріевичѣ власть Митрополитовъ еще болѣе стѣснилась, такъ уже въ 1421 году они могли покупать имѣнія только съ разрѣшенія Великокняжескаго. Такъ въ Жал. Гр. Вас. Дмитр. этого года сказано: «Се азъ Князь Великій Вас. Дмитр. освободилъ есми отцу Своему Фотію, Митрополиту Кіевскому и всея Руси, купити въ Тальшѣ деревцю Яковлѣскую волостную; а что доселя та деревня тянула судомъ и всѣми пошлинами къ волости къ Тальшѣ и нынѣчь та деревня потянетъ судомъ и всѣми пошлинами къ отцу Моему Фотію, Митрополиту Кіевскому и всеа Руси». (Ак. Ар. Эк., т. I, № 20). Впрочемъ Митрополиты и архіепископы, какъ владѣтельныя лица, еще при Іоаннѣ IV, посылали въ Царское войско своихъ бояръ и дѣтей боярскихъ, а также жаловали ихъ помѣстьями изъ своихъ земель, но жалованья въ вотчины нигдѣ не встрѣчается. [1] А о помѣстьяхъ говорится въ помѣстныхъ грамотахъ архіепископа Новгородскаго Леонида 1573 года: «се азъ господинъ пресвященный Леонидъ, архіепископъ Великаго Новгорода и Пскова, пожаловалъ есми своихъ дѣтей боярскихъ Девятаго да Ивана Никифоровыхъ, дѣтей Епишкова, въ Обонежской пятинѣ, что было отца ихъ помѣстье, третей жеребей за братомъ ихъ Прокофьемъ... А брата ихъ Прокофья убили, сей зимы на Государевѣ службѣ въ Нѣмецкой землѣ, и въ его мѣсто служити Государская служба брату Прокофьеву Девятомъ Епишкову», или еще въ помѣстной грамотѣ 1574 г. того же архіепископа Леонида: «пожаловалъ есми боярина своего Василья Григорьевича Ѳомина... помѣстьемъ селомъ Усадищемъ съ деревнями, а въ селѣ Усадищѣ и въ деревняхъ полпятынадцаты обжи». (Ак. Ист., т. I, №№ 185 и 190). Кромѣ доходовъ, получаемыхъ съ вотчинъ, Митрополиты получали выгоды отъ торговли, которую они вели черезъ своихъ людей, и не только внутри государства Московскаго, но и за границею; свидѣтельствомъ сему служитъ слѣ-

[1] Жалов. Гр. Митрополита Ѳеодосія Борису Тютьчеву, 1462 г.: «се азъ Ѳеодосій, Митрополитъ всея Руси, пожаловалъ есмь Бориса Матѳеева, сына Тютчева, селомъ церковнымъ и своимъ, на Михайловѣ сторонѣ въ Суждалѣ, до его живота съ всѣмъ, что къ тому селу изстари потягло. (А. А., т. I, № 74).

дующее посланіе Митрополита Іоны Казанскому царю Ахмету 1460 года: «вольному царю Казанскому Іона, Митрополитъ Кіевскій и всея Руси, достойную честь великому ти господарству симъ нашимъ писаніемъ послало есмо. Слыши, что же Вышняго Бога силою держишь свое государьство всимъ купцемъ нашимъ и иныхъ земель купцемъ изкомы и убытковъ нѣтъ нѣкоторыхъ, ни отъ кого... я на то надѣяся, на твое великое имя и дръжаву, послали есмо до Казани сего своего слугу съ своею рухлядью. И прошу великое твое господьство, чтобы еси того нашего человѣка въ пошлинахъ велѣлъ своимъ пожаловать». (А. Ист., т. I, № 67).

Сверхъ доходовъ, получаемыхъ Митрополитами отъ ихъ владѣній и торговли, они пользовались такъ-называемыми церковными пошлинами или данями отъ церковныхъ причтовъ,[1] такъ-называемыхъ тяглыхъ церквей; но не отъ однихъ причтовъ Митрополиты и Патріархи получали дани, но и отъ мирскихъ людей, объ этомъ ясно говорится въ грамотѣ Патріарха Іосифа 1667 года: «въ прошломъ во 161 году по указу Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексія Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца, изъ нашего Казеннаго приказу посыланы Его Великаго Государя дворяне въ нашу патріаршую область во всѣ городы и уѣзды і в девятины описывати въ городѣхъ и уѣздахъ, приходцкіе церкви, і в дворѣхъ церковниковъ, і церковную землю, пашню, і сѣнные покосы, і всякіе угодья, и прихожанъ велѣно по имянемъ писать. А описавъ тѣ церкви, писцы по

---

[1] Въ уставѣ Великаго Князя Владиміра сказано: «а се суды церковные Роспуски, и смильное заставаніе, пошибаніе, умычки промежи мужемъ и женою о животехъ, во племяни, и въ сватовствѣ поимаются, вѣдовство, потворы, чародѣйство, вохвованіе, зеленичество, уреканіе треблядняго, изъереотичествомъ, зубоиска или сынъ отца бьетъ, или даже матерь бьетъ, или сноха свекровь, или кто урѣчется скверными словесы и прилагая отца, или матерь, или сестры; или дѣти, или племя сляжутся о задницѣ, церковная татьба, мертвецовъ сволочать, крестъ подсѣкутъ, или скотъ, или птицы, или псы безъ великія нужды сведетъ въ церковь, или ино что неподобное церкви содѣетъ, или два друга имѣшася бити единаго жена другаго имѣетъ за лоно и раздавитъ, или кого застанутъ съ четвероножною, или кто подъ бѣлымъ моститея, или во ржи, или подъ рощеніемъ, или у воды, или дѣтка дѣтя повержетъ, то всѣ суды церквамъ Божіимъ даны суть; Царю, и Князю, и боярамъ, и судьямъ въ тѣ суды не вступатися». (Глава 65). Всѣ ли сіи права сохранились у Московскихъ Митрополитовъ неизвѣстно, но объ нѣкоторыхъ можно сказать утвердительно.

указу Великаго Государя, данью окладывали с попова двора по 4 денги, з дьяконова по 2 денги, з дьячкова, и понамарева, и с просвирницына, и з бобыльскихъ по денгѣ с двора; з боярскихъ і съ княженецкихъ, з дворянскихъ и з дѣтей боярскихъ, і Государевыхъ дворцовыхъ селъ съ прикащиковыхъ по 6 денегъ з двора; с посадцкихъ людей, с старостиныхъ, і с цѣловальниковыхъ, с крестьянскихъ по 4 денги з двора; с казачьихъ, и стрелецкихъ, и с пушкарскихъ по 2 денги з двора; з бобыльскихъ и боярскихъ дѣловыхъ людей по денгѣ з двора; с прудовныхъ, з бортныхъ ухожеевъ, и с рыбныхъ ловель, і з бобровыхъ гоновъ, з знамени по 3 алтына з денгою; с церковные земли, с пашни, с четверти по 3 денги; с сенныхъ покосовъ по 2 денги съ копны: да сверхъ того окладу десятильничихъ и заѣзда по 3 алт. по 2 ден. с церкви; да казенныхъ платежныхъ пошлинъ по 3 алт, по 3 ден. съ церкви. И какъ къ тебѣ наша грамота придетъ і тыбъ сыну во своей архіепископью (Псковской) приходцкіе церкви данью велѣлъ окладывать противъ того, какъ выше сего написано». (Строев. Сбор., № 101). Конечно, прежде не было такого порядка, но тѣмъ не менѣе всѣ классы жителей подлежали митрополичей и епископской дани.

Грам. Ростов. архіеп. Тихона 1493 г.: «чтобъ десятинщики и даньщики мои съ монастырскихъ Кириловскихъ священниковъ, у моее дани полотъ и пшенинъ не имали, по сей моей грамотѣ, ни алтыновъ». (А. А., т. I, № 128 и 125 л.) Эти доходы имѣли различные разряды, которые сохранялись даже до позднѣйшихъ временъ при патріаршествѣ и даже послѣ. [1] Такъ это можно видѣть

---

[1] Начало этихъ доходовъ теряется въ глубокой древности; такъ въ 68-й главѣ Стоглава сказано: «А что прежъ сего въ митрополіи і во архіепископьяхъ ѣздили по городомъ и десятинамъ десятильники и заѣщики, а сбирали святителемъ дать по книгамъ и вою пошлины по грамотамъ и по книгамъ по старинѣ и къ томъ священникомъ и дьякономъ отъ десятильниковъ и заѣщиковъ была нужа великая и продажа отъ нынѣ впредь по цареву соуду и соборному уложенію по тѣмъ градомъ десятильникомъ и заѣщикамъ не ходити; а уставити по тѣмъ градомъ по всѣмъ и по десятинамъ десяцкихъ священниковъ да старостъ земскихъ цѣловальниковъ, которымъ Царь прикажетъ и гѣ старосты и цѣловальники съ тѣми десяцкими священники святительскую дань и десятильничьи и заѣщичьи пошлины сбираютъ по книгамъ и по грамогамъ, да отдаютъ святителемъ сполна съ году на годъ, на Рожество Христово или на сбор. (Стоглав. Библ. Пог., № 102 и 103).

Библиотека ООН
Академия наук СССР